Алексѣй Ремизовъ

Россія въ письменахъ

Т. I

МОСКВА БЕРЛИНЪ
«ГЕЛИКОНЪ»
1922

Эта книга
отпечатана въ Берлинѣ
въ мартѣ 1922 года
въ типографіи Sinaburg & Co. G. m. b. H.
для книгоиздательства
„ГЕЛИКОНЪ“
въ количествѣ 3100 экземпляровъ
изъ коихъ сто нумерованныхъ
оттиснуты на особой бумагѣ и переплетены
Обложку рѣзалъ на деревѣ
В. Масютинъ

А. РЕМИЗОВЪ

РОССІЯ ВЪ ПИСЬМЕНАХЪ

ТОМЪ I

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЕЛИКОНЪ“
МОСКВА ✦ БЕРЛИНЪ
1922

Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довгелло

РОССІЯ ВЪ ПИСЬМЕНАХЪ

Баня

начальное

Откуда и какъ пошло старинное мое пристрастіе къ старой бумагѣ и буквамъ, непонятнымъ для нынѣшняго глаза?

А все дѣло въ Москвѣ, должно быть: родился я на Москвѣ, въ замоскворѣцкихъ Толмачахъ, а изъ Толмачей шагъ шагни, и весь Кремль, какъ на блюдечкѣ. И вотъ первое, что услышало мое ухо, былъ старинный кремлевскій красный звонъ, большой реутъ-колоколъ, и первое, что увидѣлъ мой глазъ, были древнія кремлевскія башни съ Иваномъ Великимъ.

Позже — хожденія въ ночные успенскіе крестные ходы — столповое пѣніе московскаго Большого Успенскаго собора. Тамъ, что ни служитель, — стрѣлецъ, а соборяне и нынче поютъ, какъ при царѣ Иванѣ пѣли. Выйдутъ черные пузатые на литію, да загудутъ басами самогласенъ Подобаше — стихъ литійный — стоишь, шевельнуться боишься.

Много тоненькихъ свѣчей передъ чудотворнымъ образомъ Владимирской, много и передъ любимымъ моимъ Благовѣщеніемъ — передъ архангеломъ, благовѣствующимъ радость велію. И тутъ же изъ надсвѣчной тьмы красноустый Спасъ-ярое око. А тамъ у Петра митрополита Божія Матерь-теплая ручка — приложишься, и такая она теплая, какъ живая, — тамъ лампада неугасимая.

— Господи, помилуй — Господи, помилуй — Господи, помилуй — Господи, помилуй — гудутъ соборяне.

Стоишь, шевельнуться боишься.

И, какъ помню себя, помню Макарьевскія Четьи-Минеи — огромныя, въ кожаномъ переплетѣ: съ восковой свѣчей, капая, читаю въ голосъ житія мучениковъ, о страстяхъ ихъ мученическихъ и терпѣніи.

И далеко, еще въ раннемъ дѣтствѣ, слышалъ я имена Погодина и Забѣлина, произносимыя съ особеннымъ почитаніемъ людьми, никого не почитающими.

А потомъ слушалъ я лекціи самого Василія Осиповича Ключевскаго.

Тутъ наступилъ срывъ въ моей жизни и начало плаванія моего по морю житейскому. И ужъ немало лѣтъ спустя, пообшаркавшись, выплылъ я въ Вологдѣ, и свела меня судьба съ княземъ обезьяньимъ, П. Е. Щеголевымъ.

Жили мы въ Вологдѣ испоконъ вѣковъ въ одномъ домѣ у Подосенова. Только Павелъ Елисеевичъ на улицу, — а я во дворѣ. Вмѣстѣ ѣли, пили, купались, вмѣстѣ ходили въ баню. Съ этого все и пошло.

Павелъ Елисеевичъ, какъ извѣстно, сложенія богатырскаго, на воронежскихъ пшеничныхъ хлѣбахъ питанъ, а я, какъ кощою въ Толмачахъ зародился, такъ и остался — и въ Толмачахъ не выѣлся! — и останусь кощою до второго пришествія. Я, бывало, живо вымоюсь и на полокъ залѣзу съ вѣникомъ: я все самъ себѣ — и спину тру и вѣникомъ постегаться могу. А Павелъ Елисеевичъ не можетъ. Павелъ Елисеевичъ только-еще-только себѣ головку отмылилъ. Я надъ нимъ и управляюсь. И какъ, бывало, примусь спину тереть, ужъ тру, тру, въ двѣ руки

стараюсь, а все не пробрать никакъ, чтобы до красна. Передохнешь малость, да съ кипяточкомъ, ну, — и вспыхнетъ спина, что огонь. Тутъ-то вотъ и начинается. И чего-чего, бывало, въ распарѣ да банномъ воздухѣ — въ банномъ пару пріятномъ, чего только ни разсказывалъ Павелъ Елисеевичъ!

О Персидѣ, волхвахъ персидскихъ, и о звѣздѣ виѳлеемской, и о Египтѣ, и о Индіи, всю старину, и допотопную самую, изъ-подъ земли, подспудную, изъ преисподней на свѣтъ Божій подыметъ, и на всѣхъ-то на двунадесяти языкахъ, само собой, и по-нашему, — много-ль нынче среди русскихъ писателей, кто-бы по-русскому-то умѣлъ говорить, по-настоящему! — начнетъ съ санскритскаго, кончитъ по-персидскому.

А какъ пѣлъ! Въ банѣ особенно поется, да если еще съ голосомъ да съ душою. Ну, подтягиваешь, бывало, ну, что ужъ, это не то, разбойничьи пѣсни пѣвалъ Павелъ Елисеевичъ, атаманскія.

покатилася головка
покатилась голова,
знать, такая уже доля
атамана казака.

А выйдемъ изъ бани, да съ вѣникомъ по морозцу, по вологодскому домой на Желвунцовскую — паръ-то отъ насъ за версту! Наша хозяйка, старуха Подсениха, видно, по этому самому пару, по клубамъ бѣлымъ, и примѣчала, что, молъ, возвращаются домой нагрѣшники, да скорѣе самоваръ на столъ. А разсядемся за самоваромъ — съ полотенцемъ чай-то пивали! — и опятъ разговоры.

Павелъ Елисеевичъ мнѣ письма самого Гоголя показывалъ! Ему изъ Академіи въ Вологду добра этого тюками присылали: тюкъ получилъ, разработаетъ и назадъ въ Питеръ. А ему еще подвалятъ. Насмотрѣлся я, слава Богу, навострилъ глазъ на старой бумагѣ, на буквахъ непонятныхъ для нынѣшняго глазу.

А премудростямъ палеографическимъ, чтенію и письму глаголическому, виноградной вязи, юсамъ и аористамъ научила меня ученица покойнаго профессора Иліи Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, дѣйствительный членъ санктпетербургскаго археологическаго института.

Сталъ я понемногу старину читать, сталъ въ старинѣ разбираться и затѣялъ по обрывышкамъ, по никому ненужнымъ записямъ и полустертымъ надписямъ, изъ мелочей, изъ ничего представить нашу Россію.

Изъ мелочей, изъ ничего представить Россію, чѣмъ жила она и стоитъ донынѣ, — вотъ она, какая затѣя!

И затѣѣ моей конца краю не видно.

1917 г.

Каменные пруды

подспудное

Какіе такіе каменные пруды?

А вотъ такіе! Спросите любую бабу съ Песковъ либо съ Каместровскаго (Каменноостровскаго по нашему) и она вамъ скажетъ. Или, не стоитъ, не спрашивайте, не скажетъ, а лучше подкараульте, какъ одна другую перейметъ гдѣ на Суворовскомъ.

— Ты куды?

— На каменные пруды!

И не безъ лукаваго смѣшка разойдутся.

Та, что спросила, пойдетъ къ себѣ на Каменноостровскій, а та, что отвѣтила — къ себѣ — къ Смольному: тамъ знакомый у нея, онъ же знакомый и той каместровской.

Пруды эти каменные и значитъ такое мѣсто, ни за что не догадаешься.

И если когда вздумается вамъ отъ глазъ ненужныхъ какъ получше схорониться, объявите свое жительство на каменныхъ прудахъ, и ужъ будьте увѣрены, безпокоить васъ никто не будетъ: ищи тамъ!

Въ нашихъ дѣлахъ житейскихъ этихъ самыхъ каменныхъ прудовъ, хоть прудъ пруди, а попадаются и такіе, и не только въ дѣлахъ, совсѣмъ не въ дѣлахъ — въ книгахъ богодухновенныхъ и богоглаголемыхъ, подспудно.

Я вамъ разскажу о каменныхъ прудахъ книжныхъ и о диковинкахъ, скрытыхъ въ нихъ.

* *
*

1

Есть у меня Потребникъ филаретовскій — даръ дебренскаго блудоборца и князя обезьяньяго Іоанна Рязановскаго.

„Книга глагомая потребникъ“ начата печатаніемъ 7139 (1631) г. апрѣля 1 дня, окончена 7141 (1633) іюня 29, въ 20-е лѣто царствованія Михаила Ѳеодоровича, въ 14-е лѣто патріаршества Филарета Никитича, кончается чиномъ братотворенія.

Лѣта 7149 (1641) мѣсяца августа въ 6 день сию богодуховную книгу потребникъ положил в церковь Покрова Пресвятые Богородицы і Великаго Христова Чудотворца Николы і Всѣх Святых Ѳедор Никитин сынъ Безстужев, зри в другой книгѣ. (Потребникъ былъ раздѣленъ на двѣ части, вторая начиналась чиномъ и уставомъ на трапезѣ и оканчивалась святцами во весь годъ).

Сия книга богоглаголимая потребникъ церкви Покрова Пресвятой Богородицы и Николы Чудотворца и Всѣхъ Святыхъ и Святыхъ Великомучеников Флора и Лавъра, что въ Кулигѣ на Шарнѣ на рѣкѣ в Кулисъкой вости і въ Богородской.

К сей сказске покровской церковно-дьячек Васка Дѣевъ сынъ вмѣсто Григорья Семенова сына Беварева по ево челобитью руку приложил.

К сей сказске покровской дьячекъ Сенка Козмин сынъ Мурановъ руку приложилъ.

К сей заемной кабалѣ Бориско Өедоровъ сынъ Поповъ вмѣсто тово и тово именем по его велѣнью руку приложилъ.

А подъписалъ сию книгу церковно-дьячек.

Помилуй мя, Боже, по велицей милости!

Надписи вьявь стоятъ, раскрой книгу и чти.

А есть и подспудное: на листѣ, которымъ оклеена переплетная доска, письмо руки Васьки Дѣева. Васька Дѣевъ не только твердо читалъ и писать умѣлъ крѣпко, а и по крюкамъ пѣлъ, и гораздъ былъ до мудрости.

не тот мудръ, кто много знаетъ,
тотъ мудръ, кто молчит.
и не тотъ мудръ, кто много разнаго
добра творитъ.

книжная премудрость подобна есть
солнечной свѣтлости.
солнечную свѣтлость мрачный облакъ
покрываетъ.
а книжныя премудрости и в тварь
скрыти не можетъ.

лѣта 7160 (1652)-го

Вотъ онъ какой Дѣевъ, человѣкъ времянъ и розума!

2

Есть у меня Краковская Библія*) 1574 г. — даръ старѣйшаго кавалера обезьяньяго знака, странника Евгенія Злодіевскаго отъ варягъ — Е. Г. Лундберга. Богодухновенная книга сія на языкѣ польскомъ готической печати съ гравюрами — монограмма изъ буквъ E и S (S

*) Первая печатная Библія на польскомъ языкѣ 1561 г., а эта 1574 г. — вторая.

змѣйкой обвилась по стволу Е), переплетъ кожаный, доски дубовыя, отъ застежекъ сохранились лишь мѣдяныя гнѣзда. Открывается Библія посланіемъ св. Іеронима къ капелану Паулину, затѣмъ идетъ предисловіе св. Іеронима, заглавнаго листа нѣтъ, но уцѣлѣло заглавіе къ евангелію — Nowy Testáment Polski — Новый Завѣтъ Польскій — 1575.

Въ началѣ XVIII в. Библія принадлежала Гедеону Генбецкому — Ex libris Gedeonis Giebecki 17 septembris 1715, имъ же и переплетъ обновленъ, чистые листы пущены, доски со внутри оклеены — чисто, гладко, безъ пятнышка, и лишь одинокая надпись высоко по краю оклейки: греческое о т ч е н а ш ъ латинской буквицею.

А до Генбецкаго была Библія въ рукахъ русскаго человѣка, съ своей стороны тоже тронувшаго старинный переплетъ: подъ бѣлой бумагой Генбецкаго на доскахъ есть еще бумага, прикрывшая бумагу начальную. Одолѣлъ русскій человѣкъ евангеліе, взялся за Ветхій Завѣтъ и до книги Іова дочиталъ, но тутъ и помере. До книги Іова ко всякому польскому заглавію книгъ писалъ онъ тоже самое по русски, а всякую главу обозначалъ числомъ славянскимъ, а въ шести мѣстахъ, залюбовавшись картинками, не удержался, приложилъ свою руку доброписную.

і совершися небо и земля и все утверждение их. І соверши Богъ въ день шестый дела своя, яже сотвори. І созда Богъ человѣка і сотвори ему помощницу жену. И насади Богъ рай на востоцѣ и введе ту человѣка, его же созда. И изыдоша четыре рѣки изъ Едема напояти рай, именуемыя Фисон, Геон, Тигръ, Ефратъ. И заповѣда Богъ Адаму от древя, еже разумѣти добро и зло, не ясти. И сотвори Богъ звери и птицы и гади, и приведе я вся ко Адаму да наречет имена.

3

Въ Благовѣщеніевъ день, по отпущеніи на волю птички, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, копнулъ я генбецкаго наклейку и ужъ до поздняго часа сидѣлъ надъ книгой, разбирая письмо подспудное.

Двѣ наклейки снялъ я, третья бумага начальная, къ доскѣ приклеена, а на ней, на третьей, три польскія надписи:

Ja Stanislaw Hirzda reka swa wlasna darowalem Panu Kaznodziei mackiskiemu panu Janowi Nowogurskiemu te swiçtey ⱬiegi Bibliiy roku 1624 maia 24 dnia.

Ja Schwost Maciey oznaymuie, ze n... bozy siemu maliaszowi cie... t ostata po zenie moiy bywszyi Nonogursky. Roku 1624 Maciey Schwost.

Ja Zacharuasz Nowogursky pozyczylem panu Jozefowi swety bibliy iz Krakowsskyem c... na czas sluzny od stycznia do krolewska dnia stego siodmego kwyetnia.

По краю же къ корешку, прикрывая польскія надписи, наклеены были полоски плотной бумаги, по двѣ полоски, — работа русскаго человѣка, скончавшагося на книгѣ Іова. Какъ видно, обновляя старинный переплетъ, заклеилъ онъ польскія надписи, а для прочности веревокъ и скрѣповъ пустилъ полоски.

Сталъ приподнимать я тугія полоски, вижу наша скоропись кудрявая, какъ березка кудрявая, а крѣпка, что дубокъ.

„Съѣхали с Москвы государя нашего дворовые люди для разных дѣлъ государя“.

У меня такъ и зарябило въ глазахъ ... Да вѣдь, это наше, кровное наше, такое прошлое, а словно и ближе вчерашняго, точно самъ тамъ былъ и медъ пилъ, и вотъ вспомнилъ все. А вотъ въ уголку подъ веревкой и углубленіе величиной съ орѣхъ — тайникъ.

„Съѣхали с Москвы Государя нашего дворовые люди для разных дѣлъ Государя“.

Листки конца XVII вѣка изъ записной книги Приказной или Судной или Съѣзжей Избы, точно сказать не могу, а города нижегородскаго, Горбатова можетъ быть, судя по упоминаемымъ селамъ — с. Богородское, Ворсма.

★

кирпишником куплено капусты два ведра у Евка Кузмина, дано въ половину 2 денги

½ алтына 2 денги
посыланъ в село Богороцкое с писною грамоткою Стенка Харин . . .

. . . рождественской к Василью Леонтьеву для боярскаго дела, дано ему 6 денегъ.
нижегороцкой подячей Митка Суботин . . .

ноября въ 4 день куплено в судную избу писчей бумаги у Івана Денисова да у Марка Іванова 4 дести, дано въ половину 3 алтына 5 денегъ

декабря в 6 день послана в село Знаменское денежная казна, дано целовальнику Семену Олѳерову 15 алтынъ

. . . ма 2 алтына
приезжали из Нижнего Новагорода приказной избы подячей Матвей Гавриловъ . . .

въ ростъ 6 денегъ
куплено на конюшей двор два ко . . .

в половину 15 алтынъ
съѣхали с Москвы Государя нашего дворовые люди для разныхъ делъ Государя...

по 6 денегъ

куплено имъ харчю и хлѣба . . . у курихъ на 4 денги.

проводникомъ дано Стенке да Мишке пр...

. . . ивъ стрелцами для поимки . . . . для Государева...

поповъ с приставомъ приѣзжали в село Ворсму для заручки выбора о тюремныхъ целовальниковъ, дано ему въ почесть *) въ половину Ворсомскаго ста...

тогож числа послан ходок к Москвѣ с книгами и с отписками Стенка Алай, дано ему въ половину...

. . . с писною грамоткою, дано въ половину 6 денегъ...

декабря въ 10 день кирпишному приемщику Александрику Іванову в два по...

*

Вотъ и все. Мало?

А когда, снялъ я скорописныя полоски съ корешка задней доски, на оклейкѣ которой подъ одинокой генбецкой надписью — греческимъ о т ч е н а ш ъ — стояло неизвѣстно къ чему —

*) Благодарность — взятка — хабаръ.

Hic jacet
Anna corpus
здѣсь покоится тѣло Анны

и копнулъ глубже клейкій слой скрѣповъ и веревокъ, показалась еще бумага ужъ новогурскаго, и снова, какъ при „людяхъ государевыхъ“, зарябило въ глазахъ.

Exerticium Scholasticum

Латынь для русскаго человѣка! Вы понимаете?

И это такъ, то самое чувство, какъ входишь въ Notre Dame и вѣетъ сѣрый холодокъ отъ сѣрыхъ стѣнъ, отъ сѣрыхъ статуй и надписей, отъ древняго чужого пѣнія и непонятныхъ чужихъ молитвъ.

Это не то, это не люди государевы, это не наше, не русское, но и такое, наше родное, только очень далекое, полузабытое — вѣдь у нихъ нашъ Никола въ Бари покоится, и въ Римѣ Алексѣй Божій человѣкъ, о которомъ калики поютъ, и если огненная Послѣдняя Русь стоитъ на Хожденіи Богородицы по мукамъ, я и тамъ слышалъ страстную пѣснь. Вотъ и вспомнилъ! И зарябило въ глазахъ.

1914 г.

Печь

изразцовое

Когда васъ учили грамотѣ, вамъ покупали Азбуку и повелось это такъ давно и съ такой старины, что и памяти этому нѣтъ. Сейчасъ вы читаете не только по-русски, но и по-фряжски, а Азбуку, по которой вы учились, вы ее не помните, истрепалась она, исковырялась и помину нѣтъ.

А были въ стародавней Россіи такія Азбуки, что никакъ не изорвешь, просто зубъ не возьметъ. И такая Азбука, кромѣ наученія, и стариковъ веселила. Сидѣлъ бы при ней безъ конца: тепленько!

Азбука эта — печь, покрытая узорными изразцами.

Къ ней-то, русской матушкѣ, жались малыя дѣти, обводили пальчиками голубые узоры, смотрѣли на диковинныхъ звѣрей — пальчиками обводили: надписи по складамъ складывали.

Книга, Богъ съ ней: гдѣ книга, тамъ и розга. А тутъ тепло и утѣшно. Что утромъ съ плачемъ заучитъ, то въ полутьмѣ у лампадки на печи разберетъ, да тутъ же и заснетъ пригрѣтый, — слава Тебѣ, Господи!

А то, бываетъ, придвинутъ короткій дубовый столъ къ печному пузатому боку, да двѣ скамьи. И два старца сядутъ вспоминать стародавнее. Развезетъ ихъ въ теплѣ за четвертымъ кубкомъ и шепчутъ беззубые:

— Свое дѣло знаю.

А другой лбомъ привалится.

— Не безъ труда мнѣ сіе нести.

— Про себя вѣдаю.

— А что мнѣ по семъ будетъ?

И опять — очнулись! — и старая память пошла стародавняя, когда плѣшивые были кудрявыми дѣтьми и учили утѣшныя изреченія.

— Сія трупная глава . . .

Угасаетъ духъ, отлетѣли страсти, прожита жизнь, лишь дѣти пробѣгутъ мимо — дѣтворѣ все игра, все весело. Стукнетъ серебряный ковшъ и старческій голосъ скажетъ:

— Любуюся на нихъ.

Прошло время Петра, а гордые изразцы, холодные ледяные, — одно полотно стоитъ и я, читая затѣйныя надписи, любуюсь на нихъ.

1

Стоитъ женщина, лѣвой рукой приподняла подолъ, а правую положила на большой кувшинъ, что стоитъ у нея сбоку.

— хощу измытися —

2

У ногъ человѣка сидитъ песъ: голова положена на колѣни.

— собака моя послушна —

3

Стоитъ простоволосый, въ рукахъ бутылка, на которую показываетъ правымъ перстомъ.

— на него упованіе —

4

Наклонившись, стоитъ человѣкъ, приподнявъ невысоко топоръ, — рубитъ дрова.

— свое дѣло знаю —

5

Поселянка стоитъ посреди кустовъ, она въ короткой юбкѣ и фартукѣ, руки опущены.

— ожидаю господина —

6

Плѣшивый длиннобородый старецъ въ длинномъ кафтанѣ въ родѣ халата съ мѣховой шапкой въ рукѣ.

— бывалъ и я молодецъ —

7

Пейзанъ, обхвативъ за плечи пейзанку, приглашаетъ ее жестомъ правой руки куда-то итти; оба въ голландскомъ костюмѣ.

— идемъ мы вкупе с тобой —

8

Двѣ старухи дерутся длинными ложками-шумовками; у одной сбитъ съ головы шлыкъ. Вдали собака лаетъ на кошку, усѣвшуюся на заборѣ.

— нѣсть мира между нами —

9

Стоитъ Самсонъ и у его ногъ лежитъ вверхъ лапами съ изломанной челюстью левъ (очень маленькій).

— сильнаго победихъ —

10

Разставивъ широко ноги, сидитъ на скамейкѣ музыкантъ и держитъ подобіе скрипки, по которой водитъ необыкновенно длиннымъ смычкомъ.

— музыку умножаю —

11

Ровное поле. По полю проходитъ согбенный человѣкъ съ тяжелымъ камнемъ на спинѣ.

— не бес труда мне сие нести —

12

Кавалеръ въ нѣмецкомъ костюмѣ XVI вѣка стоитъ передъ сидящей крестьянкой въ короткой юбкѣ съ фартучкомъ, и что-то показываетъ рукой.

— угодно мне сие —

13

Стоитъ подъ кустомъ амфора, наполняющаяся струей изъ высокотекущаго источника.

— темъ наполняюса —

14

Согнувшись, съ палкой сидитъ старикъ на скамейкѣ.

— сижю на месте —

15

Старикъ съ длинной бородой наклонился съ дорожной фляжкой къ источнику.

— надобно почерпнути —

16

Виденъ человѣкъ, сидящій по поясъ въ телѣгѣ, впереди пара лошадиныхъ хвостовъ и копыта, тянетъ возжи.

— еду до места своего —

17

Молодой парень съ котомкой, прикрѣпленной на концѣ палки, онъ улыбается и смотритъ на стоящую вдали дѣвушку.

— о чемъ желаю —

18

На распутьѣ двухъ дорогъ стоитъ человѣкъ въ армякѣ, онъ развелъ руками въ недоумѣніи, ноги врозь.

— стою при пути —

19

Въ пустой горницѣ стоитъ человѣкъ въ шапкѣ и держитъ у груди кинжалъ.

— храню его опасно —

20

За столомъ сидитъ длинный бородатый старикъ въ длинной полумонашеской одеждѣ, опершись на лѣвую руку; борода свѣсилась на столъ, глаза полузакрыты.

— про себя ведаю —

21

Кавалеръ и дама сидятъ на бревнѣ среди лѣса лицомъ другъ къ другу, рука дамы лежитъ на шеѣ кавалера, а онъ ее держитъ за талію. Въ свободныхъ рукахъ у нихъ цвѣты.

— здѣсъ намъ мѣсто —

22

На трупѣ лошади сидитъ воронъ.

— темъ питаюса —

23

Птица сидитъ на сучкѣ дерева; одно крыло приподнято.

— прилучися зде сести —

24

Ястребъ вцѣпился въ маленькую птичку. Вдали пейзажъ.

— познаютъ мя отъ нохтей —

25

Плѣшивый бритый нюхаетъ цвѣтокъ.

— духъ его слатокъ —

26

Черепъ, а вдали колода.

— сия трупная глава,
а по смерти наша такова —

27

Человѣкъ держитъ разбитый сосудъ — горлышко отъ бутылки.

— не во время каюся —

28

Дерутся двое на-кулачки.

— дерзновенно и скоро —

29

Одинъ на рѣкѣ въ лодкѣ, другой на берегу.

— советую я тебѣ возвратится —

30

Старикъ за бутылкой.

— хоша и старъ да хочется —

31

Человѣкъ въ шляпѣ голландскаго образца держитъ подъ-мышкой большую фіаску — пузатую бутылку, оплетенную камышомъ.

— сие мне про себя —

32

Двое господъ въ нѣмецкихъ кафтанахъ сидятъ съ ружьями на придорожныхъ скамьяхъ, а вокругъ нихъ лежатъ собаки.

— любовь наша съ нами —

33

Густой лѣсъ. Изъ-подъ колоды выглядываетъ человѣкъ. Вверху на вѣткѣ воробей.

— отъ всѣхъ гонимъ бываю —

34

По косогору идетъ усталый путникъ съ посохомъ.

— иду до места своего —

35

Бѣшенно мчится черезъ лѣсную трущобу человѣкъ, размахивая веревкой. Сквозь чащу видна голова рогатаго оленя съ высунутымъ языкомъ.

— хощу поимати елень —

36

Худощавый человѣкъ сидитъ за маленькимъ столикомъ. Вдали окно. На столѣ разбросаны деньги, у ногъ мѣшки. Считаетъ.

— что мне по семъ —

37

Посреди стоитъ ландкнехтъ, широко шагнувъ и поднявъ большой мечъ.

— везде храбръ сражатся —

38

На горной плѣшинѣ на взлобьѣ стоитъ дубъ, мимо него дорога.

— стою при пути —

39

Заяцъ сидитъ подъ кустомъ. Вдали бѣгутъ охотники съ луками.

— оно меня защищаетъ —

40

Подсолнечникъ нагибается, изъ него летятъ сѣмена.

— показую путь себе —

41

Охотникъ стоитъ съ ружьемъ.

— охота моя со мною —

42

Молящійся старецъ на колѣняхъ, другой замахнулся усѣчь его мечомъ.

— правду гонитъ —

43

На завалинкѣ у избы сидятъ влюбленные. Изъ высокаго маленькаго окошка выглядываетъ страшная харя.

— любуюся на нихъ —

1918 г.

Ковшъ

сребро-вязь

Ловокъ Петръ Баженовъ кунгурецъ, посадскій человѣкъ: чего хочешь сдѣлаетъ и чего не знай выдумаетъ — и въ говори гораздъ и на сметкѣ споръ. Грозенъ царь Петръ Алексѣевичъ, великій государь. А и того смилостивилъ: пожаловалъ государь кунгурца серебрянымъ ковшомъ.

Не спроста получилъ Баженовъ завѣтный ковшъ: при сборѣ ярыжнаго налога перебралъ голова кружечный и таможенный тысячу триста пятьдесятъ шесть рублевъ и полностью представилъ царю. Какъ и гдѣ, какими силами, правдой или неправдою собралъ онъ излишекъ, про то Богъ вѣдаетъ. Столбцовъ не осталось. Сгинули. Помнитъ лишь ковшъ.

Божіимъ произволеніемъ ковшъ дошелъ до нашего времени и хранится въ старой новгородской общинѣ, въ Хлыновѣ городѣ — въ Вяткѣ, у Николая Ивановича Кардакова, вятчанина природженнаго, что живетъ въ собственномъ домѣ на Московской улицѣ.

И я этотъ ковшъ серебряный рѣзной въ рукахъ держалъ — самого государя жалованіе!

Звенитъ серебро, тонка рѣзь поблескиваетъ.

Божиею
милостию мы
велики государь
царь и велики
князь
Петръ
Алексѣевичъ
всея
великия
и малыя и
бѣлыя
Россиі
самодержецъ
пожаловалъ симъ ковъшемъ кунгурца посадъцкого человека Петра Баженова голову кружечного и таможеннаго за ево радѣніе и за прибор, что он, будучи в службе великаго государя у збору денежные казны, і противъ настоящего году учинилъ прибор 1356 рублевъ, прибор немалой, 1700-го апрѣля въ 15 день

Хитра - головоломна вязь въ узоръ сплетаетъ пышный — наслѣдіе старой тишайшей Руси — арабскими буквами раскинулась, заплелась. Глядишь и вдыхаешь вольную ширь степей — приволье аральское. Гляди зорче, слышишь, звонко колокольчикъ звенитъ, мѣрная поступь верблюдовъ, духъ отъ степныхъ костровъ — зелень и ширь степная.

1918 г.

Базаръ

грыдоровальное

Есть у меня память зарѣцкая — рѣдкій листъ: девяносто и двѣ Богородичныя иконы на мѣди рѣзанныя, на синей бумагѣ отпечатанныя.

Изъ каждой черточки наружу просится дѣтская увѣренная вѣра рѣзчика-кустаря, передававшаго, какъ Богъ на душу положитъ, хитрое изуграфское дѣло мастера иконописца, а писалъ мастеръ по тонкимъ стариннымъ подлинникамъ.

И тамъ, гдѣ была тѣнь, тамъ рѣзчикъ клалъ просто черту, и выходилъ глазъ не глазъ, носъ не носъ. А все вмѣстѣ напоминало, что снята картина съ хорошей иконы и что рѣзчикъ-кустарь въ то время, какъ привычная рука его рѣзала гладкую пластинку мѣди, шепталъ неслышно однѣми губами —

Богородице Дѣво радуйся;
Благодатная Маріе

Благочестивъ былъ рѣзчикъ Арефьичъ, но и кропотливъ непостижимо: возьметъ да листъ синей бумаги изъ трехъ вершечковъ склеитъ на хлѣбной водѣ, да на такомъ листѣ и печатаетъ, а какъ разстригутъ листъ по иконамъ, все и распадется.

Да все-таки дѣло Божье.

Дошли до насъ святыя иконы въ его, Арефьича, отпечаткахъ — „грыдоровальныхъ рѣзяхъ“ по Петрову сказу.

Сейчасъ висятъ въ книжницѣ моей передъ глазами, наклеенныя на толстомъ синемъ картонѣ.

Въ правомъ верхнемъ углу — Богородица Ерманская.

Всѣ онѣ разрѣзаны отдѣльно и наклеены рядами.

Въ средней полосѣ слѣды мазковъ масляной краски.

Епифанъ маляръ ихъ наклеивалъ — не чуждъ былъ иконописнаго дѣла. Для того и наклеилъ маляръ Епифанъ всѣ эти иконы и спасъ арефьевичево дѣло отъ потопа временъ.

А достались мнѣ эти иконы отъ кавалера обезьяньяго знака Вл. А. Пяста.

Жилъ Пястъ лѣто въ тверскомъ Зарѣцкомъ имѣніи у инспектора Мельницкаго. Въ комнатѣ его висѣлъ этотъ листъ Богородичный. И какъ пришла пора назадъ въ Петербургъ собираться, вспомнилъ онъ обо мнѣ, снялъ со стѣны листъ, сдунулъ пыль, обернулъ въ чистую бумагу да въ чемоданъ на самое дно къ своимъ завѣтнымъ стихамъ и къ цвѣтамъ сухимъ — памяти лѣта.

Хотѣлъ и образа съ собой взять — два образа древняго письма. Да никакъ вынуть не можетъ — въ стѣну врѣзаны. Надо рубить косяки. Такъ и оставилъ: не хотятъ уходить, значитъ.

Отъ времени потрескался и изломался картонъ.

И задумалъ я нынче снять иконы и вклеить въ тетрадь изъ такой же синей бумаги — былъ у меня запасъ небольшой.

И вотъ за тихой работой моей, поминая Арефьича рѣзчика и маляра Епифана, отклеивалъ я листокъ за листкомъ. И нашелъ я на оборотѣ одной изъ иконъ — образа Пресвятыя Богородицы Ясногорскія запись:

безъ квартере оне.

И сразу вспомнилось мнѣ, точно при мнѣ писались эти слова, смыслъ которыхъ — нищета и позоръ.

★

И видится мнѣ глухое торговое село.

Жаркій лѣтній день, разноголосно шумитъ базаръ.

Подъ навѣсомъ изъ грубаго холста на залавкѣ груды синихъ печатныхъ гравированныхъ листовъ-молитвъ.

За досчатымъ залавкомъ бородатый румяный торговецъ — бойко бѣгаютъ лукавые маленькіе глазки. Передъ залавкомъ мальчишка-подрушный услужливо предлагаетъ покупателямъ товаръ, то перемигиваясь, то перекликаясь со знакомыми мальцами сосѣднихъ лавочниковъ.

И вотъ когда господинъ въ рыжемъ потертомъ пальто сталъ шептать приказчику, малый схватилъ перо, написалъ на синемъ листѣ и сунулъ на глаза другому мальцу, который недоумѣвая глазѣлъ на шепчущаго приказчика съ тѣмъ въ рыжемъ потертымъ пальто.

— Безъ квартере оне, — прочиталъ тотъ и все понялъ.

И слышится мнѣ этотъ униженный шепотъ нищеты несчастной. И чую я, какъ свое сердце чую, всю бѣду нашу и мнѣ чего-то жалко, и самъ не знаю, за кого и кого прошу.

А лѣтній жаркій день, базаръ, листы, Епифанъ маляръ, рѣзчикъ Арефьичъ —

Богородице Дѣво радуйся,
Благодатная Маріе

1918 г.

Полиція

безалаберное

Въ бѣлой обложкѣ лежитъ на моемъ столѣ толстое дѣло Ветлужскаго Полицейскаго Управленія.

„Дѣло о запискахъ, прибитыхъ въ ночь съ 8 на 9 августа къ квартирамъ въ городѣ Ветлугѣ.“

Привольно и весело жилось лѣтомъ въ городѣ Ветлугѣ. И что хорошо: каждый обыватель знаетъ не только съ лица каждаго, а даже и то, что у кого на обѣдъ было, и когда въ послѣдній разъ съ женой поругался, и кто къ чьей женѣ ходитъ, — все извѣстно.

Болтливы ветлужане, любятъ посудачить и особенно за рюмашечкой въ клубѣ: тутъ и пѣсни поютъ, тутъ и пляшутъ, — кому какое дѣло! А придутъ попозднѣе судейскіе, заиграетъ органъ и загремитъ хоръ:

не говори, что молодость сгубила,
всю зиму ты ходила безъ штановъ...

Не житье, а масленица — тихо, покойно — сладокъ, жиренъ пирогъ, крѣпокъ сонъ.

А знавала и Ветлуга тяжелые дни.

3-го августа загорѣлось въ клѣти при домѣ мѣщанина Комиссарова, отъ него перекинулось къ Евстиѳееву, и вспыхнуло все Зарѣчье. Ночью какъ огненная волна

прошла по рѣкѣ Ветлугѣ. Бѣгали, кричали. А къ утру однѣ головѣшки остались.

День передохнули, опять напасть: загорѣлось уже въ самомъ городѣ у инвалида Кузьмича однорукаго, что поляковъ усмирялъ, а потомъ задымилась Козья изба — у самаго волостного правленія изба — да ее отстояли. Сбѣжались стѣной всѣ козьи поклонники, не оставили грѣшную бабу.

Со страхомъ легли ветлужане въ мягкія перины, всю ночь не спали колотушечники, и два дня благополучны были.

Поставили, наконецъ, большіе чаны-обрѣзы на каждомъ перекресткѣ, налили ихъ до верху водой, все-таки душа поуспокоилась: будетъ откуда ведрами черпать, не то что на рѣку бѣгать каждый разъ съ ведромъ! Уснули покрѣпче, а утромъ встали и видятъ, къ земской управѣ къ дверямъ записка со стихами прибита:

о, вы сонливые
ветлужане болтливые,
протрите глаза:
прошла уже гроза,
прошло ваше горе,
упала туча въ море.
не нужны ваши кадки,
все бабьи то повадки:
хоть вашъ исправникъ и дрожитъ,
вашъ городъ *не* сгоритъ!

Нѣсколько такихъ записокъ было прибито въ разныхъ мѣстахъ города, двѣ прибиты къ дверямъ исправника Лебедева, „содержа много оскорбленій, — такъ гласитъ протоколъ, — для чиновниковъ, а особенно для полиціи.“

Исправникъ рѣшилъ, что записки эти могутъ имѣть вліяніе на настроеніе умовъ, а потому постановилъ ихъ уничтожить.

И осталась только записка, прибитая къ дверямъ управы.

А исправника Лебедева и помянуть нечѣмъ, развѣ тѣмъ только, что былъ охочъ до коньяку, и былъ онъ къ нему лютѣе, чѣмъ даже уѣздный членъ.

1918 г.

Псалтырь

провинціональное

Юрій Верховскій Слонъ, кавалеръ обезьяняго знака, принесъ мнѣ однажды именинный даръ.

Мнѣ показалось, что это табакерка, потомъ, приглядѣвшись, подумалъ:

„Нѣтъ, ящичекъ изъ желтой кожи,покрытой краснымъ лакомъ, съ золотымъ тисненіемъ“.

А это была не табакерка и не ящичекъ, это былъ псалтырь екатерининскій.

Поставилъ я псалтырь на полку. Да такъ и стоялъ онъ у меня, красуя серебряный мой домикъ — обезьяню великую и вольную палату.

Въ трудную минуту — поистинѣ скажу, только промысломъ Божьимъ еще и живъ я на бѣломъ свѣтѣ! — въ ночную темную пору, когда и звѣзды-то небесныя куда-то всѣ запрячутся, съ ночникомъ-лампочкой коротая ночь, вспомнилъ я, раскрылъ псалтырь — судьбу увѣдать.

И вышло:

„И мимо идехъ и се не бѣ“.

Грѣшный человѣкъ, ничего не уразумѣлъ. А сталъ я закладку перебирать — блѣдно-розовая съ городочками! А потомъ перелистывать началъ.

И вижу, заклеенная страница.

Взяло любопытство. Посмотрѣлъ я на свѣтъ, а тамъ густыми, крѣпкими буро-желтыми чернилами надпись:

1785 года, іюня 5 дня, сею книгою благословилъ я дочь свою Екатерину Григорьевну, которая родилась 1776 года ноября 14 дня. Григорій Розановъ

И взяла меня дума — крѣпко въ рукахъ держалъ я псалтырь — и поплыли передо мной воспоминанія. Не воспоминанія, а отъ бурыхъ чернилъ, отъ руки старца Григорія Розанова плывь памяти.

И встаетъ въ памяти моей какой-то далекій провинціальный городъ XVIII вѣка, затерянный среди песковъ и лѣсовъ обширной родины нашей Россіи.

Видится мнѣ рядъ бѣлыхъ домиковъ, утопающихъ въ зелени садовъ и палисадниковъ.

А дальше въ концѣ улицы даль и гладь.

За широкой полосой зеленыхъ луговъ, за далью холмовъ сизымъ пологомъ подымается туча. Душно послѣ жаркаго дня. Бѣлыя зарницы полыхаютъ между землей и тучей.

И прощаясь протянулись длинныя полосы свѣта — отблескъ послѣдній уходящаго солнца.

А свѣтлая зелень палисадниковъ и вымытые нарядные дома — все говоритъ о мирномъ житіи, о спокойствіи духа, о простотѣ и довольствѣ.

Задумался о. Григорій въ своемъ палисадникѣ передъ шипящимъ самоваромъ.

Бѣлоснѣжная камчатная скатерть сверкаетъ, какъ снѣгъ.

Въ палисадникѣ бѣгаетъ, рветъ малину курносенькая дѣвочка съ двумя косками, младшая дочка о. Григорія, Катя: пушистая мордочка измазана ягодами.

Въ душномъ воздухѣ пахнетъ свѣжей пылью и чаемъ.

Хорошо посидѣть за самоваромъ въ палисадникѣ.

Хороши пѣнки — первое лакомство Катино.

Задумался о. Григорій о Катѣ: бѣдовая ужъ очень дѣвочка, а главное — любимица первая.

И вдругъ вспомнилъ, вышелъ въ кабинетъ, взялъ со стола псалтырь и положилъ твердую надпись — пусть это будетъ ей память о сегодняшнемъ днѣ.

Шумитъ самоваръ, вьются мухи, жужжитъ пчела — пора спать пчелѣ, нѣтъ, жужжитъ. Завтра дождикъ будетъ. Да дай Богъ.

А дальше не знаю, не помню.

1918 г.

Часовникъ

заволжское

Много пришлось мнѣ на своемъ вѣку видѣть чего, въ какіе только углы не забрасывала судьба! И много самыхъ непримѣтныхъ вещей говорятъ мнѣ внятно о людяхъ и жизни канувшей.

Вотъ поглядѣлъ я на эту вашу старую книгу — на развалившійся кожаный переплетъ, процѣлованный, какъ частица мощей. Вижу — часовникъ — рука славныхъ Петровскихъ годовъ. Но гдѣ тотъ человѣкъ, Кореневъ доброписецъ, имя его едва живо поблекшее на оборванномъ пожелтѣломъ листѣ переплета, и чѣмъ кончилъ — самосожженіемъ за правую вѣру или такъ въ скиту у березокъ, не скажу. А напоминать — напоминаетъ мнѣ этотъ часовникъ о многомъ.

Вы знаете, что я былъ судебнымъ приставомъ въ нашей далекой сѣверной глуши. Безконечныя поѣздки на лошадяхъ зимою и лѣтомъ по трясkимъ дорогамъ дремучихъ лѣсовъ. Все, что притупляетъ умъ и ожесточаетъ сердце, вся эта будничная сутолока давила меня, маленькаго безсильнаго чиновника, слѣпого исполнителя судебныхъ предначертаній.

Не красна жизнь подначальнаго чиновника въ уѣздѣ, а еще того хуже жизнь пристава, который только и долженъ исполнять то, что велитъ ему судъ: описывать,

вручать повѣстки, взыскивать по исполнительнымъ листамъ. Вездѣ приставъ нежеланный гость. Въ каждой семьѣ это вѣстникъ несчастья.

И вотъ былъ со мной такой случай, это я все по поводу этой книги. Получилъ я однажды весной исполнительный листъ отъ одного купца на другого купца старообрядца, очень богатаго человѣка, да у котораго только дѣла позамялись.

Товарищъ мой Завитулькинъ, тоже приставъ, не захотѣлъ ѣхать.

— Боже упаси, — говоритъ, — старикъ крутой и нравный, пожалуй кобелями затравитъ.

И пришлось мнѣ ѣхать.

Пріѣзжаю въ уѣздный городишко, а тамъ въ дому нѣтъ купца. Говорятъ съ семьей выѣхалъ на мельницу.

— Въ верстахъ такъ семидесяти отъ города.

Все-то въ этихъ городишкахъ знаютъ!

Сказали бы, выѣхалъ неизвѣстно куда, прибилъ бы я тогда повѣстку къ дверямъ, да и назадъ. А то изволь трястись на мельницу.

Всю ночь ѣхали по какимъ-то ухабамъ и косогорамъ, а къ утру спустились въ грязь, въ болотину, кое-какъ перебрались черезъ живой мостъ — доски ходуномъ ходятъ, вспомнишь, тоска беретъ! — и подъѣхали къ мельницѣ.

У мельницы домъ, хорошій домъ, двухъэтажный, строился заправски.

Долго стучали мы въ двери. Наконецъ-то отперъ какой-то старикъ: смотритъ сурово. Я ему все разсказалъ. А онъ что-то буркнулъ и скрылся. Вошли мы въ горницу.

— Зачѣмъ вошли, не туда! — слышимъ, старикъ кричитъ, — идите по лѣстницѣ наверхъ!

А наверху встрѣчаетъ хозяинъ. Что и говорить, не съ радостью. Ужъ такіе мы постылые! Ну, я все-таки бойко такъ говорю, документы показываю. А хозяинъ молчитъ: ни да, ни нѣтъ.

И вдругъ слышу, шорохъ позади гдѣ-то. И точно потянуло что, оглянулся я и сразу оробѣлъ: въ черномъ старовѣрскомъ сарафанѣ съ серебрянымъ галуномъ, въ бѣломъ платкѣ-косынкѣ, блѣдная такая, строгая — отродясь я не видывалъ такой.

— Это моя дочь, — говоритъ хозяинъ.

А я стою, какъ дуракъ.

Она подошла къ столу, взяла такую вотъ книжку-часовникъ, процѣлованный, какъ частица мощей, и безшумно скользнула изъ комнаты.

Что потомъ говорилъ мнѣ хозяинъ, чего отвѣчалъ я, все позабылъ.

Не забылъ я и не забыть никогда — черезъ всѣ годы, черезъ ерунду житейскую и непріятности, черезъ псю и паршъ чиновней жизни моей, эту старую процѣлованную книгу я помню, вижу ее, темную, въ бѣлой рукѣ, да русую косу, перекинутую черезъ бѣлый кисейный рукавъ.

1917 г.

Патерикъ

церковно-славянское

Помню сводчатую съ венеціанскимъ окномъ келью Андроніевскаго лампадника отца Еввула, веселую: цвѣты во все окно, въ углу иконостасъ, неугасимыя лампады и свѣжія просфоры на столикѣ — серебряное блюдо.

Вижу въ окно нарядныя платья, цвѣтные платочки и шляпки рогожскихъ и таганскихъ невѣстъ — по тѣснымъ дорожкамъ между крестовъ и памятниковъ цвѣтами вьются.

И мягкимъ солнцемъ весенній льется звонъ.

Всякій день всю Цвѣтную недѣлю крестный ходъ послѣ обѣдни вокругъ старой монастырской ограды — носятъ артосъ.

И мягкимъ солнцемъ весенній льется звонъ.

Господи, и до чего хорошъ весною, монастырскій пасхальный звонъ!

Отецъ Еввулъ-Пучокъ — такое повелось „пучокъ" за невообразимую отца Еввула тонкость выраженій для вещей совсѣмъ неподходящихъ и грубыхъ и самыхъ рѣзкихъ! — немудреный добродушный хозяинъ сейчасъ вернется съ крестнаго хода.

Самоваръ на столѣ кипитъ, раскрытъ янтарный куличъ и съ розой паска.

Единственная книга — однокнижна библіотека отца Еввула — большая въ кожаномъ малиновомъ переплетѣ съ мѣдными застежками — какія чудесныя картинки, какія буквы! — кіевская книга Патерикъ.

★

Божіею Милостію Великому
Государю Царю и Великому Князю
Петру Алексіевичу
Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи
самодержцу
Московскому, Кіевскому,
Владимирскому, Новгородскому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому и Великому князю Смоленскому, Князю Естляндскому, Ліфляндскому, Корѣлскому, Тферскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и Великому князю Новгорода Низовскія Земли Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлоезерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и всея Сѣверныя страны и Повелителю и Государю Іверскія Земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія Земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ Государствъ и Земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ, Отчичу и Дѣдичу
и Наслѣдному Государю и Обладателю,
Богомъ дарованному,
Богомъ вѣнчанному,
Богомъ хранимому
Православному Монарсѣ.

★

Замеръ звонъ.
Желтый чижикъ въ клѣткѣ поетъ по всякому.

— Отче, благослови! — стучитъ въ дверь запыхавшійся хозяинъ отецъ Еввулъ.

— Аминь.

Сколько лѣтъ потомъ не видалъ я Патерика. А вспоминалъ не разъ, вспоминались картинки: заяцъ Афанасія Затворника, бѣсы преподобнаго Ісакія, голубки Нестора лѣтописца, умный песъ Евстратія постника и мученика, змій Іоанна многострадальнаго, шествіе бѣсовское Матфея прозорливаго, ангелъ Алипія иконописца, конь Агапита врача безмезднаго, яблоки Григорія чудотворца, сосуды слезные Ѳеофила блаженнаго, котъ Спиридона и Никодима просфорниковъ, рукописаніе Арефы и вѣнецъ Пресвятой Богородицы — шестьдесятъ и три звѣзды, просіявшихъ отъ первоначальниковъ Антонія и Ѳеодосія.

Принялъ я однажды страсть гоненія этапнаго. Наканунѣ подумалъ: чего на дорогу возьму? И купилъ Патерикъ. Не такой, безъ картинокъ. Но и не такой не пошелъ со мной: начальнику ли понравился, только оставили его въ тюремной конторѣ, не дали.

И вотъ ужъ въ наши дни, въ смутные и не ища, нашелъ я Патерикъ. Тоже не такой, переплетъ не такой, не малиновый, а желтый, и застежекъ нѣтъ, а картинки тѣ — гравюры Л. Терлецкаго.

А попалъ въ мои руки Патерикъ отъ Ивана Петровича Прохорова.

А свелъ меня съ Иваномъ Петровичемъ Иванъ Павловичъ. Иванъ Павловичъ пріятель съ Иваномъ Александровичемъ, а Иванъ Александровичъ — князь обезьяній.

Иванъ Петровичъ — камеръ-лакей, замѣчательный человѣкъ, низкій ему поклонъ отъ меня за Патерикъ.

Восемь лѣтъ безпорочно служилъ Иванъ Петровичъ рядовымъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полку, потомъ переведенъ въ сводный его величества стрѣлковый батальонъ, и къ нему, высокому и черномазому, очень подошла форма императорскаго стрѣлка съ ярко-малиновыми кантами и малиновой рубахой. И эта малина рѣшила его семейную судьбу: онъ женился на Агафьѣ Ѳедоровнѣ, высокой, немного вялой, миловидной дѣвушкѣ, дочери камеръ-лакея Матюшкина.

И изъ этой малиновой поры любилъ вспоминать Иванъ Петровичъ лагери подъ Павловскомъ, маневры у Царскаго валика, звучный, чуть хриповатый голосъ императора Александра II, раздававшійся на зарѣ и до сихъ поръ все еще звучащій ясно:

— Трубачи, впередъ!

Тринадцать лѣтъ военной службы и новая пора — золотая.

Тесть устроилъ лакеемъ въ Аничковъ дворецъ. Въ дворцовомъ домѣ на Фонтанкѣ въ хорошей квартирѣ и въ спокойной обстановкѣ, нарушаемой лишь мелкими дрязгами мелкихъ людей, зажилъ Иванъ Петровичъ тихо и смирно. Семья медленно, но неуклонно умножалась. Подросъ старшій сынъ Александръ, поступилъ въ семинарію.

Раздобрѣлъ Иванъ Петровичъ, отяжелѣлъ, сталъ невозмутимъ и ровенъ, и прежній трепетъ души, съ которымъ встрѣчалъ онъ каждый шагъ и каждый звукъ голоса вѣнценосца, смѣнился выдержкой и равнодушіемъ, и появленіе новыхъ лицъ шло безслѣдно по его душѣ.

Сѣдой старикъ, о многомъ позабывъ и половину перепутавъ, одно себѣ оставилъ — черезъ всѣ годы и до сегодняшняго дня донесъ онъ свѣтлый образъ царя-освободителя неизмѣннымъ.

— Царь Александръ III, — шамкалъ Иванъ Петровичъ, надѣвъ на кончикъ носа тяжелыя серебряныя очки,

— былъ ростомъ вотъ повыше Ивана Павловича, а въ плечахъ шире его раза въ полтора. Да, былъ царь, а все далеко до Александра II батюшки. Тотъ былъ царь настоящій и послѣдній. Они знали, кого убить. А потомъ пошли все — чиновники. Трепету отъ нихъ никакого не чувствуешь. А если гроза, такъ ровно купецъ трактиръ разноситъ. Да и царями они были больше для проформы, вотъ ихъ и свергли поэтому. Какія ваши убѣжденія, не знаю, ужъ извините, а только настоящаго свергнуть нельзя-съ. Убить можно. А чтобы онъ отказался, да ни Боже мой. Это, знаете, испугъ и слабость, царямъ не свойственны.

Старикъ подымалъ глаза и, глядя поверхъ очковъ, усмѣхался: или непонятно, что настоящаго свергнуть нельзя? Или все можно?

— Отъ стараго вѣка была у насъ, — продолжалъ старикъ, — только царица Александра Ѳедоровна. И пройти умѣетъ и взглянуть по-царски, такъ что почувствуешь, что самъ ты трава и червь, а все-таки далеко до матушки Маріи Александровны! Та даже не унизила себя и русскимъ языкомъ, все по иностранному. И такъ будто не человѣкъ, а выше человѣка. Конечно, мы твари презрѣнныя, а понимать должны, гдѣ какая высота. Тутъ-то вотъ святость царскаго сана съ Богомъ сливается, можно сказать, сіяніе какое-то. Отецъ протоіерей въ Серпуховѣ Памфилъ говорилъ мнѣ, что какъ онъ въ первый разъ Николая Павловича увидалъ, такъ, вѣрите-ли, говоритъ, отъ страху чуть душа изъ тѣла не вылетѣла, да только царь рукой махнулъ и задержалъ. А при нынѣшнихъ, чтобы душа вылетѣла, нужно, чтобы вышибли ее.

Иванъ Петровичъ скупалъ для старшаго сына Александра книги, и Александръ собиралъ библіотеку. А тутъ началась война, Александръ былъ призванъ и на войнѣ его убили. Книги послѣ революціи Иванъ Петровичъ сталъ распродавать.

По указанію Ивана Павловича я пошелъ посмотрѣть книги. Познакомился съ Иваномъ Петровичемъ, завязался разговоръ, то да се, и вотъ — Патерикъ.

И опять я смотрю картинки, какъ тамъ въ кельѣ съ венеціанскимъ окномъ, — какія чудесныя картинки, какія буквы! — и въ душѣ моей весенній льется звонъ.

1918 г.

Сундукъ

елисаветинское

Въ новоладожскомъ Загвоздьѣ въ прохожей комнатѣ стараго Философовскаго дома долгіе годы стоялъ расписной сундукъ.

Про сундукъ знали одно, что хранится въ немъ дѣдовское добро, покойнаго еще Никиты Егоровича Философова, двоюроднаго пра-прадѣда нашего Димитрія Владимировича Философова, — какая-то ветошь, которая никому не нужна.

Самъ Никита Егоровичъ померъ въ 1779 году, сынъ его Иларіонъ Никитичъ въ концѣ 30-хъ, а внукъ — Алексѣй Иларіоновичъ въ 1874-мъ. Подумайте, сколько за это время безвозвратно кануло, а сундукъ цѣлъ цѣлехонекъ: какъ поставили, такъ и стоялъ.

И ужъ такъ привыкли, замѣчать перестали, и только новый человѣкъ, проходя, запинался за него и, тихонько бранясь, проходилъ дальше.

Но нѣтъ на землѣ такой вещи, которой не пришелъ бы свой часъ.

Пришелъ часъ и сундуку.

Гремя связкой ключей, подошла къ сундуку столѣтняя ключница Ефросинія Антоновна. Порылась въ мѣшкѣ, — въ мѣшкѣ у нея цѣлая уйма ключей.

И завизжалъ замокъ, застоналъ — подалась крышка.

Блеснули когда-то ярко-красныя розы по зелени, сверкнула облупившаяся оковка.

Скрипя, поднялась крышка.

И дѣдовскій сундукъ открылся.

Пахнуло запахомъ сырости, лаванды, сухого чая.

— Пожалуйте!

Стали перебирать тряпье, сгнившее и ни на что не похожее, — какіе-то лоскутки, шерстинки, узелки, гнѣздища паутиныя.

Ефросинія Антоновна, стоя надъ сундукомъ на колѣняхъ, вытащила со дна листъ старой желтоватой бумаги.

— Вотъ, батюшка, — прошептала старуха, — какая-то записка!

А это былъ реестръ.

Да, когда-то во времена блаженныя Елисаветъ хранилось въ сундукѣ добро!

Записка, что в сундуке імеетца
Никиты Егоровича — а именно:

Рабронъ штофной желтой — 1
Завѣса зеленая с подзорами верхними и нижними
Адеяло алое отласное
Простынь — 2, кисейная і полотнянная
Наволокъ алыхъ — 8, наволокъ же кисейныхъ — 8
Скатертей столовыхъ — 6
Рабронъ і юпка тафтянные
Рабронъ і юпка штофные
А салопа штофная — 1 і сподница канфовая зеленая
Канфы 3 штуки — красная, зеленая, галубая

Кусокъ камки фиалетовой
Фанзы — 6 штукъ, кисеи полосатой — 2 штучки
Кисеи жъ шитой — 1 штучка
Полотна въ пяти штукахъ
Бархату въ 2-хъ штучкахъ, башмаки тафтянные
Три косынечки — алая і черная і блондовая белая
Три веяра, занавѣсъ къ окнамъ зеленыхъ — 2
Канфы полосатой — 2 кусочка
Бумажныхъ покрывала — 2
Адеяло синее канфовое теплое лапчетое
Адеяло жъ канфовое красное на лисьемъ хребтовомъ мехе
Полочка белья — 1, соболиковъ — 2 пары
Шитье на наволоки
Хвосты собольи і куньи

Серебреной посуды:

Доска, подносъ, тарелка
Чайникъ, кафейникъ і малошникъ
Рукомойникъ і лахань
Стаканъ большой і съ крышкою
Стаканчиковъ малинкихъ — 3
Сахарница, чайница і ковшичикъ
Калпаковъ большихъ — 5, колпачковъ малинкихъ — 6
Кружечекъ съ ручками — 6, чарочка съ ручкою — 1
Еще колпачекъ маленкой — 1
Аливки золотые съ кистями

★

И нѣтъ ничего — лоскутки, шерстинки, узелки, гнѣздища паутиныя.

И лучше бы, пожалуй, не тревожить старую ключницу, не отворять дѣдовскаго сундука, не бередить прахъ.

Развѣ что записка!

Отъ сундука нынче и помину не осталось — все сжегъ человѣкъ съ великаго ума своего! — а записка пока что у меня, а хранитъ ее волкъ-самоглотъ: если шарикъ качнешь, кланяется и хвостищемъ помахиваетъ вверхъ и внизъ — самоглотъ.

1918 г.

Академія

санктпетербургское

Зеленъ Васильевскій островъ. Распустились блѣдно-зеленые листочки на темныхъ деревьяхъ. Море доноситъ зеленый живительный воздухъ. Все помолодѣло. Золотомъ горятъ бѣлокурыя косы.

Вечеромъ подымается бѣлый торжественный день безъ солнца. Бѣлая ночь льетъ блѣдно-зеленоватый свѣтъ. Прозрачныя тѣни вьются. И шепчутъ старые дома.

Вотъ тутъ мимо безсмертныхъ ѳивскихъ сфинксовъ — они пережили Египетъ, переживутъ Петербургъ и Россію! — вотъ тутъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ стою я, проходилъ великій основатель.

И кажется мнѣ, вотъ взовьется накидка, нахлобучится треугольная шляпа, и пройдетъ онъ твердымъ беззвучнымъ шагомъ.

Шелестятъ зеленые листочки, перемигиваются окна старыхъ домовъ. Усмѣхаясь, осѣлъ апельсинный домъ на Кадетской: онъ не видитъ трамвайныхъ висѣлицъ, не слышитъ звонковъ, ничего не слышитъ — все, какъ встарь, при великомъ Петрѣ.

Изъ-подъ арки коллегій Университета выходятъ одинъ за другимъ, придерживая треугольныя шляпы подъ вѣтромъ и завернувшись въ плащи, ученые профессора

Академіи Наукъ Россійской: Даніилъ Бернулли, Ѳеофилъ Сигфридъ Баеръ, Николай Бернулли, Христіанъ Мартинъ, Іоаннъ Христіанъ Буксбаумъ, Яковъ Германъ, Іоганъ Петръ Коль, Іоаннъ Симонъ Бекенстейнъ, Михаилъ Биргеръ, Іоганъ Георгъ Дувернай, Георгъ Бернгардъ Билфингеръ, Христіанъ Фр. Гросъ, Фридрихъ Христофоръ Маеръ, Іосифъ Николай Делиль.

Слышна французская, голландская, нѣмецкая рѣчь.

Величавые жесты, спокойная поступь.

А послѣдній изъ нихъ, проходя мимо сфинксовъ, приподнялъ шляпу и подалъ мнѣ сложенный въ четверку листъ.

Туманомъ потянуло съ Невы.

Затрепетали вѣтки деревьевъ. Чуть потемнѣло. Запахло парною землей. И гдѣ-то будто подъ чернымъ звѣзднымъ небомъ запѣлъ соловей...

Академія наукъ россійская

читателю здравіе

Академію, намѣреніемъ Петра Велікаго опредѣленную, и нѣкіимъ образомъ зачатую, а нечаемымъ Благочестівѣйшаго Імператора преставленіемъ гораздо ослабленную, Августѣйшая Імператріца Екатеріна, премудрымъ своімъ промышленіемъ, хотя и многіе члены, изъ разныхъ Европейскихъ странъ въ Століцу сію на то призваны были, вышше чаянія уставіла, и въ совершенство прівела.

Должность же въ сей Академіи собраннымъ двоіна будетъ. Какъ въ тщаніи и умноженіи новыми обрѣтеніями

наукъ, а наіпаче Медіцины, Фізики, Математіки, и прочіхъ свободныхъ наукъ, такъ и въ ученіи Россійскихъ юношъ, да они сімъ образомъ по первой должности своей Академіамъ наукъ Паріжской, Лондонской, Берлінской, какъ въ публічныхъ собраніяхъ трижды повсягодно будущіхъ (отъ ніх же первое недавно Его Высочества Королевскаго Герцога Голстеінскаго прісутствіемъ просвѣтілося), такъ и совѣтованіемъ пріватнымъ дважды по всякой недѣли, а имянно, во Вторникъ и Пятокъ, будущымъ подражати. А по другой своей должности о ползѣ собственной тѣхъ юношей, которые изъ пространной Россіи для ученія и свободныхъ наукъ соберутся, потщатіся будутъ. Того ради конца Профессоры сея Академіи, сего 1726 году, въ будущій 24 день мѣсяца Генваря чтеніями ученіе свое публічное начнутъ, во дни, Понедѣлнікъ, Среду, Четвертокъ и Субботу, и впредь такімъ опредѣленіемъ и учрежденіемъ поступать будутъ, о которомъ всѣмъ любітелемъ добрыхъ наукъ, а наіпаче рачітелямъ къ ученію, сімъ для извѣстія объявляется.

1918 г.

Покормяжная

голодное

Случился недородъ въ вотчинахъ Троице-Сергіевой лавры, и стали отпускать монастырскихъ крестьянскихъ людей на посторонніе заработки — на прокормленіе, только бы имъ живу быть.

И пошелъ Матвѣй Кузминъ на всѣ четыре стороны свѣта бѣлаго на подножный кормъ, а для того и дано ему изъ приказной канцеляріи покормяжное письмо.

Что потомъ случилось съ Матвѣемъ Кузминымъ, съ тысячами Матвѣевъ, годъ отъ году получавшихъ покормяжныя, — тѣсно имъ было на холодной и непріютной монастырской землѣ, — занимался-ли Матвѣй черной работой или ходилъ по міру, или знался съ воровскими людьми — ничего не вѣдаю и всякая память сгинула.

А что подлинно былъ на свѣтѣ крестьянскій сынъ Матвѣй Кузминъ въ 1723—24 гг., а съ нимъ и приказный Василій Карповъ и смотритель Никита Каменевъ, только и осталась грамотка — эта покормяжная. Она одна прикрѣпляетъ и Кузмина, и Карпова, и Каменева къ безвѣстной и горькой жизни.

* *
*

1724-го году марта въ 1 день Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря Святѣйшаго Правительствующаго Синода советника школъ и типографіи протектора господина архимандрита Гавріила, келаря старъца Іосиѳа Бурцова, казначея старъца Моисея Протопопова и всего собора монастырской нашей вотчины Костромскаго уѣзду села Ѳедоровскаго деревни Молокова крестьянской сынъ Матвей Кузминъ отпущен покормитца. И превызшимъ господамъ во градехъ каменъданътом і камисаром, или кому сие вѣдать надлежит, оного Матвея деръжать безопасно, потому что онъ, Матвей, в солдатех і в драгунех, и в матрозох і выных ни в каких наборех нигде не бывалъ і в переписных книгах въ 719-мъ году і въ 723-мъ в пополнительныхъ скасках писанъ, а кормятъ ему, Матвею, черною работою, по миру не ходить і с воровскими людми не знатца, в том ему, Матвею, сие і покормежное письмо ис Приказной Канцеляріи дано. А отпущенъ онъ, Матвей, съ сего 724-го году по 725 год марта до 1-го числа. А какъ срочное число пройдетъ і ево, Матвея, по сей покормежной нигдѣ не держать і явитца ему у насъ в монастыре в Приказной Канцеляріи по прежнему.

Приказной Василей Карповъ
Смотрител Никита Каменевъ

1918 г.

Нарва

запечатлѣнное

Жаркимъ лѣтомъ, когда пахло пылью и старыми кожами, я проходилъ по костромскому Гостинному двору, облитый солнечнымъ пригрѣвомъ. На сухихъ горячихъ ларяхъ разбросаны были разные пустяки и между ними старинныя книги, картины, обрывки бумагъ.

Около лавки Ивана Леонтьевича Лапина невольно остановился: тутъ было и прохладно, и довольно темно.

Хороша лавка у Ивана Леонтьевича! У любителя старины глаза разбѣгутся. И среди пустяковъ такъ много цѣнныхъ хорошихъ вещей, диву даешься, откуда что взялось.

Знаетъ цѣну Иванъ Леонтьевичъ — рыжая бородка клиномъ! — не процѣнитъ онъ свои сокровища. Особенно любитъ запрашивать съ пріѣзжихъ, съ петербургской косточки, потому они шахъ-махъ любятъ, все такъ скоро-наскоро: купилъ, разглядѣлъ, покинулъ. Не то, что коренной костромичъ — тотъ тридцать разъ около рукописей пройдетъ, лѣвымъ глазомъ взглянетъ, а правымъ виду не подастъ, заторгуетъ что другое, а потомъ ужъ къ вожделѣнной рукописи присунется.

Привелось и мнѣ у Ивана Леонтьевича покупку сдѣлать: сѣрая тетрадка безъ начала и конца петровскаго времени.

Задорожился было Иванъ Леонтьевичъ, да видитъ, никто тетрадку не покупаетъ, никому она не нужна, рѣшилъ, что это учебникъ и смилостивился, продалъ.

И повезъ я ее на холодную Неву.

Облюбовалъ тамъ до послѣдней буковки.

Сошлись любители книжные, смотрѣли — и такъ смотрѣли, и на свѣтъ смотрѣли, трогали.

78 уцѣлѣвшихъ листовъ, — тетрадь порядочная — съ нарвскаго разгрома (1700 г.) и до взятія Выборга (1711 г.) И никакой учебникъ — годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ съ подробнымъ описаніемъ событій и дѣяній петровыхъ „война шветцкая".

Вотъ какая находка мнѣ въ руки попала — помяну Кострому Костромушку, Ивана Леонтьевича Лапина да кума его князя обезьяньяго Ивана Александровича Рязановскаго, пріютившаго меня въ царевскомъ своемъ древлехранилище.

Въ первый разъ взялъ я съ полки петровскую мою тетрадь, когда по злому ли наущенію либо отъ простоты нашей Санктпетербургъ обернули въ Петроградъ. Очень меня тогда за сердце взяло: городъ святаго Петра — Санктпетербургъ — и вдругъ какой-то Петроградъ!

Съ тѣхъ поръ много воды утекло.

Война вспорола каменный мѣшокъ, въ которомъ сидючи простецы наши валяли простецкую свою жизнь, храня исконный завѣтъ:

— здорово живешь

— обознался

— наплевать

Смута пошла, а съ нею раздоръ и раззоръ. Уничтожили навсегда твердый знакъ. А загаженный, заплеванный Петербургъ обратили изъ Петрограда въ красный Петроградъ.

И пришло такое время конечное, вонъ побѣжали изъ Петербурга кто куда, оставляя домъ Петровъ — послѣднее наше окно.

Тутъ я опять петровскую тетрадку досталъ.

Горько и досадно мнѣ стало на простоту нашу погубительную.

И если въ первый разъ я только глазами по тетради прошелъ, теперь я сѣлъ ее переписывать.

Духомъ Петровымъ дышитъ всякая буковка, а всякій завитокъ виноградный и усикъ хмелевой надстрочный воленъ, могучъ и крѣпокъ.

Сказываютъ мудрецы, дается человѣку при рожденіи его планета. Ну, какъ сказать, кому планета, а кому на двоихъ одна, а то и на троихъ, а бываетъ, что и на цѣлое собраніе половины много, — не сосчитаешь, а какая доля всѣхъ покроетъ. Петру же дана была планета, не одна, не двѣ и не три, а четырнадцать — одному.

Потому и затѣи его не летѣли по вѣтру и дѣло его было крѣпко.

А дѣло его — Россія.

Вы понимаете, что такое по тому времени велѣть съ церквей колокола снимать да изъ колоколовъ пушки лить? Да, вѣдь, это все равно, что по теперешнему, ну, обратить бы церкви въ арсеналъ.

Колокола сняли, пушки вылили — послушали.

А послушали и за страхъ и по вѣрѣ.

А повѣрили, потому что почуяли.

А почуяли — П е т р а, дѣло его.

А дѣло его — Россія.

Несчастье наше тогда подъ Нарвою не было бѣдой для Россіи, и не гнѣвъ это былъ Божій, а милость.

И это видѣлъ Петръ.

Много въ насъ, русскихъ, подлаго духа — лѣни невообразимой, воровства и какого-то самодовольнаго ломанья. Надо, чтобы всхлестнуло тебя хорошенько, чтобъ ты очнулся отъ своей дури дурацкой, рожу свою поправилъ, да за умъ взялся.

Бичъ нѣмецкій хлестнулъ по Россіи, а Петръ поднялъ дубинку на лежня — тишайшую Русь.

И не безсильное, худосочное, неувѣренное с-м о г у зазвучало въ словѣ Петра, а могучее его м о г у.

★

изъ петровской тетради

против котораго его королевскаго ответу, просили паки, хотя б одни полковые пушки велел отдать. Против чего сказал последнее и обешал отдать ис полковых пушекъ толко 6, однако ж после и тех не отдали и послали всю артиллерию в Нарву.

Въ 20 день по утру по учиненному договору наши оставшие начали отступать, и напередъ пошла дивизия генерала Головина, в которой и оба полка гварди, которая и перешла без всякаго противления. Но когда Вендова дивизия пошла, тогда неприятель не токмо у них ружъе и знамена стал отнимать, но и платье и прочее с них грабить стал.

А на другой день к генералом россиіским прислал корол своего генерала-адютанта Лагаркрона с шивадроном ковалериі, и велел их арестовать и отвесть в Нарву х каменданту Горну под арест, которыя хотя просили короля, чего-для тот пароль не содержан, однако причли им в притчину то, что для чего комисары нашей казны увезли, о которой прежде при разговорах и сами они не упоминали.

И тако шведы над нашим войскомъ викторию получили, что есть беспорочно надлежитъ разуметь, над ка-

ким войском оную учинили, ибо толко один старой полкъ был Лафертовой, которой пред темъ назывался Шепелева, два полка гварди толко были на двух атаках, у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войски никогда не дали, протчие ж полки кромѣ некоторых полковниковъ, какъ афицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздым временем великой голод был, понеже за великими грязми правианту провозить было невозможно. И единым словом сказат, все то дело яко младенческое играние было, а искуства, ниже виду, то какое удивление такому старому обученному и практикованному воину над такими неискусными сыскать викторию! Правда, сия победа в то время зело была печальна, чувственна, и яко отчаянна всякие впред надежды, и за велики гневъ Божи причитали, но ныне, когда о том подумать, во истинну не гнев, но милость Божию и исповедать долженствуем. Ибо ежели нам тогда над шведами виктория досталас, будучи в таком неискустве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую беду после нас оное щастие принудить могло, которое оных же шведов уже дивно во всем обученных и славных въ Европѣ, которых называли французы бичем немецким, под Полтавою так жестоко низринулась, что всю их махину низ сверху обратила.

Когда сие нещастие или лутше сказать великое щастие получили, тогда неволя леность отгнала и къ трудолюбию искуству день и ночь принудило, с которым опасением и искуством как часъ от часу сия война ведена, то ясно будет и в следуемой посемъ истории.

1918 г.

Ссыльный

казенное

Во времена Павла Петровича не смотры были, а казни египетскія.

Прусская выправка, косы да букли съ клейстеръ-корой по формѣ, все точь-въ-точь, какъ приказано, ни больше, ни меньше. Шляпы такія, что на головѣ не держатся. А экзерциціи упаси Боже, не сразу и запомнишь хитроумную выучку.

Премьеръ-маіоръ Дмитрій Алексѣевичъ Кушниковъ былъ старой службы офицеръ — служилъ еще Великія Екатерины, помнилъ государыню и чтилъ ее. А тутъ дожилъ до того, что тягостно даже подумать:

— Нуте-ка, сынъ истребляетъ даже память о родительницѣ, да и словъ новыхъ повыдумывалъ. Не смѣй говорить стража, а говори караулъ.

И правда, въ пасхальномъ канонѣ не „на божественной стражи" а „на божественномъ караулѣ" пѣть заставили.

И пѣли.

Русскаго человѣка всегда заставляли что-нибудь дѣлать: то скажутъ, украшайся флагами, когда душа не принимаетъ, то ракеты пускай, когда съ души воротитъ. А былъ и такой случай: нагрянули съ обыскомъ и застигли цѣлое сообщество, и вотъ кто-то изъ застигнутыхъ, что-

бы отвести глаза, крикнулъ главному коноводу, человѣку солидному, профессору — „Аничковъ, пляши!“ — что-жъ вы думаете, и сроду не пляша, пустился несчастный въ плясъ.

Ну, какому-нибудь фендрику привыкнуть ко всему легко: ему все въ новѣ, а Кушникову, который подъ Очаковымъ былъ, переучиваться трудненько.

И однажды, когда шелъ онъ на разводѣ со своимъ деташементомъ и сбился въ уставѣ, сиповатый голосъ царственнаго командира громче очаковской пушки хлопнулъ:

— Налѣво кругомъ — въ Сибирь!

И черезъ два мѣсяца Кушниковъ въ ботфортахъ и съ длинной косой прогуливался по песчанымъ якутскимъ улицамъ.

Ничего не подѣлаешь, велѣли.

И опять скажу, такая ужъ судьба наша: русскому человѣку безъ того никакъ нельзя, чтобы кто-нибудь да не мудровалъ надъ нимъ.

Кушниковъ и то былъ радъ, что живъ остался.

Приди въ голову царю сказать: отруби ему голову! — и отрубили бы. А что потомъ, можетъ, и пожалѣли бы, да головы-то все равно не приставишь и никакой сендетиконъ и кольдеконъ не склеитъ, потому что голова не деревянная и не фарфоровая, а и у самаго простеца простецкаго мясная она съ мозгомъ.

Пережилъ премьеръ-майоръ послѣднiе безумные годы, поздно дошло до него извѣстiе объ 11-мъ мартѣ 1801 г. И съ вѣстью о воцаренiи Александра I почувствовалъ онъ жгучую боль оброшенности и понялъ, что въ сибирской глуши никому онъ не нуженъ и позабытъ.

Да видно, Богъ не забылъ.

Въ 1802 г. дошла очередь до Кушникова и онъ былъ освобожденъ.

А вернуться-то ему было не на что: доѣхать изъ Иркутска до Петербурга и по тогдашнему стоило денегъ не малыхъ.

И остался премьеръ-майоръ въ Иркутскѣ. Сталъ хлопотать то въ Иркутскѣ, то въ Читѣ — искать мѣсто куда-нибудь по казначейской части: жизнь, кажется, спокойная и правильная, можно сказать, что и все дѣло, сиди при сундукѣ въ родѣ цѣпной собаки, только и стѣсненіе, что въ карты не играть, да Богъ съ ними, съ картами!

А гдѣ именно и какъ пристроился Кушниковъ послѣ своей невинно-проклятой судьбы, не знаю. На память о немъ достались мнѣ двѣ бумаги въ старомъ сенатскомъ дѣлѣ по Министерству Финансовъ — аттестатъ да свидѣтельство.

★

Симъ свидѣтельствую, что находившейся здѣсь и возвращенный по Высочайшему повелѣнію бывшей преміеръ-маіоръ Дмитрей Алексѣевъ сынъ Кушниковъ велъ себя добропорядочно и во все время его пребыванія не только ни какихъ на него жалобъ къ начальству не доходило, но были отзывы, что онъ хорошимъ своимъ повѣденіемъ заслуживалъ одобреніе цѣлаго общества.

Данъ въ Иркутскѣ за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати, марта 4 дня 1803 года.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя моего дѣйствительный статскій совѣтникъ Иркутскій Гражданскій Губернаторъ и кавалеръ

Иванъ Репьевъ

Дано находившемуся въ Иркутскѣ на житье бывшему маиору Дмитрію Кушникову, которому по высочайшему

Его Императорскаго Величества повеленію, последовавшему въ 18-й день ноября 1802-го года дарована свобода, и во все время бытности своей въ Иркутскѣ велъ себя добропорядочно, въ чемъ симъ и свидѣтельствую Марта 4-го дня 1803 года.

Генералъ-лейтенантъ Лебедевъ

1918 г.

Крестъ

завѣтное

Помню изъ далекаго дѣтства въ углу кіота большой мѣдный шестиконечный крестъ. Всякое воскресенье, возвращаясь домой отъ ранней обѣдни, мы на перепутьѣ заходили чаю попить къ одной ласковой доброй старушкѣ, жившей въ домѣ нашихъ родственниковъ. Мы ее звали бабинькой, да и всѣ ее такъ звали. И всякій разъ послѣ чаю, — а какой чай былъ вкусный и какія густыя сливки, и какое поджаренное барбарисное варенье! — до сыта напившись, я крестился, на кіотъ глядя, и особенно какъ-то видѣлъ этотъ крестъ шестиконечный.

И сначала, ну въ возрастѣ приготовительномъ, я заглядывался на крестъ, потому что блестящій, золотой, какъ я тогда о немъ думалъ; потомъ постарше меня приковывалъ онъ своимъ необычнымъ видомъ: не четырехъконечный и не восьмиконечный, а шестиконечный — древній; и ужъ впослѣдствіи я сталъ вглядываться въ изображенія на немъ и надпись.

О крестѣ часто я слышалъ у большихъ разговоры, — не меня одного, какъ оказывалось, привлекалъ онъ, крестъ этотъ завѣтный.

Съ тѣхъ поръ прошло много всего, да и времени кануло не мало, успокоилась и наша ласковая добрая — наша бабинька А н и с ь я А л е к с ѣ е в н а Л а д ы г и н а.

На 91-омъ году своей жизни, въ трудахъ проживъ, скончалась она въ Москвѣ (1820-16v-1911), а крестъ мнѣ достался. Я никогда и не мечталъ, такой этотъ былъ крестъ завѣтный, и вотъ мнѣ его передали и такъ, будто онъ всегда былъ только мой.

Крестъ мѣдный шестиконечный на мѣдной припаянной жуковинѣ. На крестѣ въ серединѣ распятіе, по краямъ креста пять погрудныхъ изображеній въ медальонахъ. На самомъ верху ангелъ со скипетромъ, на верхней перекладинѣ архангелъ Михаилъ съ одной стороны, а съ другой архангелъ Гавріилъ — Михаилъ, Гавріилъ; между ними лапчатый двойной нарѣзанный крестъ, со внутренней стороны котораго идутъ палочки поперекъ, и внутри нарѣзанный же крестъ шестиконечный съ двумя прутиками отъ основанія, знаменующими трость и губу. На средней перекладинѣ съ одной стороны. Богородица — М. Р. Ѳ. У. (метеръ ѳеу) — „Мати Бога“, или какъ въ старину собственнымъ домысломъ добирались до буквъ премудрыхъ, — „Марія роди Фарисеомъ учителя“. А съ другой стороны Іоаннъ Богословъ — Іванъ. Между нимн накладное Распятіе. И отъ Богородицы до Распятія нарѣзанная вѣточка еловая и такая же вѣточка отъ Распятія до Іоанна. Распятіе — крестъ восмиконечный, на верхней перекладинѣ нарѣзанъ крестъ четырехконечный, надъ нимъ между Распятіемъ и лапчатымъ крестомъ — І. Х. и І. С. Х. С. На вѣнчикѣ подъ крестомъ четырехконечнымъ надпись неразборчивая, а на средней перекладинѣ — Ника — „симъ побѣждай“. Подъ Распятіемъ Глава Адамова, напоминающая изображеніе свѣтилъ небесныхъ — солнца или луны. Подъ Главой Адамовой столбикъ — пишетъ:

сей крестъ
в градѣ ро-
стовѣ во а-
врамиевѣ
монастырѣ
св. Іоанномъ
богословомъ
данъ пр. авра-
мію побѣ-
дити ідо-
ла велеса
при князе
владимере.
престави
ся аврамій
в лѣто 6551.
зри осемъ
въ прологѣ
октября
29 дня

Преподобный Авраамій, ростовскій чудотворецъ, подвизался около 1073—77 гг., — подобіемъ старъ, власы поджелтыя брада аки Сергіева, риза преподобническая, исподъ дичь нѣцыи пишутъ: въ рукѣ трость иже даде ему Іоаннъ Богословъ.

Уроженецъ города Чухломы, Авраамій постригся въ Валаамской обители; по откровенію Божіему пошелъ къ Ростову. Въ пяти верстахъ отъ Ростова на рѣкѣ Ишнѣ явился ему Іоаннъ Богословъ и вручилъ жезлъ, которымъ повелѣлъ сокрушить идола Велеса. При внукѣ Мономаха, великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ, обрѣтены мощи преподобнаго. Мощи почиваютъ въ серебряной позолоченой ракѣ въ соборѣ Богоявленія, построенномъ 1553 года царемъ Іоанномъ Васильевичемъ.

При мощахъ сохраняется и крестъ отъ пастырскаго жезла, которымъ Авраамій сокрушилъ идола Велеса, а самый жезлъ былъ взятъ изъ монастыря на Москву царемъ Іоанномъ Грознымъ.

1918 г.

Очаковъ

царское.

Есть такія вещи, о которыхъ всякій знаетъ и не ученый. И можно, кажется, все на свѣтѣ забыть, такъ съ жизнью отойти къ тому, что вотъ сейчасъ дѣло твое требуетъ отъ тебя помнить и чувствовать неотложно, но и при всей занятости насущной и забвеніи суетномъ навсегда сохранить, ну... пиѳагоровы штаны что ли, если удариться въ геометрію, или удѣльный вѣсъ, если стать спрашивать себя по физикѣ. Что-что, а ужъ эти штаны пиѳагоровы съ удѣльнымъ вѣсомъ ни почемъ не забыть, когда и отъ всей твоей физики и геометріи останутся всего лишь одни названія: физика да геометрія! И въ области знаній историческихъ среди всякой благодушной путаницы забвенія благопріятнаго есть свои имена неизгладимыя. И къ такимъ именамъ принадлежитъ Очаковъ.

Вы можете ровно ничего не знать, забыть даже и о томъ, гдѣ и что̀ это за Очаковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какое высокое торжественное чувство вызоветъ въ душѣ вашей одно это имя — Очаковъ!

Ѣхалъ я моремъ изъ Одессы въ Херсонъ.

Съ вечера мы вышли, и вечеръ простоялъ я на палубѣ, — наглядѣлся, надышался моремъ и заснулъ, какъ убитый. И вотъ чуть свѣтъ просыпаюсь — пароходъ стоитъ, стучатъ надъ головою.

„Что это? Кораблекрушеніе?"

А сосѣдъ мой, дьяконъ, приподнялся на койкѣ и, озирнувъ звѣровидно, проглаголалъ гласомъ ерихонскимъ:

— О-ча-ковъ!

Повернулся на другой бокъ и затрубилъ.

И признаюсь, сердце у меня такъ и заиграло:

„Очаковъ! Вотъ онъ гдѣ этотъ Очаковъ! Тотъ самый Очаковъ!"

И помню, не на пароходѣ, а дома, въ Петербургѣ, то же чувство охватило меня, когда среди вороха рукописей мнѣ попалась изгрызанныя мышемъ, и я разобралъ строчки:

Очаковъ взятъ штурмомъ

Очаковской зимой — въ Николинъ день 1728 года вѣрнѣйшій подданный князь Потемкинъ доносилъ Государынѣ Императрицѣ о взятіи штурмомъ Очакова.

Донесеніе написано на небольшомъ листѣ сѣрой бумаги, въ двадцать три строки: на лицевой сторонѣ девятнадцать, изъ которыхъ 16-ую, 17-ую и 18-ую по краямъ изгрызъ мышъ, а 19-ую и вовсе съѣлъ, одна закорючка торчитъ.

Писано скорописью — рука изнѣженная, это не скоропись приказная съ зачиномъ твердымъ, игрой и хитросплетеніемъ, это письмо — царское.

Всемилостивѣйшая Государыня

Всевышній
даровалъ свою
помощь овладѣт Оча-
ковомъ, которой взятъ
штурмомъ сего мѣсяца 6 ч.
Войско Вашего Император-
скаго Величества поступило съ
неописаннным мужествомъ и по-
радкомъ, непріатель потерял мно-
жество, с нашей стороны по препор-
ціи благодаря Бога мало, болшая по-
тера состоить въ ахвицерахъ, которые
подавая собою примеръ, первыми вездѣ
находились, генералъ маиоръ князь Вол-
хонскій и бригадиръ болшой Горичъ
убиты, сіи достойные и храбрые ахви-
церы первые были жертвою, одинъ
възошедъ на ретранша [ментъ]
Гассанъ пашійчкій замокъ и на
крепость произъведена была
шестью колонами и вс.....съ
четвертью, трехъ бунчуж-
ной ......взятъ въ плѣнь
со многими чи......
совсемъ точныя
....

Вашимъ стопамъ
Вашего Императорскаго Величества!
Вернѣйшій подданный
Князь Потемкинъ

1914 г.

Грамотка

узорное

Дивны дѣла Твои, Господи! Въ Новогородъ-Сѣверскѣ привозила баба на базаръ рыбу, и случилось одному охотнику съ удочками толочься по базару. День и ночь рыбачилъ, и хоть бы какая сонная попалась, только приманку извелъ, вотъ онъ и задумалъ:

„Съ пустыми руками какъ возвращаться... Присмотрю-ка я себѣ на уху рыбки!“

Дѣло-то въ постъ было. А рыба у бабы — ершъ къ ершу, привалитъ же такое счастье! — знатная рыба. Приторговалъ онъ себѣ рыбки, баба ему ершей въ грамотку завернула, расплатился и пошелъ себѣ домой съ покупкой, будто съ ловомъ, — будетъ ему ужотко уха на славу!

А дома, положа удочки въ сторонку, какъ развернулъ грамотку съ ершами, и на ерша глазъ — знатная рыба! а пуще на грамотку: что за письмо, что за узорное! Ершей-то на столъ уху варить, а грамотку къ себѣ взялъ, расправилъ, сушить положилъ.

Время къ обѣду пришло, ну, и уха! А по ухѣ на загладку за грамотку принялся — и такъ ее и сякъ: и буквы наши, другое слово, какъ слово, а сложить не можетъ — темная грамота.

Вечеромъ собрался къ пріятелю въ гости, захватилъ и грамотку, а пріятель-то книжный, на Ипатовской лѣтописи трудился, — вынулъ ему грамотку, показываетъ.

— Откуда?

— Дивны дѣла твои, Господи! Привозила баба на базаръ рыбу... — и разсказалъ все, какъ было.

— Эге, — говоритъ пріятель, — да тутъ что-то про божественное.

И рѣшили оба итти по утру на базаръ вмѣстѣ, пытать бабу, откуда ей такое добро досталось, и нѣтъ ли гдѣ другихъ листовъ подобныхъ.

Такъ и сдѣлали.

Явились на базаръ оба спозаранку, разыскали бабу съ рыбой, да грамотку ей подъ носъ:

— Откуда тебѣ, бабо, такое добро досталось?

— Богъ послалъ! — отвѣтила баба.

А много у нея такихъ листовъ — большущая книга — и всѣ-то, какъ есть, до единаго извела подъ рыбу, ни листочка въ запасѣ не осталось.

Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ, съ тѣмъ и ушли пріятели съ базару.

И съ тѣхъ поръ пошла ходить грамотка изъ рукъ въ руки: Изъ Новгородъ-Сѣверска попала въ Тифлисъ, а изъ Тифлиса дошла и до Петербурга.

Позапрошлой осенью принесъ мнѣ эту грамотку поэтъ Чернявскій.

— Откуда это, — говорю, — Николай Андреевичъ?

— Дивны дѣла Твои, Господи! Въ Новгородъ-Сѣверскѣ привозила баба на базаръ рыбу... — и разсказалъ мнѣ все, какъ было, помянулъ и о пріятеляхъ и о ухѣ ершовой, и оставилъ у меня грамотку на вѣчные вѣки.

* *
*

Грамотка — обрѣзанный листъ коричневатой бумаги, водяной знакъ неясный, подобіемъ тюльпанъ-цвѣтъ. Судя по отличительному *ж* и *в* грамотка — южнорусская скоропись второй половины XVII вѣка.

Въ грамоткѣ писано о ангелахъ, знающихъ путь къ дому безвѣстнаго праведника и не видящихъ пути къ живущимъ во грѣхахъ: Авраамъ и Содомъ; о четырехъ смертныхъ грѣхахъ, на небо вопіющихъ, отъ нихъ же первый грѣхъ — вольное человѣкоубійство, второй — беззаконіе содомское, третій — утѣсненіе и озлобленіе людемъ, четвертый — удержаніе мзды наемничей (заработной платы); и о разсмотрѣніи дѣлъ прежде осужденія: не вѣрь слуху, вѣрь глазу — Іосифъ и Пентефрій, Константинъ Великій и сынъ его Криспъ и о праведномъ и неправедномъ убійствѣ. Много поучительнаго.

*

... гдѣ-либо тіи зрятся, ни познаваютъ их. Се вина, се таинство изявляется, чего ради святіи ангели ко Аврааму, наединѣ жувущу, безъ проводника улучиша, к Содомѣ же путесказателя требоваху. Во всей странѣ оной, в ней же бяше Содома со окрестними гради, ей же и Мамврія соопредѣленна, единъ токмо праведнаго Авраама дом бяше чистій, Бога боящся, не бѣ в немъ беззаконія никаковаго же, но вси жителствоваху цѣломудренно, и богоугодно, того ради вѣдяху к дому Авраамовому путь святіи ангели, аще и наединѣ в дебрѣ и дубравѣ обитавшу. Ибо тіи вѣну посѣщают невѣдимо людіи чистих и богоугоднихъ, гдѣ-либо они жителствуют, аще в горах, аще въ пустынях, и на коемъ либо мѣстѣ, Содома же со окрестным своимъ селеніемъ не вѣдаху, понеже вся преисполненна бяше беззаконія и грѣховних сквернъ. И никогда же ангели посѣщаху скверних грѣшниковъ, ниже возрѣти к ним хотяху, дѣющихся ради в них нечистот преестественних, того ради и Содомскому, аще и на високомъ мѣстѣ стоящому, великому и слав-

ному граду, ниже пути вѣдѣти творяхуся, яко тамо никогда же приходившіи. Сему и святій Іоаннъ Златоуст согласовати зрится, гляголя сице: „Содомъ столпи имѣяше велики, колибу *) же Авраамъ, но пришедше ангели, Содомъ убо мимо идоша, ко колибѣ же Авраамли приведошася, — не домовная бо свѣтлости искаху, но душевную добродѣтель объхождаху“. (Доздѣ Златоуст). Отсюду да вѣдят, аще кій грѣшникъ в нынѣшнее время обритается, коль мерзостенъ есть Богу и ангеломъ его грѣхъ содомскій, яко не токмо с таковая дѣющими ангели святіи не обитаютъ, но ниже вѣдати их хотятъ, и удаляются от такових чистіи дуси, смрадомъ грѣховнимъ, аки пчели димом, прогоними. Ангеломъ же святимъ, от содомитовъ уклонившимся, кто с ними водворяется, развѣ нечистіи дуси! Идеже бо человѣци, измѣнивше нравъ человѣческъ, уподобляются свиніямъ, гной и калъ любащим, тамо отступают ангели Божіи, любящіи с чистими, а не свинонравними человѣци дружествовати, вмѣсто же ангеловъ бѣси к онимъ приближаются и обществуютъ с ними: тіи таковихъ любятъ и жити в них, аки в свиніях геенскихъ, Христа просятъ, — и попускается, и веселяются в ня и гонятъ я в то пропастное смрадное и скаредное содомства езеро, даже потопятъ их в безднѣ адстей. О, окаяннаго в христіянехъ содомскаго нрава! О, крайнея погибели! Не дремлет бо такових погибель: близъ гнѣвъ Божій и мест, близъ геенна огненная, в ню же впадают нечаянно и погибнут, аще не покаются.

Вопл содомскій и гоморскій умножися ко мнѣ! — рече Богъ.

Катехизисъ церковній от святаго писанія вѣдати учит, яко ч е т и р и сут грѣхи смертніи. Паче протчіихъ грѣхов смертних, тяжчайшій, на небо вопіющій, и Бога на отмщеніе возстановляющій, и привлащающій казнь люту, первій грѣхъ — в о л н о е ч е л о в ѣ к о у б і й-

---

*) Колиба — хижина.

ство, наченшоеся от Каина, убившаго брата своего Авеля неповиннѣ, то вопіетъ ко Богу, яко же глаголетъ ко Каину: „Гласъ брата твоего вопіетъ ко Мнѣ от земля, вопіетъ же, просящи отмщенія!“ Такоже послѣжде слиша св. Іоаннъ Богословъ, в Покалѣщи, *) душъ святих, за слово Божіе избиенних, вопіющих гласомъ веліимъ и глаголющих: „Доколѣ, владыко святій и істенній, не судиши и не мстиши крови нашея от живущих на земли!“ Вторій грѣхъ, вопіющъ на небо, ест беззаконіе содомское, яко же вишше речеся. Третій грѣхъ — утѣсненіе и озлобленіе людемъ неповиннимъ, убогимъ, вдовицамъ и сиротствующимъ, нищимъ, каково творяшеся от египтянъ ізраильтяномъ, о чесомъ глаголетъ писаніе: „Возстенаша синове ізраелевы от бѣдъ и возопиша, и взіиде вопль их ко Богу от рабовъ, и услиша Богъ стенаніе ихъ“. Четвертій же грѣхъ, на небо вопющъ, ест удержаніе мзди наемничи, якоже святій апостолъ Іаковъ ко богатимъ неправеднимъ глаголетъ: „Се мзда дѣлателей, дѣлавшихъ ниви ваша удержанная . . .“

. . . .

. . . гнѣватися на того и яритися, неизвѣстившися, истинна ли ест вещь глаголемая. Понеже множицею злоба злихъ человѣкъ бываетъ начатком злая о неповинномъ слави, легкорѣчіе же умноженіемъ, еже бо зліи от злоби своея сочнутъ, то легковѣреніи умножают, емлюще вѣру лжи, и пред многими ближнего обличающе и осуждающе и разсѣвающе в людехъ, аки плевели, золъ слухъ о томъ, иже не содѣя грѣха, о немъ же его осуждают. Иногда же малое нѣкое прегрѣшеніе сіе осуждатели, приложеніемъ и умноженіемъ лживихъ словесъ сказующе, возвращают в велико, и от мравія творят льва, и от комара верблюда, и от заяця слоня, и от сучца бревно веліе. Того ради многаго разсмотренія и опаства в та-

*) Покалѣщъ — апокалипсисъ.

ковихъ требѣ, да не како лжа вмѣнится в истинну, и малое возрастет в велико, и простителное в непростителное поставлено будетъ. Разсмотренія нѣсть лучшое, яко еже своима вѣдѣти очима, то о чесомъ слишится, чесого поучая ны Богъ, дает нам самаго себе во образъ, еже глаголетъ: „Шедъ вѣжду!“ Слишалъ вопль содомскій, но не абіе подвижеся на гнѣвъ, аки бы не емля вѣри слуху аще и добрѣ вѣдяше истинну быти, ни на наказаніе грѣшних абіе простре руку свою, даже сам пришедъ близъ узрѣ очима та, еже зряше издалече, яко да и мы вѣдѣніемъ паче неже слухомъ увѣраемся. О, коль мнози, паче же на владѣтельствах, велми согрѣшают, емлюще вѣру слуховѣ, не вѣдѣвше же очима, не испытавше извѣстно о дѣлѣ, и безгрѣшних всуждают вмѣсто грѣшних. Не осудилъ ли в темницу и узи чистаго и святаго отрока Іосифа Пентефрій во Египтѣ, скверной женѣ своей нань клеветавшой, емши вѣру, а не испитавши! Великін во царехъ Константинъ что сотвори, сина своего возлюбленнаго Криспа, добраго и неповиннаго и всѣми любимаго, уби своею рукою, его же мачеха Фавста именемъ оклевета ложнѣ, не получивши скверного желанія своего, уязвилася бо бяше красотою Крисповою, яко же египтянина Іосифовою, не возмогши же скверного желанія своего улучити и привлещи того: не хотяше бо цѣломудренній юноша осквернити ложа отча, солга мужу, аки бы насилованна была от сина его, царь же не испитавъ, истинна ли ест, абіе погуби сина. Послѣди же увѣдавъ извѣстно о лжи, о, какъ болѣзноваше сердцемъ и плакаше и рыдаше и каяшеся о неразсмотреніи своемъ, но оживити убіеннаго невозможе, уби же и Фавсту, жену свою, повинну бывшу синовней смерти, — и сотвори единѣмъ временемъ двое убійствъ, неправедное и праведное, и лишися сина и жени, яко изначала емъ вѣру словеси, не испиташа о истиннѣ. Добрѣ Златоуст на властех сущія увѣщеваетъ, глаголя: „Не суди по мнѣнію твоему, прежде даже не увѣси, ест ли тако вещ,

ни же кого повинна твори абіе, но паче подражай Бога глаголюща, — Сошедъ да вижду!“ Такожде и святій Григорій Бесѣдовникъ глаголет: „Богу, ему же вся нача и откровенна суть, грѣхи содомитовъ казнилъ есть, не яже слиша, но яже вѣдѣ“. И святій Ісидоръ Пилусиотъ святаго Кирилла архиепископа, сродника своего, гнѣвавшаго неповѣннѣ на Златоустаго святого, увѣщавая, писа, яко „не разсмотривши праведно и не испитавши извѣстно, никого же судити подобаетъ, ибо и Господу Богу вся прежде . . .“

1914 г.

Столбецъ

горностаево

Мало умѣть грамотѣ, надо и еще кое-что, надо своей рукой обвести тѣ письмена русскія, какія въ прошломъ нашемъ начертались русскими людьми, чтобы поверстать свою душу съ душой народной и итти вмѣстѣ съ народомъ по его исконнымъ думамъ, — дѣлать русское дѣло.

Никогда не забуду, какъ однажды съ Волги я увидѣлъ нашъ старый городъ въ его красѣ колокольной — Романовъ-Борисоглѣбскъ.

— Такъ вотъ она какая Россія!

И подумалъ:

„Это надо, чтобы русскіе люди заглядывались, какъ я засмотрѣлся... и солнце въ глаза бьетъ, и до боли рябитъ волна, а оторваться не хочется".

— Вотъ она, Россія наша!

XVII-ый вѣкъ — вѣкъ смуты и лихолѣтья, вѣкъ Аввакума, огненныхъ думъ „Послѣдней Руси", и разбойной вольницы, этотъ золотъ-перстень русскаго народа, дѣянія котораго сохранитъ с т о л б е ц ъ.

Столбецъ — это узенькія полосы бумаги, склеенныя концами и скатанныя въ трубочку. Размѣръ столбцовъ разный: попадаютъ и такіе, не длиньше нашей почтовой бумаги, а другой разъ возьмется, и мѣрять — аршину не

хватитъ, да и раскатать его негдѣ, а если вверхъ подымать, съ Ивановскую колокольню будетъ.

Предлагаемые столбцы относятся къ концу XVII вѣка царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича: Костромская отпись въ пріемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ 1695 г., да другая Костромская опись 1694 г., да Отказная царская грамота на Вязьму 1692 г.

Отпись — отписка (квитанція) во взносѣ казенныхъ сборовъ. Деньги ямскія и полоняничныя — окладной доходъ XVII в. Деньги ямскія — ямская подать, деньги полоняничныя — подать на выкупъ плѣнныхъ отъ татаръ; отдѣлившіяся отъ денегъ данныхъ (дань), эти подати слились съ 1679 г. въ одну податную сумму — по 10 денегъ съ двора и поступали въ Ямской приказъ.

Обѣ костромскія отписи — печати костромского воеводы стольника Никиты Лаврентьевича Усова. Сборъ денегъ произведенъ съ костромскихъ помѣщиковъ Андронникова стану Костромского уѣзда съ Алексѣя Ивановича Загорскаго (старца Гермогена) съ его помѣстья-сельца Харина, да съ Ивана Никифоровича Куломзина съ его помѣстья деревни Ямы, двухъ братьевъ Семеоновъ Аристовыхъ тѣхъ же Ямъ да съ Осипа Михайловича Аристова съ его помѣстья-сельца Зиновьева. Деньги платили крестьяне Родька Карповъ и Костюнька Ивановъ. Принялъ деньги Логинъ Ключаревъ „костромскіе приказные избы подьячей“, и Мишка Алѳерьевъ: Ключаревъ — 11 алт. 4 денг., Алѳерьевъ — 13 алт. 2 денг.

1 руб.=33 алт. 2 денг.=200 денг.=100 коп; 1 алт.= =6 денг.; 1 руб. тогдашній равенъ 17-и рублямъ нашимъ (1884 г.) Охотнику задача: смекни, много-ль всего на наши будетъ?

Вяземскій документъ — отказная царская грамота изъ Помѣстнаго приказа вяземскому воеводѣ стольнику Роману Михайловичу Грибанову. Въ грамотѣ три части: въ двухъ первыхъ — изложеніе спорнаго дѣла, въ третьей — указъ.

Въ 1648 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ дана была въ помѣстье Юрію Бѣльскому земля въ волоцкомъ стану вяземскаго уѣзда. По смерти Юрія Бѣльскаго въ 1675 г. земля перешла его сыновьямъ: Андрею, Ѳедору и Павлу. Андрей и Ѳедоръ померли и съ 1681 г. землей Юрьевой стали владѣть внуки Юрія: Алексѣй, сынъ Андрея, Павелъ, сынъ Ѳедора, — и сынъ Павелъ. И владѣть бы имъ тихо и смирно, да дознался кто-то, что въ вяземскихъ писцовыхъ книгахъ 1594—1595 гг. земля ихъ — пустошь Колобово съ пустошами записана, да не тѣми именами, и что подали они челобитную о землѣ той, подъ другимъ названіемъ, себѣ въ помѣстье, подали челобитную и живутъ прохлаждаются. А жили на Москвѣ капитанъ стрѣлецкій Иванъ Рогульскій да стряпчій конюхъ Назаръ Стоговъ, и было имъ чего-то отъ царя не додадено, воспользовались они случаемъ и тоже челобитную подали: дай ему Бѣльскую землю имъ въ помѣстье! Дѣло слушалось въ Помѣстномъ приказѣ и вышелъ указъ, по которому, какъ ни поверни, а Бѣльскіе останутся съ носомъ.

Грамоту справилъ дьякъ Иванъ Обрютинъ. А письмо московское руки Матюшки Горностаева — бо-ольшой писать мастеръ!

★

1

Отпись въ пріемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ съ помѣстья Алексѣя Ивановича Загорскаго

10 декабря 1695

Лѣта 7204-го (1695), декабря въ 10 день, по указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцевъ, столникъ і воевода Никита Лаврентьевичь Усовъ велѣлъ взят в их великих государей казну, въ Ямьской приказ, ямьских и полоняничныхъ денегъ с крестьянских и з бобылских, по десяти денегъ з двора, на нынѣшней 204-ый (1695) годъ Андронникова стану с помѣстъя отставного Олексѣя Іванова сына Загорского с селца Харина з деревнями, с семи дворов, денегъ одиннатцать алтын четыре деньги.

Платил крестъянинъ Ротка Карповъ.

Къ сей отписи столникъ і воевода Никита Лаврентьевичъ Усовъ печат свою приложил.

Принял Логгин Ключарев.

*

2

Отпись въ пріемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ сь помѣстій Куломзина и Аристовыхъ

23 ноября 1694

Лѣта 7203-го (1694), ноября въ 23 день, по указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцевъ, столникъ і воевода Никита

Лаврентьевичъ Усовъ велѣлъ взять въ ихъ великихъ государей казну, въ Ямьской приказъ, ямских и полоняничных денег с крестьянских и з бобылскихъ, з двора по десяти денег, на нынѣшней 203-й (1694) годъ Андронникова стану с помѣстей Івана Микиѳорова сына Куломзина з жеребья деревни Ям съ трехъ дворов, да Семена Болшева да Семена Меншаго Савиных детей Аристова, да тое ж деревни Ям, с трехъ дворов, да того ж стану с помѣстья Осипа Михайлова сына Аристова с селца Зиновьева, да з деревни Ям с одного двора, всего с осми дворов денегъ тринатцат алтынъ две денги.

Платил крестьянин Костунка Іванов.

К сей отписи столникъ і воевода Никита Лаврентьевичъ Усов печат свою приложил.

Принял денги Мишка Алѳерьев.

★

3

Отказная грамота царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича на Вязьму стольнику и воеводѣ Роману Михайловичу Грибанову объ отказѣ за капитаномъ московскихъ стрѣльцовъ Иваномъ Ивановымъ Рогульскимъ и за стряпчимъ конюхомъ Назаромъ Исаевымъ Стоговымъ помѣстья Бѣльскихъ — пустоши Колобова съ пустошами въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ волоцкомъ стану.

17 февр. 1692

От великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцевъ в Вязму столнику нашему і воеводе Роману Михайловичю Грибанову.

Въ прошлом во 155-мъ (1647) году июля въ 31 день послана отца нашего великихъ государей блаженные памяти великаго государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца грамота въ Вязму къ столнику і воеводе ко князю Івану Хилкову, да к Ивану Загряскому, да къ діаку к Богдану Обобурову по челобитью вязметина Юрья Юрьіва сына Бѣлского, а велено имъ въ вяземской уѣздъ въ волоцкой стан послат, кого пригож, и сыскат болшимъ повалным обыском многими людми, да будет в обыску многие люди скажут, что въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустош Колобово, пустош Хоярково, пустош Буйново, пустош Хмелевая есть і лежатъ порозжи, въ помѣсье і въ вотчину никому не отданы нихкакимъ землямъ не приписаны і не владѣет ими нихто, и тѣ пустоши велено измѣрит въ десятины і написат въ книги, да тѣ книги і обыски за руками велено прислат къ Москве въ Помѣсной приказ. А въ обыску тритцат человѣкъ сказали: въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустош Колобово, пустош Хоярково, пустош Буйново, пустош Хмелево лежат въ порозжих землях, въ помѣсье і въ вотчину никому не отданы и нихкаким землям не приписаны. А въ описных і мѣрных книгах вязметина Савеліа Соломохина 156-го (1647) году ноября въ 17 день написано: описано і змерено въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустошь Колобово — полторы десятины, пустош Хоярково — полтретьи десятины *), пустош Буйнова — двѣ десятины, пустош Хмелевая на рѣчке на Милоховке — полторы десятины, всего четыре пустоши, а въ них пашни из десятин положено двенатцат четьи въ поле, а в дву по тому ж **). Да въ прошлом же во 156-мъ

*) „Полтретьи десятины“ — $2^1/_2$ дес.

**) „А въ дву потому жъ“ — означаетъ трехполье. Мѣра земли — четь. Четь=$^1/_2$ десятинѣ=1200 кв. саж. „Двѣнатцать четей въ поле, а въ дву потому жъ“ — значитъ, въ каждомъ изъ трехъ полей (озимь, ярь, паръ) по 12 четей, и всего — 36 четей или 18 десятинъ.

(1648) году іюня въ 21 день послана отца ж нашего великихъ государей блаженные памяти великого государя грамота въ Вязму къ столнику і воеводе ко князю Івану Хилкову да къ діаку къ Богдану Обобурову, а велено имъ въ вяземской уѣздъ въ волоцкой станъ на пустош Буйново, на пустош Хояркова, на пустош Хмелевую послат сына боярского добра, которой от службы отставлен, да тѣ пустоши — а въ них пашни и перелогу по мѣрнымъ книгамъ вязметина Савы Соломохина на двѣнатцат четей въ поле, а в дву по тому ж — велено отказат вязметину Юрію Белскому въ помѣсье со всѣми угодьи и написать в книги, да тѣ книги за руками велено прислат къ Москве въ Помѣсной приказ. А в отказных книгах отказу вязметина Петра Русинова 157-го (1648) году сентября въ 12 день написано: отказано вязметину Юрью Юрьеву сыну Белскому въ вяземском уѣзде въ волоцкомъ стану пустошь Колобово, а на ней были два двора крестьянских — пашенные земли перелогом и овсом поросло три четьи, лѣсу непашенного около тоѣ пустоши на версту, сена по рѣчке по Милоховке четыре копны *), пустош Хояркова на рѣчке на Милоховке, а на ней были три мѣста дворовых крестьянских — пашни паханые четь, да перелогом и овсом поросло пашенные земли четыре четьи, лѣсу непашенного на полверсты, сена по рѣчке по Милоховке по обѣ стороны пять копенъ, пустош Буйново, а на ней были два двора крестьянских — пашенные земли перелогом и лѣсом поросло четыре четьи, лѣсу непашенного на полверсты, пустошь Хмелевая на рѣчке на Милоховке, а на ней был двор крестьянской — пашни паханые четь, да перелогомъ и овсом поросло две четьи, лѣсу непашенного на полверсты, сѣна по рѣчке по Милоховке по обе стороны три копны, і всего четыре пустоши, а въ них пашни и перелогу двенатцать четьи въ поле ж, а в дву по тому ж. И во 183-мъ (1675) году

*) Мѣра луговой площади — 1 десятина=10 копенъ.

маія въ 3 день то Юрьево помѣсье Белского — пустош Колобово с пустошми, а въ них пашни двенатцат четьи въ поле, а въ дву потому ж, с-ыными ево, Юрьевыми помѣсь-и Белского, дано дѣтям ево Андрею, да Ѳедору, да Павлу Белскимъ по четыре четьи человѣку въ помѣсье ж против ихъ полюбовного раздѣлу и за ручной челобитной и допросу. А Юрья Белского въ прошлых годѣх не стало. А Ѳедорово помѣсье Белского, его трет — четыре четьи с-ыными ево помѣсьи во 189-мъ (1681) году дано женѣ ево вдовѣ Марье, да сыну ево Павлу. А Федора Белского во 188-мъ (1680) году не стало.

Да били челом намъ, великимъ государемъ, капитанъ московскихъ стрельцовъ Іванъ Івановъ сынъ Рогулской, да стряпчей конюхъ Назаръ Ісаевъ сынъ Стогов нашего, де великихъ государей, жалованія: велено за ними по окладу учинит помѣсья — за Іваномъ на шестьсот четей, а за Назаром на сто на пятдесят четьи; и за нимъ, де, Іваном помѣсья въ Муромѣ, въ Вязме, в Арзамасе — восмдесят четыре четьи с осминою, а за Назаром помѣсья нѣт нигдѣ і не додано, де ему, Івану, въ оклад пятисот пятнатцати четьи с осминою. А въ прошлом, де, во 156-мъ (1648) году дано Юрью Юрьеву сыну Белскому по обыском ис порозжих обводных земел въ вяземскомъ уѣзде въ волоцком стану пустош Колобово, пустош Хмелевая, пустош Хоярково, пустош Буйново, і въ прошлыхъ, де, годѣх Юрья Белского не стало, а то ево помѣсье во 183-мъ (1675) году дано дѣтям ево Павлу, да Ондрею, да Федору Белскимъ, і въ прошлом, де, во 188-мъ (1680) году Ѳедора Белского не стало, а то ево помѣсье — ево трет во 189-мъ (1681) году дано сыну ево Павлу Белскому, і въ прошлыхъ же годѣхъ Андрѣя Белского не стало ж, а тѣмъ ево помѣсьемъ владѣетъ сынъ ево Алексѣй Белской, не справя. А в вяземских, де, книгах писма і мѣры Василья Волынского с товарыщи 102-го (1594) и 103-го (1595) году тѣ пустоши написаны

въ том же волоцком стану въ порозжих землях іными імяны: Івановского помѣсья Голохвастова пустош Колобово — пустошью, что была деревня Захара Беликова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке, пустош Хояркова — пустошью, что была деревня Харланово, Михалевская, Терляево тож, пустош Хмелевая — пустошью, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, пустош Буйново — пустошью, что была деревня Пусковская, Губино, Буйново тож. І въ прошлых, де, во 197-мъ (1689) і во 198-мъ (1690) годѣхъ въ розных мѣсяцех і числѣх били челом нам, великимъ государемъ, Андрѣй Михайловъ сынъ Хрулев, да Іван Сергѣев сынъ, Павелъ Юрьевъ сынъ, Алексѣй Андрѣевъ сынъ, Павелъ Федоровъ сынъ Белскіе, да Өедор Іванов сынъ Івинской о тѣхъ же пустошах по писцовым книгам себѣ въ помѣсье, и они, де, бив челом о тѣхъ пустошах, за дѣлом не ходят многое время, а тѣ, де, пустоши, по писцовым книгам, лежат порозжи, въ помѣсье і въ вотчину і на оброкъ наперед сего никому не отданы і въ вотчину ж не проданы і к нашим, великихъ государей, къ дворцовымъ селамъ и къ черным волостямъ і къ ямскимъ и къ стрелецким слободамъ і къ монастырскимъ і к церковнымъ і къ иным нихкаким землям не приписаны, а владѣют, де, тѣми пустошми по обводной даче Павел Юрьев сынъ, Алексѣй Андрѣевъ сынъ, Павел Федоров сынъ Белскіе, а опричь их нихто не владѣетъ, и нам, великимъ государемъ, пожаловат бы их велет тѣ пустоши дат имъ въ помѣсье.

А въ списку съ вяземских приправочных книг писма и мѣры Василья Волынского с товарыщи 102-го (1594) и 103-го (1595) году въ волоцком стану въ порозжих землях написано — Івановское помѣсье Петрова сына Голохвастова пустошь, что была деревня Захара Белѣкова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке пашни перелогом и лѣсом поросло въ кол і въ жердь средние

земли *) шеснатцат четьи въ поле, а въ дву по тому ж, сена двѣсти копен, лѣсу непашенного рощи две десятины; пустош, что была деревня Харланово, Михалевская, Терляево тож, на ней мѣсто дворовое пашни перелогом восмь четьи, да лѣсом поросло в кол і въ жердь середние земли двѣнатцат четьи въ поле, а в дву по тому ж, сена сто копен, лѣсу пашенного рощи две десятины; пустош, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, на ней три мѣста дворовых пашни перелогом средние земли пятнатцать четьи, да лѣсом поросло десят четьи въ поле, а въ дву по тому ж, сѣна пятдесят копен, лѣсу пашенного две десятины; пустош, что была деревня Пусковская, Губино, Буйново тож, на ней четыре мѣста дворовых пашни перелогом и лѣсом поросло въ кол і въ жердь середние земли тритцать пять четьи въ поле, а в дву по тому ж, сѣна десять копен, лѣсу пашенного кустарю десятина; всего четыре пустоши, а въ них пашни середние земли девяносто шесть четей доброю землею съ наддачею семъдесят семь четей въ поле, а в дву по тому ж.

И мы, великие государи, указали послат къ тебѣ нашу, великихъ государей, грамоту, велѣли сыскат болшим повалным обыском многими людями пустоши, что написаны въ писцовых книгах и что даны во 156-мъ (1648) году из обводных земел Юрью Белскому, а ныне по дачам за сыном ево и за внучаты, однѣ ль тѣ пустоши или розные? Да будет в обыску многие люди скажут, что тѣ пустоши розные, а не однѣ, и тѣ пустоши, что написаны въ писцовых книгах, лежат порозжи, никому не отданы и спору не будет, отказат въ помѣсье Івану Рогулскому да Назару Стогову и сыскъ и книги прислат, а обводнымъ пустошам быть по дачам за Белскими. А буде в обыску скажут, что тѣ пустоши однѣ

*) Земля по качеству своему раздѣлялась на худую, среднюю и добрую.

а не розные, и іхъ по тому ж отказат Рогулскому и Стогову, а обводную дачю по указнымъ статьям отставит, для того что тѣ пустоши даны были не тѣми имяны, которыми написаны въ писцовых книгах, а Павлу Белскому с товарыщи отказат, для того что, бив челом, не ходят многое время.

И какъ къ тебѣ ся наша, великихъ государей, грамота придет и ты б въ вяземской уѣздъ въ волоцкой станъ послал, кого пригож, а велѣл ему взят с собою тутошних и сторонных людей старостъ і целовалников и крестьян, сколко человѣкъ пригож, да въ том і около того стану велѣл ему сыскат накрѣпко болшимъ повалнымъ обыском многими людми, дворяны и детми боярскими, приказщики и старосты и целовальники і крестьяны, по евангилской заповеди Господни, въ вяземском уѣзде въ волоцком стану по писцовым книгам Івановского помѣсья Петрова сына Голохвастова, пустош, что была деревня Захара Белѣкова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке, пустош, что была деревня Харланово, Михалевская, Терляево тож, пустошь, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, пустошь, что была деревня Пусковская, Губина, Бойново тож, і что даны во 156-мъ (1648) году из обводных земел Юрью Белскому, а ныне по дачам за сыном ево за Павлом, да за внучаты ево за Олексѣемъ, да за Павлом Белским въ волоцъкомъ стану пустош Колобово, пустош Буйново, пустош Хоярково, пустош Хмелевая, — однѣ ль тѣ пустоши или розные?

Да хто, что про то про все в обыску обыскные мъногие люди скажут, и ты б тѣхъ обыскных людей имена и рѣчи велѣл ему написат на список, да къ тому обыскному списку обыскнымъ людем, которые грамоте умѣют, велѣл имъ руки свои приложит, а которые обыскные люди грамоте не умѣют, и ты б въ их мѣсто велѣл ему

руки приложит отцемъ их духовным или кому они въ свое мѣсто руки приложить вѣрят, а тем обыскнымъ людем велѣл ему, обыщику, сказат имянно, чтоб они в обыску сказывали правду, другу не дружа, а недругу не мѣстя никоторыми дѣлы, да и обыщику, приказат і въ наказную ему памят написат против нашего, великих государей, указу і уложенія с подкрѣплением, чтоб обыскивал правдою ближними околными многими людми сряду, а не выбором і не далными людми, отставя ближних, околних людей, норовя кому по посулом или для дружбы или для какой своей недружбы, а обыскных людей велѣл ему, обыщику, допрашивать по святѣй непорочной евангилской заповеди Господни, еже есть всѣх на лицо порознь, а не за очи, а за очи никово в обыскъ писат не велѣл, а буде обыщикъ учинит или обыскные люди в обыску скажут неправду, а сыщетца про то до-пряма, и обыщику и обыскнымъ людем быт от нас, великихъ государей, в болшой пене і въ жестоком торговом наказанье безо всякие пощады.

Да будет в обыску обыскные многие люди скажут, что тѣ пустоши, которые написаны въ писцовых книгах въ порозжих землях, — пустош, что была деревня Захара Белѣкова, Колобово тож, на рѣчке на Милоховке, пустош, что была деревня Харланово, Михалевская, Терляево тож, пустош, что была деревня Рябковская Гриши Хмелева, на рѣчке на Милоховке, пустош, что была деревня Пусковская, Губина, Буйново тож, и что даны во 156-мъ (1648) году из обводных земел Юрью Белскому, а ныне по дачам за сыном ево за Павлом, да за внучаты ево за Олексѣемъ да за Павлом Белскими, — пустош Колобово, пустошь Хоярково на рѣчке на Милоховке, — розные, а не однѣ, и тѣ пустоши, что написаны въ писцовых книгах, лежат порозжи, въ помѣсье і въ вотчину и на оброк наперед сего никому не отданы, і в вотчину ж не проданы, и к нашим, великихъ государей, къ двор-

цовым селам і къ чернымъ волостям и къ ямским і къ стрелецкимъ слободам и къ монастырскимъ и к церковным і к иным нихкакимъ землям не приписаны, і не владѣетъ тѣми пустошми нихто, и спору не будет, и тѣ пустоши, — пустош, что была деревня Захарова Беликова, Колобово тож, с пустошми, а въ них пашни средние земъли доброю землею с наддачею семьдесят семь четьи въ поле, а въ дву по тому ж, велѣл отказат капитану московских стрелцовъ Івану Іванову сыну Рогулскому да стряпчему конюху Назару Исаеву сыну Стогову по триттцати по осми четьи с осминою *) человѣку Івану къ муромскому, къ вяземскому, къ орзамаскому ево помѣсью, к осмидесят к четыремъ четям с осминою, въ их оклады, Івану въ шестьсот четей, Назару во сто въ пятъдесят четей, въ помѣсье со всѣми угодьи, а обводные пустоши — пустош Колобово с пустошми велѣт отставит за Павлом Юрьевым сыном, за Олексѣемъ Андрѣевымъ сыном, за Павлом Өедоровымъ сыном Белскими. А буде в обыску скажутъ, что тѣ пустоши однѣ, а не розные и ихъ по тому ж велѣл отказат Івану Рогулскому, да Назару Стогову, а обводную дачю по указнымъ статьям велѣл отставит, для того что тѣ пустоши даны были не тѣми имяны, которыми написаны въ писцовых книгах. Да что имъ на тѣхъ пустошах откажетъ мѣстъ дворовых і пашни і сѣна і лѣсу і всяких угодей и ты б то въсе велѣл ему написат в книги подлинно, порознь, да тѣ книги и обыскной списокъ за руками тѣхъ людей, которые на отказе и на обыску будут, и за отказщиковою и обыщиковою, и ты, Роман, пересмотря, за своею руками прислалъ къ намъ, великимъ государемъ, къ Москве і велѣл подать въ Помѣсномъ приказе боярину нашему Петру Васильевичу Шереметеву съ товарыщи, а таковых книги и обыски за руками ж оставил въ Вязме в Съѣзжей избѣ впредь для вѣдома и спору.

---

*) Осмина — 1/2 чети — 600 кв. саж. Четверикъ — 1/8 чети

Писанъ на Москвѣ лѣта 7200-го (1692) февраля въ 17 день.

На дѣле помѣта дьяка Івана Обрютина.

На оборотѣ поперекъ:

В Вязму столнику нашему і воеводе Роману Михайловичу Грибанову.

Скрѣпа:

Ді-акъ Іван Об-рю-ті-нъ. Ставъ.

Подпись:

Писал Матюшка Горностаев.

1914 г.

Книжечка рукописная

болѣзное

Въ 1764 году изданы были „Духовные штаты“, довершившіе монастырское разореніе. Съ 1786 года законъ распространился на Малороссію, а до тѣхъ поръ было тамъ все въ цѣлости и невредимо, — и именины нѣжинскаго о. архимандрита прошли не мало не омраченныя.

О. Ефремъ на высокомъ архипастырскомъ праздникѣ не былъ: простой іеромонахъ, къ старѣйшей братіи Ефремъ не принадлежитъ, о. Ефремъ — „низкая душа“, на горы не вхожъ. Но лазейка туда у него есть: тамъ, на горахъ есть ему другъ — самъ кафедральный писарь о. Воронковскій.

Просвѣщеннаго о. Іакова Воронковскаго соединило съ о. Ефремомъ книжное почитаніе. Къ книгѣ у о. Ефрема страсть, и изъ всей братіи только передъ Ефремомъ раскрываетъ о. писарь свое древлехранилище. Въ послѣдній разъ, а это было еще на масленицѣ, о. писарь показалъ Ефрему рукописный сборникъ. Что это за сборникъ: „Тайная тайнъ?“ — а можетъ, „Троянова бытія?“ — а можетъ, „Веселейлъ“ (Скинія Божія)?.. Искусный въ хитрогласницѣ, о. писарь готовъ былъ на книгахъ потерять весь голосъ, и о. Ефрему уходить не хотѣлось.

На праздникахъ о. Ефремъ простудился. Всякій день на Святой недѣлѣ послѣ обѣдни обносятъ съ крестнымъ ходомъ артосъ вокругъ церкви, тутъ о. Ефремъ и про-

студился. И теперь онъ лежалъ въ лихорадкѣ и въ глазахъ темнѣло — голова кружилась, койка кружилась, келья и монастырь, и городъ. Братіи онъ не свой, и его никто не хватился, и некому притти къ нему посидѣть въ его кельѣ. Забылъ и самъ писарь о. Воронковскій. А что бы ему съ келейникомъ своимъ съ паномъ Михайломъ удосужиться ту самую книжечку рукописную прислать: книжечка эта вѣрнѣе печи самой жаркой и лучше всякихъ лекарствъ!

Есть въ старинной рукописной книгѣ свой особый духъ, особенный — ладанный: обернешь листъ и почуешь его, изъ корешка идетъ... араматоуханный. Лучше всякихъ лекарствъ! Принесъ бы ему панъ Михайла эту книжечку, да и еще чего-нибудь. Жажда его измучила, хоть бы кисленькаго чего!

А тамъ, за окномъ шумитъ Остеръ, шумитъ, — полноводная, подливаетъ половодьемъ подъ недоступныя унѣжскія башни.

* *
*

†

Высокопреподобнѣйшему Господину
Отцу Писару Катедралному,
Милостивому Отцу и
Добродѣевѣ Моему,
Его Высокопреподобію Господину
В о р о н к о в с к о м у
— всепочтеннѣйще —

Высокопреподобнѣйшій Господинъ отецъ писаръ катедралный, милостивій добродѣю мой!

Я вчера безъ мала не умеръ, цѣлые сутки то въ жару, то въ морозѣ смертно страдалъ шестью параксисмами, теперъ же минѣ будто на похмѣлье: и голова кру-

титься, и келія крутиться, и монастирь крутиться, и городъ крутиться, и свѣтъ весь на вспакъ сонця вернется. Думка думку пошибае, чимъ бы сему злу запобѣгти, да и розуму прибрать не могу, понеже то рѣчь дорогая, а мы люде убогій. Спасетъ же его Господь, отца Архімандрита нашего, что мене и не оставляетъ, да минѣ часто трудить Господина и грѣхъ и соромъ.

Вспомнѣлъ я, что минѣ чи снилося, чи то и вправду Вы комусь въ праздникъ именинъ Архіпастирскихъ изволили говорить со удивленіемъ: чему то я и очей на горах ваших не появлю? А минѣ далеко и барзо дивнѣйше, чему-б то пану Михайлу вашему за вѣдомом и благословеніемъ Вашим не посѣтити мене странного и болного и печалного, а трудъ бы его не въ оцет змѣнился, и праця его святая не такъ, якъ у воду, — минѣ бъ принеселъ книжечку от Вашего Высокопреподобія тую оную рукописную, а може, и еще що далъ бы ему Богъ на розумъ. А я бъ его благости и щедролюбію улѣпивъ писаночку, якую Богъ здарилъ, а Ваше Высокопреподобіе, яко моего дражайшаго благодѣтеля и отца, часто сердечно поздравилъ бы праздником свѣтлым, желая Вашему Высокопреподобію благодати, яко нужнѣйшаго пособія в трудах Ваших непрестанных, милости, яко желаемыя отради въ печалех Ваших, и мира чистосердечнаго на все Богоугодное житіе Ваше, которое да будетъ многолѣтно:

Здравствуйте!

Вашего Высокопреподобія
всеодолженнѣйшій послушникъ
и всеискреннѣйшій всѣх-благ-желатель
Іеромонах Ефремъ.

1765 года, Априля 4.

1913 г.

Бахусова пещера

умученнаго отъ трактирныхъ и блиліарныхъ трудовъ и подвиговъ печерскаго инока Епифанія на позоръ и ангеломъ и человѣкомъ трагедія

расчетное

Однимъ изъ источниковъ монастырскихъ доходовъ съ конца XVI-го вѣка и по конецъ XVIII-го рядомъ съ поминовеніемъ усопшихъ, святымъ маслецомъ и водицей былъ, не повѣрите, скажу: и кабакъ. Въ Великой Россіи кабакъ, въ Малороссіи — шинокъ, одно и тожъ.

По реестру 50-хъ годовъ XVIII вѣка за подписью секретаря Алексѣя Фотѣева и канцеляриста Козлова, подлинную копію съ котораго „зводилъ Кіевовидубицкаго монастыря писаръ иеродіаконъ Моисей“, шинковъ, построенныхъ отъ кіевскихъ монастырей, числится цѣлая дюжина.

„От Софейскаго: за Львовскимы воротами — 1 шинкъ, близъ рощы — 1 шинкъ. От Ныколаевского: от Печерской крѣпосты к Кіеву по правую сторону промеж казенныхъ кабаковъ — 2 шинка, под горою где живутъ горшечныки, близ казенного жъ кабака — 1 шинкъ. От Мыхайловского: близъ церквы Покрова Богородыцы —

1 шинкъ, а другой внутри того жъ монастыра, третей на Крещатыке блызъ долбиловыхъ заводовъ, да за Лвовскими воротамы — 1 шинкъ. От Выдубыцкого: на Неводныцкой прыстанѣ блызъ того жъ казенного кабака — 2 шинка, на Зверинце — 1 шинкъ".

И сама Кіевская Лавра, что грѣха таить, не уступала прочимъ монастырямъ, и у первостатейной святой обители были свои „крайне порочные и преисполненные соблазновъ для монашескаго чина учрежденія", — шинки (въ 1750 г. — 2, въ 1756 году — 5), да трактиры съ билліардами.

Печерскій инокъ о. Епифаній назначенъ былъ въ лаврскій трактиръ трактироправительствовать подъ Кіевъ въ Васильковъ городъ, принадлежащій съ 1680 года и по 1785-ый Кіевской Лаврѣ. Этотъ Васильковъ, древній Василевъ, на рѣкѣ Стугнѣ, пограничный и таможенный, кишѣлъ всякимъ людомъ, да еще по тому времени въ турецкую первую войну (1764—77 гг.) былъ и военнымъ трактомъ. И въ такое-то горячее время Епифаній вступилъ въ свое командованіе, и командовалъ за страхъ и совѣсть цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, а затѣмъ былъ изгнанъ.

Къ преподобному Исакію печерскому, первому нашему русскому угоднику, принявшему высочайшій подвигъ юродства, бѣсы всего разъ приходили въ пещеру и плясать принуждали въ своемъ хороводѣ бѣсовскомъ, и преподобный Исакій поддался бѣсовскому мечтанію. А въ Васильковѣ на большой-то дорогѣ, на армейскомъ трактѣ за десять мѣсяцевъ дня не проходило безъ соблазновъ, — тамъ, въ лаврскомъ трактирѣ, не только какіе, а сама „богоненавистная троица — веселый Бахусъ, гремящій Юпѣтеръ и забавная Венера" денно и нощно торжествовали, гдѣ ужъ тамъ совладать съ собою и не пасть въ пожирающія души и тѣлеса челюсти!

О. Епифаній, должно быть, не совладалъ, въ чемънибудь такомъ о. Епифаній попался, палъ и былъ устраненъ отъ командованія, а попросту прогнали его, умучен-

наго, да еще и подъ запрещеніемъ оставили: ни въ Лавру не смѣй возвращаться, ни въ городъ выйти!

И вотъ, по винѣ и безъ вины обиженный, сидя въ заточеніи васильковскомъ, о. Епифаній послѣ подачи расчетной вѣдомости васильковскому соборному старцу о. Леонтію, рѣшился написать въ Кіевскую Лавру — къ духовной своей предводительницѣ себѣ въ оправданіе и вывести изъ вѣчнаго забвенія вмѣстѣ съ „аккуратнымъ" расчетомъ позорные подвиги и труды бахусовой пещеры.

Жалко слушать пойманнаго опозореннаго умученнаго инока, и жалко и жалобно: вѣдь, онъ только сѣно, а кабакъ — огонь, и не виноватъ онъ, что огонь его сжегъ, какъ и огонь не виноватъ, что огонь жжетъ, а вся вина на томъ, кто огонь съ сѣномъ соединилъ!

И повѣрятъ ли ему или не повѣрять, но онъ денегъ никакихъ не кралъ, онъ своихъ приложилъ еще изъ своего бѣднаго имущества — 63 р. 34 к. И вѣруетъ, что его простятъ и дадутъ ему грѣхъ его замолить, ну, а если не повѣрятъ, такъ пусть же знаютъ о томъ, о чемъ стыдно честнымъ людямъ и говорить, и сохранять сыновъ своихъ отъ такого преступнаго позора.

Въ Кіевскую Лавру
от монаха Епифанія
рощетное доношеніе!

При перемѣнѣ моей от командованія лаврскимъ василковскимъ трактиромъ, въ поданной от мене въ Василковѣ соборному старцу отцу Леонтію о приходахъ и

росходахъ трактирныхъ вѣдомости, за скоропостижност оной востребованія, запамятовалъ я показат по трактиру нижеслѣдующщаго росходу:

1-е — прошлого 1771 году лѣтнымъ временемъ взято у меня въ Лавру до келіи пастырской келейнымъ монахомъ Іоанафаном аглицкого пива сто бутиліокъ, цѣною по 52 к., и того — 52 р.

2-е — бывшимъ при продажѣ трактирныхъ припасовъ наймитам заплачено по договору Ивану Елисееву въ разсужденіи особливых его по новости трактира бывшихъ трудовъ за два мѣсяця по 10 р. на мѣсяцъ, Афанасію Дембровскому за сѣмъ мѣсяцовъ по пяти рублевъ на мѣсяцъ, Ивану Иванову за одинъ мѣсяцъ пять рублей, итого всѣмъ троимъ — 60 р.

3-е — за дрова и свѣчи въ трактиръ, чрезъ десятомѣсячное время покупаемые — 17 р.

4-е — за покупной для издѣлки въ трактирѣ новой печи свинецъ и за краски на кахли — 3 р.

5-е — прежде - бывшему трактирщику Федору Карпову за здѣланные имъ въ трактиръ стекляные окошки, и за выбѣленіе внутрѣ трактира и за бумажные во ономъ обои и за подчинку старой трубы заплачено — 25 р.

Всего — 157 р.

А какъ по присланному ко мнѣ нынѣ изъ Лавры святой ордеру значится, что по щету находится на мнѣ лаврского долгу съ трактирными прибылями полагаемаго — 521 р. 32 к., такъ покорнѣйше прошу оные, в правилно по трактиру расходи состоящіе — 157 р. ись той щисляемой на мнѣ Лаврой суммы исключить. А затѣмъ останется на мнѣ начитаемаго трактирного долгу — 364 р. 32 к., которые я и заплатить бы долженствовалъ, естли бы не потераны были на воинскихъ и таможенныхъ чинахъ за набранные ими напитки трактирные денежные долги, которыхъ число по подданнымъ отъ меня при смѣнѣ реестрамъ состояло въ 627 рубляхъ 88 копѣйкахъ.

Но какъ оное долговъ потераніе послѣдовало по причинѣ учиненной мнѣ от трактира скоропостижной перемѣнѣ, не давъ время къ распродажѣ заготовленныхъ мною трактирных припасовъ, ни къ собранію тѣхъ долговъ, да и опосля того не учинено мнѣ въ собраніи оныхъ никакого от Лавры допоможенія, какъ бы уже то до Лавры и не принадлежало, такъ я въ том долговъ потераніи и причиною не состою, но вся причина въ сем потераніи от самой Лавры послѣдовала.

Не давать же трактирныхъ припасовъ въ долги никак было невозможно, и нигдѣ не упователно сыскат такого трактирщика не толко въ монахахъ, но и въ мирскихъ, чтоб все трактировалъ на готовые денги, а долговъ бы не было. Колми паче мнѣ, въ монашескомъ образѣ, василковской трактиръ въ военное время и на главном армейском трактѣ управляющему, безъ тѣхъ долговъ въ такомъ знаменитомъ трактироправительствѣ обойтись никакого способу не было, поелику трактирные посѣтители были почтенные офиціями и по большой части армейскіе, и въ трактирѣ всегда торжествующіе, и въ случаи подпилости, а паче какъ войдутъ чрезъ игру біліарную въ азартъ, а денегъ на напитки не достанетъ, и потребуютъ оныхъ въ долгъ, такъ и за страхъ принуждено было давать, сохраняя свой животъ, какъ свидѣтелствуютъ тогдашную ихъ смѣлость бывшіе трактирщики и трактирный поставецъ, что многократно гонясь за трактирщиками, въ долгъ давать нехотѣвшими, двери у поставца и самой оной шпагами порубили и покололи. Да и я не одинъ разъ принужденъ былъ от такихъ случаевъ бѣгомъ спасатся; однако, доколѣ еще был при трактирѣ, тѣ долги безъпрекословно платили.

По перемѣнѣ же меня съ трактиру, хотя и дано мнѣ было нѣсколко время для съѣзду въ Василковъ за тѣми долгами, но время сіе было уже безвременно: должники трактирные, видя меня от команды презрѣнна и без всякой помощи оставленна, требованій моихъ о тѣхъ дол-

гахъ и слышать уже не хотѣли, но паче еще и укорительную принужденъ былъ принять от них срамоту и ругательные насмѣшки:

— Ахъ, де, монахи печерскіи, какъ, де, они нынѣ стали ревнивы, вмѣсто, де, святыхъ пещеръ усердствуютъ трактирами и біліарамъ, гонясь, де, за прибылями, свою пристойность позабыли. Не послѣднее ли, де, уже пришло время, что взялись монахи за трактирно бремя, весма, де, ето жалко, что святая ихъ душа здѣлалась соблазном для трактирнаго барыша. Не трудитесь, де, отецъ святой, больше, перестанте огорчать трактирными вашими промыслами, естли, де, хочете быть цѣлы, намъ, де, и такъ от карантиновъ и от ранъ непріятельскихъ тошно!

И что мнѣ тутъ осталось уже дѣлать! Но только ли защищатся самимъ студомъ, прибѣгая подъ покровъ Кроткого Давида, и мысленно съ нымъ глаголя:

„Студъ лица моего покри мя, и поношеніе поносящихъ ми нападаша на мя!“

Но мало мнѣ пособствовала тогда етая святая Богословія, со всѣмъ тѣмъ нѣкоторые съ ныхъ дерзкіе хотѣли было для вѣчной трактирной памяты напоить меня армейскимъ пивомъ, но человѣколюбіе Божіе предостерегло меня от того ихъ дерзкаго предпріятія. Были въ числѣ тѣхъ компанистовъ отличнѣйшіе скромностію и сожалитѣльнѣйшіе, и свободили меня пред своими товарищами от той смертоносной крайности, извинив такими словами:

— Вить, де, онъ не виноватъ, что Лавра трактирщикомъ его здѣлала, и къ такому позорному пути дверь ему отворила, вить, де, сѣно само не горитъ, когда огня не подложатъ, да и огонь, де, не виноватъ, что сѣно сожжетъ, но вся вина причитается тому, кто съ сѣномъ огонь соединитъ!

Но, слава Богу, вскорѣ после того смертоноснаго предверія получилъ я от той трактирной срамоты избавленіе и жизненную отраду, данъ мнѣ пастирской ордеръ,

чтобъ не толко уже въ Васильковъ, но ни за Печерскъ не отлучатся, а между тѣмъ и трактирные должники, Богу путь ихъ управляющу, разъѣхались върознь, и иные въ армѣю, а иные въ Великороссію, другіе же въ страны другіе въ мѣста неизвѣстные.

Однако жъ при всѣхъ тѣхъ трудныхъ обстоятелствах собралъ я исъ трактирныхъ долговъ —

съ таможенного досмотрщика Ивана Константинова — 50 р.

съ Афанасія Дембровскаго — 50 р.

съ бригадира Ивана Евфимовича господина Дарагана — 32 р. 90 к.

съ оберъ-обезчика Семена Потемкина — 35 р.

да разныхъ мелочныхъ должниковъ — 12 р. 10 к.

Итого — 180 рублей.

А затѣмъ оставшіесь въ невзисканіи по вышеписанным долговымъ реестрамъ на разныхъ должникахъ — 447 р. 88 к. трактирные долги, за усилнымъ ихъ споромъ и за неучиненіемъ мнѣ от Лавры въ том ни малѣйшей помощи и за розъѣздом тѣхъ должниковъ, дѣйствително пропали, въ числѣ коихъ не толко означенные Лаврѣ съ трактиру за расходами доводившіесь — 364 р. 32 к. погибшими состоятъ, но и моихъ — 83 р. 56 к. въ тотъ же трактиръ употребленные тамъ же пропали.

Да и что труднѣйшее для монаха и поноснѣйшее можетъ быть, какъ таковое спорных трактирных долговъ безвременное собраніе! Доволно о семъ ко увѣренію самаго Дембровскаго, что уже и реестри, и контрактъ его руки въ тѣхъ долгахъ доказываютъ, да и при посредственникахъ щетъ съ ным былъ производимъ и не малая ему от мене притом исъ тѣхъ долговъ уступка по домогателству посредственниковъ и прочихъ его сторону держащихъ учиненна, и вексель доброволно от него мнѣ на сто рублевъ написанъ, однако жъ совсѣмъ тѣмъ — 50 р. не платит, да еще и командирамъ своимъ подступно на меня клеветы произноситъ, какъ небезъизвѣстно о

семъ и святой Лаврѣ. И когда уже такой документалной по трактиру долгъ для монашества къ полученію столко труденъ и безстудныхъ укоризнъ преисполненъ, такъ что остается думать о долгахъ безъдокументальныхъ, по настоянію трактирныхъ торжественниковъ почти принужденно на вѣру имъ даванныхъ?

Что уже принадлежитъ до вышеписанныхъ собранных долговъ — с т а о с м и д е с я т ъ рублевъ, то заплатилъ я из оных проименованнымъ въ прежней моей вѣдомости трактирным кредиторамъ за набранные въ трактиръ припаси — 159 р. 78 к., а прочіе — 20 р. 22 к. остались у меня, и за исключеніемъ оныхъ, остается пропалыхъ въ долгахъ моихъ денегъ — 63 р. 34 к.

А какъ оные пропалые съ причины лаврской трактирные долги составляютъ — 427 р. 66 к., то подлинно такова трактирная гибель была бы Лаврѣ не безчувствителна, естли бъ не взискано въ Лавру василковскаго управителя заимообразно на трактиръ исъ тамошныхъ доходовъ т ы с я ч ь - рублевой суммы. Но теперь, слава Богу, убитку Лаврѣ святой от трактиру уже нѣтъ, толко что бариши пропали, или, может быть, что Лавра святая какими либо средствами их еще и сищетъ, однако жъ, сіи бариши въ разсужденіи святой обытели и трактира и біліара, да и что самою оною потераны, сожалѣнія не суть достойны. Остается толко святой обытели желать, чтобъ трактирные и біліарные, преисполненные соблазновъ и для монашескаго чина крайне порочные, учрежденія, въ которыхъ принужденъ я былъ просвѣщатся въ монашеском образѣ, преда̀ны были вѣчному забвенію; и не пошли бы въ дальнѣйшую публику.

Но что касается до меня, такъ я много сожалѣть долженъ, да и по гробъ мой забить сего невозможно, что я за тѣ потеранные съ причины лаврской трактирные бариши невинно подверженъ въ Лаврѣ презрѣнію и ненависти, что не уважается здѣсь той непристойности, которая со мною здѣлана, что, будучи я въ Лаврѣ свя-

той печерской новоначалником еще въ монашествѣ, не знаю, по какимъ указамъ и регламентамъ или же по святым правиламъ въведенъ былъ въ такіе позорные бахусовой пещеры десятомѣсячные подвиги и труды.

Дивная поистиннѣ вещъ! Преподобному Исаакію одно толко въ святой пещерѣ от князей тмы искушеніе случилось, а я от бахусовыхъ подражателей въ той ихъ пещерѣ, и внѣ оной, волочась за трактирными промыслами, многократное искушеніе и посмѣшество принялъ. Того преподобнаго одинъ толко разъ тѣ враги, обманувши, привѣтствовали: „Нашъ еси, Исаакій, да восплящетъ съ нами!“ — а мнѣ трактирные торжественники многократно тѣмъ примѣромъ и прочими соблазнами посмѣялись. Нѣтъ тамъ славословія ни святой Троицы, ни святымъ, но безпрестанной тріумфъ проклятым славится. Тамъ денно и нощно оная Богоненавистная тройца — веселой Бахусъ, гремящей Юпѣтеръ и забавная Венера: и что можно найти для монаха безчиннѣе, какъ такое трактироправителство, въ каком я состоялъ под именемъ святаго послушанія, посланъ будучи на сіе от первостатейной святой обытели. Стыдно поистиннѣ честным людямъ о семъ и говорить да не можно жъ и утаить такой трагедіи, которая представлена была во мнѣ на позоръ и ангеломъ, и человѣкомъ, а потому и за особливой долгъ я почитаю донесть о семъ святой Лаврѣ, какъ духовной моей предводителницы, да вѣдаетъ святая Лавра, какое въ трактирахъ и біліарахъ благочиніе, и какая тамъ для обытелы слава, и какая командующимъ трактирами монаховъ почесть, и да сохранитъ прочее сыны своя от такого преступнаго позора. За симъ моимъ аккуратнымъ о трактирной должности ращетомъ не остаюсь я по трактирному послушанію должнымъ ни святой Лаврѣ, ни сторонным кредиторамъ.

А потому я имѣю право просить о возвращеніи мнѣ удержанного въ Лаврѣ купленнаго мною въ Полшѣ для трактиру венгерскаго пяти анталовъ вина, которым я дол-

женъ раздѣлатся съ претендатором Яковомъ Покровскимъ, который давно уже меня за извѣстной долгъ истязуетъ. Да притомъ же прошу приказать мнѣ выдать и пропалые въ трактирныхъ долгахъ собственные мои — 63 р. 34 к., денги, кои вмѣстѣ съ прочими долгами и баришами потераны, какъ выше доказано, съ причины лаврской.

А такимъ образомъ и несчастному монашескому въ Лаврѣ святой новоизобрѣтенному трактирному и біліарному послушанію воспослѣдовать можетъ давно быть должной конецъ безъ далныхъ затрудненій, которые естли будетъ, не произведутъ похвалы, развѣ посмѣшества и хулы, да и особливой въ разсужденіи венгерского важности, не изволила Лавра доволствоватся тѣмъ, что сперва какъ не умученъ еще былъ я трактирными въ Лаврѣ щетами и ненавистми, доброхотно себя представлялъ къ пополненію трактирной долговой гибели, съ лаврской же причины послѣдовавшей, изъ своего бѣднаго имущества, надѣясь на должную быть отъ Лавры помочь во взысканіи съ Дембровскаго и прочихъ трактирныхъ долговъ, и терпѣливо умалчивалъ о всѣхъ непристойностяхъ, которые мнѣ от сей святой обителы чрезъ трактироправительство случились: но возжелала еще Лавра святая трактирныхъ баришей, которые своею жъ причиною потерала и десятомѣсячно мучила для ныхъ мою жизнь различными щетами, и довела до такой аккуратности, какую принужденнымъ нашелся изъявить по правдѣ чрезъ сей ращотъ, однако жъ, непреминулъ еще сохранить ту скромность, что не изъяснилъ внутренные лаврскіе презенталные расходы, свидѣтельствую тѣмъ мое почтеніе святой Лаврѣ, какъ благонадежной въ Дусѣ святом наставницѣ, въ которую пришелъ я быть монахомъ, а не трактирщикомъ, какъ извѣстно о томъ и Святѣйшему Синоду и Правительствующему Сенату.

Въ прочемъ, что непоспѣшно подношу сію ращетную аккуратность, можетъ меня святая Лавра извинитъ, что

я, будучи умученъ от трактирныхъ и біліарныхъ трудовъ и подвиговъ, и от продолжающихся щетовъ и ненавистей и, вмѣсто спасенія, будучи приведенъ едва не въ развращеніе, принужденъ былъ лежать почти на смертной постелѣ, а чрезъ другихъ подносимаго сего моего ращету принимаемо не было, но, слава Богу, не хотящему смерти грѣшника, нѣсколко уже от того поосвободился, а притомъ не безнадежденъ, что и Лавра святая по свойственному ей о душахъ молитвенному попеченію не оставитъ до помогти благопріятными своими молитвами, и умилостивитъ Божіе человѣколюбіе къ продолженію моей жизни, въ которую долженъ я каяться за моя погрѣшности, а паче за бывшіе въ трактироправителствѣ аще и принужденныя, благодаря Бога во всю мою жизнь, что сохранилъ мой животъ и избавилъ душу от тѣхъ челюстей, коими пожираются души и телѣса, долженствую о таком Его благодѣяніи хвалится предъ цѣлымъ свѣтомъ, гдѣ толко случай дозволитъ.

Къ подлинному ращетному доношенію
Монахъ Епифаній
руку приложилъ.
Декабря . . . дня
1772 года.

1913 г.

Гадальныя карты

волшебное

„Карты Сведенборга!“ „Сведенборговскія карты!“ „Погадай ты на Сивенборгѣ!“ — слышалъ я съ дѣтства.

И такія карты волшебныя были въ Москвѣ у моей матери.

Я не знаю, насколько вѣрно приписывать эти карты мудрѣйшему теософу и духовидцу Эммануилу Сведенборгу (1688—1772), я лишь одно знаю, что говорятъ эти карты удивительно вѣрно.

Мы жили на фабрикѣ и помню, рѣдкій вечеръ къ намъ въ домъ не заходилъ кто-нибудь изъ фабричныхъ, черный, и жался на кухнѣ:

— Марья Александровна, погадайте!

Мать неохотно гадала.

Мало она во что вѣровала, но, кажется, этимъ своимъ картамъ „сивенборговскимъ“ она вѣрила. По примѣрамъ ли на другихъ, — я помню не мало случаевъ, о которыхъ говорилось и почему-то всегда шопотомъ, случаи, правда, были все несчастные — или ей самой нагадали онѣ ея горькую долю, вотъ она въ нихъ и повѣрила.

Въ подлинникѣ эти карты съ картинками. Я не видалъ подлинника. Я знаю только списокъ: на лицевой сторонѣ обыкновенныхъ игральныхъ картъ рукой матери

написанъ былъ толкъ картамъ необыкновеннымъ. Дознаться, откуда она ихъ списала, мнѣ такъ и не удалось. Думаю, что русское происхожденіе ихъ относится къ 20-мъ годамъ прошлаго вѣка.

* *
*

Колода — тридцать шесть картъ. Перетасовавъ хорошенько, снять и класть на четыре ряда по девяти картъ въ рядъ.

„Если карта, означающая особу (Гишпанецъ — мужчина, Амазонка — женщина), лежитъ въ серединѣ игры, т. е. имѣетъ съ обоихъ боковъ по четыре карты, то всегда служитъ добрымъ предзнаменованіемъ. Если же она въ другомъ мѣстѣ, то самыя важныя карты — надъ головою, внизу и съ каждаго бока по три карты. Если она лежитъ на краю въ первомъ ряду, то три съ боку и внизу. Если не на самомъ краю, то три съ боку, и съ другого сколько есть. Если она съ краю во второмъ и третьемъ ряду, то брать по три карты сбоку, вверху и внизу. Если въ послѣднемъ ряду, то брать всѣ карты, лежащія въ этомъ ряду“.

Почтальонъ

Самое изображеніе, представленное на этой картѣ, показываетъ, что она должна означать письменныя извѣстія, получаемыя нами отъ другихъ, въ отдаленіи отъ насъ живущихъ, особъ, съ которыми мы находимся въ сношеніи или по чувствамъ дружбы и любви или по родственнымъ связямъ и по дѣламъ нашимъ, предпріятіямъ и проч. Теперь надобно разсматривать, гдѣ лежитъ эта

карта отъ означающей особу. Если надъ головою, то надобно ожидать радостныхъ, а если съ боку или внизу, то печальныхъ извѣстій; вообще, окруженная счастливыми или несчастными картами, она предвѣщаетъ сообразную имъ вѣсть.

Роза

Эмблема любви, цвѣтущаго здоровья и счастія. Но такъ какъ нѣтъ розы безъ шиповъ, то и она предвѣщаетъ разлуку съ любимымъ человѣкомъ, или какое либо горестное событіе въ нашей жизни, если вокругъ нея лягутъ карты, угрожающія непріятностями; впрочемъ, когда она находится въ дальнемъ разстояніи отъ особы, то можно надѣяться, что печаль минуетъ насъ, и мы будемъ наслаждаться благополучіемъ.

Караванъ

Карта, изображающая караванъ, означаетъ дальнюю дорогу, хотя сопряженную съ нѣкоторыми непріятностями, но зато совершится по нашему желанію, и обѣщаетъ счастливое окончаніе начатаго. Вообще, если эта карта близко или далеко лежитъ отъ особы, предвѣщаетъ благополучіе, котораго однако же можно достигнуть не безъ затрудненія.

Воздушный шаръ

Эта карта, находясь прямо надъ особою, предвѣщаетъ полный успѣхъ во всякомъ дѣлѣ, задуманномъ съ доброю цѣлью; находясь сбоку, представляетъ нѣкоторыя препятствія, которыя будутъ преодолены, а снизу предсказываетъ, чтобы мы были осторожными къ окружающимъ насъ особамъ, которыя, стараясь показать намъ безкорыстное участіе, желаютъ только выпытать задуман-

ное нами и воспользоваться нашею тайною. Тутъ должно помнить, что излишняя откровенность часто бываетъ намъ во вредъ.

Рѣка

Означаетъ счастіе, богатство и успѣхъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, если лежитъ надъ картою или сбоку Гишпанца, а если надъ Амазонкой, то счастливое и скорое замужество; если находится вдали или внизу отъ особы, то почти всегда предвѣщаетъ какую-либо потерю, происходящую отъ неожиданныхъ случаевъ.

Стрѣлокъ изъ лука

Если стрѣла, направленная изъ лука, обращена къ особѣ, то означаетъ благополучное достиженіе цѣли въ давно задуманномъ предпріятіи; если же она находится на противоположной сторонѣ, то представляетъ различныя препятствія, которыя можно разрушить, вооружившись непоколебимымъ терпѣніемъ, твердою волею и мужествомъ.

Тигръ

Карта эта означаетъ несчастіе, которое бываетъ большее или меньшее, смотря по разстоянію отъ особы: вблизи угрожаетъ измѣною, коварствомъ, неблагодарностью отъ людей, обязанныхъ намъ признательностью; вдали служитъ предвѣстницею домашняго несогласія, которое однако же скоро прекратится.

Филинъ

Эта карта почитается дурной предвѣстницей, впрочемъ, въ дальнемъ разстояніи отъ особы, означаетъ, что бѣда, угрожающая намъ, пройдетъ благополучно и для насъ снова настанутъ спокойные и свѣтлые дни.

Вѣнокъ

Для брачныхъ предвѣщаетъ соединеніе брачными узами съ любимою особою, для пожилыхъ — безмятежную и пріятную жизнь посреди цвѣтущаго семейства, а также увѣряетъ въ искреннемъ расположеніи особъ, окружающихъ насъ.

Пушка

Означаетъ радостное событіе въ нашей жизни, а также преодолѣніе большихъ опасностей и торжество надъ коварными замыслами тѣхъ людей, которые завидовали намъ и старались повредить въ мнѣніи другихъ своими неблагонамѣренными наговорами.

Волкъ

Вмѣстѣ съ этой картою соединяется предвѣщаніе о тяжкой болѣзни, домашнихъ хлопотахъ, продолжительной разлукѣ съ близкими намъ особами и враждебныхъ намѣреніяхъ со стороны нашихъ непріятелей; по мѣрѣ разстоянія отъ особы всѣ эти непріятности уменьшаются.

Павлинъ

Означаетъ пышность и почести иногда незаслуженныя, а также намѣреніе выказать себя передъ другими, хотя это не принесетъ намъ никакой пользы и даже подвергнетъ насмѣшкамъ. Если карта лежитъ надъ головою или сбоку отъ особы, то обѣщаетъ полученіе наслѣдства, или какое дѣло, которое должно принести намъ хорошую выгоду.

Бабочка

Предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ большой довѣрчивости къ людямъ, которые много обѣщаютъ, потому

что обѣщанія ихъ несбыточны; эта карта совѣтуетъ намъ отказаться отъ предпріятій, привлекающихъ насъ своимъ ложнымъ блескомъ и впослѣдствіи заставляющихъ насъ сожалѣть о томъ, что всѣ наши старанія были напрасны.

Хамелеонъ

Самое изображеніе карты показываетъ, что мы окружены лицемѣрными людьми, въ отношеніи къ которымъ мы должны быть осторожны, чтобы не вмѣшаться въ какое-либо непріятное дѣло. Если она лежитъ далеко отъ особы, то означаетъ, что вредъ, замышляемый противъ насъ другими, останется недѣйствительнымъ, и что мы избавимся отъ многихъ опасностей, готовившихся обрушиться надъ нами. Во всякомъ случаѣ эта карта причисляется къ несчастнымъ, если лежитъ вблизи отъ особы.

Слонъ

Означаетъ, что настойчивостью и твердостью нашего характера мы достигнемъ того, чего желаемъ. Если эта карта находится надъ головою особы или сбоку, то предвѣщаетъ почести, повышеніе въ чинѣ и могущественнаго покровителя; для женскаго пола она означаетъ согласіе родителей на бракъ съ человѣкомъ, котораго избрало сердце.

Комета

Когда эта карта выпадетъ надъ головою особы, то предвѣщаетъ счастливую будущность; въ одномъ ряду — блестящую женитьбу, а находясь внизу, предсказываетъ печаль и неблагопріятный путь.

Орелъ

Надъ головою или сбоку означаетъ выигрышъ процесса, занятіе важной должности и спокойную жизнь, которую мы будемъ проводить, какъ бы отдыхая на лаврахъ послѣ преодоленныхъ опасностей; внизу — предвѣщаетъ удаленіе отъ насъ тѣхъ особъ, которыя по своему значительному вліянію могли бы принести намъ большую пользу.

Голубь

Въ близкомъ разстояніи служитъ радостнымъ предвѣщаніемъ, а въ дальнемъ означаетъ потерю близкаго родственника или друга; вообще тутъ надобно смотрѣть, какими картами она будетъ окружена, и поэтому выводить свои заключенія.

Водопадъ

Представляетъ намъ блестящую будущность, удаленную отъ бурь и бѣдъ житейскихъ, если только мы сами не пойдемъ наперекоръ нашей судьбѣ и будемъ спокойно наслаждаться дарами ея.

Цвѣтникъ

Предостерегаетъ насъ, чтобы мы были осторожны въ выборѣ нашихъ удовольствій и старались покорять страсти наши разсудку, въ противномъ случаѣ карта эта предсказываетъ, что мы подвергнемся большимъ непріятностямъ, которыя сами же навлечемъ на себя.

Рыцарь

Если карта лежитъ близко отъ особы, то подаетъ надежду на сильнаго друга, который будетъ для насъ не-

измѣннымъ помощникомъ и заступникомъ въ предстоящемъ намъ дѣлѣ; а если далеко, то означаетъ, что мы должны опасаться врага, который издавна питаетъ къ намъ вражду и ищетъ только случая, какъ бы повредить намъ и разстроить наше благополучіе.

Тройка

Означаетъ благополучный путь и пріятное свиданіе, если лежитъ близко отъ особы; въ дальнемъ разстояніи предсказываетъ горестное событіе, которое случится въ нашемъ семействѣ или у людей, соединенныхъ съ нами родственными или дружескими узами.

Хорекъ

Если эта карта ляжетъ близко отъ особы, то означаетъ какую-либо горестную утрату, которая въ скоромъ времени будетъ вознаграждена, или пропажу, которая отыщется: если она будетъ далеко, то отнимаетъ всякую надежду на возвращеніе потеряннаго.

Знамена

Въ ближнемъ разстояніи эта карта предвѣщаетъ радость и неожиданное свиданіе съ особами, возвратившимися изъ дальняго путешествія; надъ головою прямо или рядомъ означаетъ пріобрѣтеніе почестей и извѣстности по своимъ заслугамъ; если даже она окружена несчастными картами, то предсказываетъ благополучный исходъ изъ опасности и затруднительнаго положенія.

Арфа

Означаетъ пріятное препровожденіе времени въ веселомъ обществѣ, также то, что изъясненіе нашихъ чувствъ будетъ благосклонно принято предметомъ нашей страстной привязанности.

Астрологъ

Если она находится близко отъ особы, то предсказываетъ благополучіе и успѣхъ, а далеко — грозитъ бѣдствіями, для отвращенія которыхъ мы должны заранѣе предпринимать свои мѣры.

Сфинксъ

Если эта карта находится надъ головою или сбоку, то предвѣщаетъ, что во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ будетъ какъ бы сопутствовать намъ незримое и высшее существо, которое избавитъ насъ отъ великихъ опасностей; если она выпадетъ внизу, въ слѣдующемъ ряду, то заставляетъ ожидать бѣдственной участи, отъ которой мы избавимся съ помощью нашихъ друзей.

Пароходъ

Поблизости отъ особы означаетъ, что дѣла наши, начавшія приходить въ упадокъ, по непредвидѣнному стеченію благопріятныхъ для насъ случаевъ, примутъ счастливый оборотъ; но въ дальнемъ разстояніи предвѣщаетъ, что мы по нашей оплошности и нерадѣнію лишимся большихъ выгодъ.

Ястребъ

Если эта карта ляжетъ прямо надъ головою, то означаетъ, что спокойствіе, которымъ мы пользуемся, вскорѣ будетъ прекращено какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ, которое разразится надъ нами; въ дальнемъ разстояніи предзнаменуетъ, что мы нашимъ благоразуміемъ предостережемъ себя отъ опасности.

Тюльпанъ

Означаетъ, что черезъ гордость нашу и неуступчивость мы нанесемъ себѣ большой вредъ, отъ котораго

однако же избавимся, если, оставивъ лишнюю самонадѣянность на себя, обратимся съ искреннимъ чувствомъ къ тѣмъ людямъ, которые безкорыстно желаютъ намъ всякаго благополучія. Тюльпанъ есть также эмблема гордой и надменной красавицы, которая въ будущемъ не обѣщаетъ намъ счастья, а также честолюбиваго мужчины, которому чуждо семейное благополучіе.

Маякъ

Если онъ вблизи освѣщаетъ своими лучами, то предзнаменуетъ благополучный путь и означаетъ, что мы удачно выпутаемся изъ затруднительныхъ обстоятельствъ; въ дальнемъ разстояніи онъ служитъ предвѣстникомъ, что впереди на жизненномъ пути еще не одна бѣда ожидаетъ насъ.

Левъ

Предвѣщаетъ сильную защиту въ трудномъ дѣлѣ и исполненіе просьбы, съ которою по обстоятельствамъ нашимъ придется обратиться намъ къ лицу, могущему имѣть вліяніе на перемѣну судьбы нашей къ лучшему. Эта карта всегда служитъ эмблемою мужества, неустрашимости и вообще тѣхъ качествъ, какими отличается изображаемое на ней животное.

Шлемъ

Находясь надъ головою особы, означаетъ, что въ борьбѣ съ различными обстоятельствами въ жизни мы останемся побѣдителями и, наконецъ, достигнемъ того, что было издавна предметомъ нашихъ желаній и надеждъ; дальнее разстояніе предвѣщаетъ, что по нашему малодушію и робости характера мы испытаемъ большія превратности въ нашей судьбѣ.

Фазанъ

Эта птица, обладающая красивѣйшими перьями и непріятнымъ голосомъ, означаетъ, что много блестящихъ случаевъ будетъ намъ представляться въ жизни, но мы не сумѣемъ воспользоваться ими по небрежности нашей или по другимъ причинамъ.

Гишпанецъ

Амазонка

1916 г.

Странникъ

пророчественное

Года три назадъ въ воскресенье послѣ обѣдни пришелъ ко мнѣ старикъ. Онъ едва добрался по коридору до моей комнаты: ноги ему плохо служили. Зимой было, и отъ морозу на сосѣднемъ дворѣ изъ прачешной такими вотъ клубами дымъ валилъ, словно пожаръ, а старикъ стоялъ налегкѣ, — такъ пальтишко ужъ такъ ношенно, что, пожалуй, развѣ что паутина крѣпче, и сапоги . . . отъ подошвы, поди, и званія не осталось, очень все не къ порѣ.

— Съ ногъ простылъ, свѣжо! — все поминалъ старикъ въ разговорѣ: видно было, какъ его всего трясло.

Отъ чаю онъ отказался, — мѣлку бы ему, больше ничего.

— Такъ кусочекъ, если найдется, а нѣтъ, и такъ ничего . . .

Глядючи, сердце болѣло отъ этой нищеты ужасной.

Старикъ мнѣ тогда икону принесъ — Крылатаго Предтечу. Не для продажи — иконы нельзя продавать, а на обмѣнъ, обмѣнивать можно и даже на деньги. Я оставилъ у себя икону, и мѣлъ у меня нашелся, и ушелъ отъ меня старикъ будто и бодрѣе: на сапоги ему хватитъ!

А жилъ онъ тутъ недалеко, на 9-ой Рождественской: тамъ норы есть такія, такъ въ норѣ такой уголъ снималъ

онъ, тамъ и грѣлся. Господи, въ норахъ-то этихъ ... и какъ это люди живутъ? И какъ это мы жить можемъ, не въ норахъ-то? Шелъ я недавно по Морской вечеромъ и думалъ и думалъ, — или ужъ и слова какого нѣтъ, чтобы хоть всколыбнуть человѣческое сердце?

Да, этотъ самый старикъ Павелъ Силантьевичъ, Павелъ Силантьевичемъ старика звали, — и еще разъ заходилъ ко мнѣ. На Крещенье пришелъ послѣ обѣдни и все тотъ же, и опять съ иконой, — Михаила Архангела образъ: богатая была икона, да Павелъ Силантьевичъ согрѣшилъ, больно ужъ прочистилъ.

— Согрѣшилъ, — каялся старикъ, — тутъ вотъ личико было, а тутъ вотъ мечъ ...

Одно знаменіе осталось по золотой землѣ, да коекакіе цвѣтные кусочки, — икону я не взялъ. Такъ посидѣли, о всякихъ тайностяхъ вели разговоръ. По веснѣ собирался старикъ на родину, въ Сольвычегодскъ: тамъ у него кладъ какой-то на примѣтѣ. Обѣщалъ зайти проститься.

И пропалъ.

Былъ кое-кто изъ Сольвычегодска, хотѣлъ я справиться, да фамиліи-то не знаю.

Такъ старикъ и пропалъ.

И вотъ на дняхъ позднимъ вечеромъ сижу я такъ, съ одной думой о землѣ нашей русской, — о страдѣ ея. И вижу — Павелъ Силантьевичъ.

— Павелъ Силантьевичъ, — говорю, — вотъ Богъ-то послалъ!

Ну, тотъ же самый и въ своемъ пальтишкѣ истертомъ и словно сапоги тѣ же, только отчетливѣе весь при свѣтѣ, да борода зеленѣй.

О чемъ же нынче, какъ не объ одномъ, о единой нашей думѣ, — о землѣ русской, о страдѣ ея.

— Какъ Богъ дастъ! — въ отвѣтъ подавалъ старикъ слово на всякіе мои вопросы.

Разсказалъ онъ мнѣ о Бѣлой Криницѣ, гдѣ по нашимъ церквамъ колокольный звонъ запрещенъ, и какъ подъ Воздвиженье юродивый за всеношной, когда вынесли крестъ, ударилъ въ колоколъ — подалъ вѣсть изъ Дольной Руси въ Великую Россію.

— И до сей поры по Карпатамъ звонъ идетъ и на Москвѣ до сей поры слышенъ: какъ ночь, на Рогожскомъ слышатъ... А вотъ я вамъ покажу, пророчество, — Павелъ Силантьевичъ вынулъ изъ кармана сложенный, какъ прошеніе складываютъ, листъ пожелтѣвшей бумаги, — вотъ читайте, написано объ Англіи и Россіи и о всемъ мірѣ...

Письмо исъ Шотландіи въ Россію.

Его Сіятѣльству князю Голицыну, президенту Библѣйскаго Общества въ Пѣтѣрбурхѣ въ Россіи, отъ Анны баронессы Карнейзиль въ Нордъ-Британіи.

20-го Августа 1814 года.

Милостивый Государь!

Перѣводъ съ анъглицкаго.

Хотя я принадлежу къ слабому полу, изъ числа такихъ, коимъ святое Провиденіе опрѣделило ниский жребій въ мире, однако жь, я въсѣуниженно прося прощенія у Вашего Сіятельства въ томъ, осмѣливаюсь писать толь высокаго званія. Нечаянно попался мнѣ въ руки девятый отъчетъ Велико-Британъскаго и иностраннаго Библейскаго общества, въ нѣмъ прочла я имя Ваше, яко прези-

дента Библейскаго общества въ Питеръбурхѣ, и душа моя исполнилась хвалы и благодарѣнія ко Всемогущему Творцу, въ Его же руце сердца въсехъ человѣковъ, и къ Вамъ, яко благотворящему потъ Божіимъ смотрѣніемъ, такъ, что я того изъяснить не могу. Никакіе военные подъвиги, которые, и по всѣй справедливости, доставили почетныя титла героямъ нашего времѣни, нѣ сравняются никогда съ тѣмъ, что здѣлано для способствованія къ приближенію царства Спасителѣва и для спасенія бессмертныхъ душь, — въремя въ быстромъ теченіи своемъ скоро изгладитъ техъ пышныя титлы, кои възяты только отъ зѣмли, и ихъ славнешія деянія погребутся навсегда въ забвеніи, естьли они не имутъ чести, яже приходитъ свыше, и естьли имена ихъ не суть написаны въ книгѣ животной Агнца; между темъ, какъ въ память вечную будетъ правѣдникъ и обращающій многихъ на путь правды просвѣтятся, аки звѣзды, во вѣки.

Я читала также с некоторымъ восторгомъ указъ великаго и добраго Алѣксандра, утверждающій учрѣжденіе Общества Вашего, и то, что онъ пожелалъ быть самъ члѣномъ онаго, сіе привело мне на память божественное правозвестіе о церкви языковъ „и будутъ царіе кормители твои“ (Ісаія, 49 с. 23). Онъ, конечно, нисколько нѣ уронитъ величія своего, потъдержівая толь похвальное претъпріятіе. Соломонъ, о коемъ сказано, что онъ „возвѣличился паче всѣхъ царѣй зѣмныхъ и богатствомъ и смысломъ“ (3 цар. 10. — 23), не считалъ за нискасое для своего сана созидать храмъ и иметь о томъ попеченіе, онъ стоялъ на колѣняхъ, и молился предъ всемъ соборомъ израилевымъ прі освященіи храма. Естьли же позволено мнѣ будетъ изъяснить смирѣнное мненіе мое, я сказала бы, что просвещати омраченныя племѣна, во тмѣ и сени смертей седящія, светомъ божественнаго отъкровенія, которое показуетъ имъ путь ко спасенію, есть дело уважитѣльнейшее даже и созиданія Храма Ерусалимскаго, ибо естѣственнаго права и сему священному зданію не име-

етъ никто другой, кроме племени израилева, но то определяется для блага въсехъ языковъ и людей и племенъ и кажется приводящимъ великому событію, — „когда наполнится вся земля вѣденія Господня, аки вода многа покрыетъ море“ (Ісаія 11.—9).

Происшествія, совершившіяся в наши дъни, суть таковы, что оныя могли токмо быть произведены Духомъ и ревностію Господа Силъ. Единодушіе и единство чувства, являющіися между христианами столь различныхъ исповеданій и отдаленіи предърассудковъ, отягощающихъ умы толь многихъ даже и въ нашемъ отѣчестве, не говоря о другихъ нацыяхъ, ис коихъ некоторыя и менее просвѣщены, есть дело Духа Господня. Оно кажется знаменуетъ уже приближеніе того блаженнаго времени, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь. Что по сіе время здѣлано уже посредъствомъ силъ похвальныхъ предъпріятій, почлось бы невозможнымъ за малое число лѣтъ назадъ. Но очищающій пути отъ въсехъ препятствій, которые предъставлялись непреодолимыми для силы человеческой, подобятся совершенію другаго обстованія въ словѣ Божіемъ: „положу въсяку гору въ путь, и въсяку стезю въ паству имъ“ (Ісаія 49.—11). Победы, недавно одержанныя союзными арміями, зрятся якобы отъвѣтомъ псалмопѣвцу на пророческое его молѣніе: „запрети звѣрѣмъ тростнымъ . . . расточи языки, хотящія бранемъ“ (Псало. 67.—31).

Ныне покаряются въсе, каждый приноситъ свои златницы и лѣпты на разрушеніе сатанинъскова господствованія и на приближеніе и устроеніе царства Спаситѣлева на развалинахъ онаго, для сего слово Господнѣ, сопровождаемое силою Духа Его, есть само действительное орудіе. Хотя тьма покрываетъ еще теперь болшую часть земли и густая мгла лежитъ на народѣ, однако, чрезъ разпространеніе между онымъ слова спасенія, возъзывается въсякъ да свѣтится, — „пріиде бо твой светъ и слава Господня на тѣбе возсія“ (Ісаія60.—1).

Вашъ Императоръ, коего снисходительное и милостивое обращеніе соделало имя его любезнымъ, по крайней мере, на целой половинѣ обитаемой поверхности шара зѣмнаго, еще вящшую пріобрелъ к своему имени любовь, поместя оное между подписавшимися для толь божественнаго завѣденія, — въ семъ видимъ мы исполненіе другой части древняго пророчества: „и пойдутъ царіе светомъ Твоимъ, и языцы светлостію Твоею“ — „и царіе ихъ предстояти будутъ Тебѣ“. (Ісаія 60.—3 и 10-й).

Когда Ваше Сіятельство позволили уже мне столь изъяснится пред Вами, то позволте добавить и еще следующее: продолжайте дело Ваше о имени Божіимъ и не ослабевайте въ начатыхъ усиліяхъ разливать светъ жизни по местамъ мрака на земли и по обиталищамъ нечестія и неправды. Каждый ис сочленовъ Общества Вашего да ощутитъ надъ собственною душею своею спаситѣлное действіе Слова Божія, да даруетъ Вамъ Богъ приверженность ко Спасителю и къ Божественной Его правде, которая есть разумъ и конъчина всехъ обетованій, заключающая в сей благословенной книге Библіи. Сіи-то дары, неразрывно звязанные со славою Бога и спасеніемъ душь, соделываютъ времена наши поистине временами благопріятными. Облачко, не более какъ въ человеческую руку величиною, появившуюся при учрежденіи перваго Библейскаго общества, распространилось тѣперь по всемъ небесамъ, и мы слышимъ шумъ отъ изобилнаго дождя, снисходящаго изъ облакъ обѣтованія церкви языковъ, коея часть составляютъ Великобританія и Россія, ибо такъ изрекъ Господь о нашемъ возлюбленнамъ Спаситѣле: „Азъ Господь Богъ призвахъ тя в правде, и удержу за руку твою и укреплю тя“, — „се дах тя в заветъ рода, во светъ языковъ, еже быти тѣбе во спасеніе, даже до послѣднихъ земли“ (Ісаія 42.—6; 49.—6). Какой изобилной рядъ успеховъ представляется Вамъ не толко по божѣственнымъ обетованіямъ, но и по упованію на промыслъ Божій, дѣйстви-

тельно тотъ самъ, о коемъ пророкъ говоритъ, — „исходитъ просеченіемъ пред лицѣмъ вашим“, Вы уже точно „просѣкли и прошли врата и изошли ими“, „и изыдѣ царь вашъ пред лицемъ вашимъ, Господь же вождь вашъ есть“ (Михея 2.—13). Онъ бесъ сумненія вознаградитъ труды Ваши обилною жатвою, тогда-то Вы возрадуетесь, „взѣмающе, рукоятія своя“ (Псало. 125.—6), и вся земля да исполнится славы Его. Аминь. Аминь.

★

— Прочитай еще третію Ездры о знаменіяхъ! — сказалъ Павелъ Силантьевичъ и, бережно сложивъ свое письмо пророческое объ Англіи, сталъ прощаться: дастъ Богъ, скоро и опять заглянетъ, не такое время, чтобы искать клады!

И когда старикъ ушелъ, я взялъ Библію и вотъ что прочиталъ я о знаменіяхъ:

Вотъ настанутъ дни, въ которые многіе изъ живущихъ на землѣ, обладающіе вѣдѣніемъ, будутъ восхищены, и путь истины сокроется, и вселенная оскудѣетъ вѣрою,

И умножится неправда, которую ты теперь видишь и о которой издавна слышалъ,

И будетъ, что страна, которую ты теперь видишь господствующею, подвергнется опустошенію.

А если Всевышній дастъ тебѣ дожить, то увидишь, что послѣ третьей трубы внезапно возсіяетъ среди ночи солнце и луна трижды въ день;

И съ дерева будетъ капать кровь, камень дастъ голосъ свой, и народы поколеблются.

Тогда будетъ царствовать тотъ, котораго живущіе на землѣ не ожидаютъ, и птицы перелетятъ на другія мѣста.

Море Содомское извергнетъ рыбы, будетъ издавать ночью голосъ, невѣдомый для многихъ; однако же всѣ услышатъ голосъ его.

Будетъ смятеніе во многихъ мѣстахъ, часто будетъ посылаемъ съ неба огонь; дикіе звѣри перемѣнятъ мѣста свои, и нечистыя женщины будутъ рождать чудовищъ.

Сладкія воды сдѣлаются солеными, и всѣ друзья ополчатся другъ противъ друга; тогда сокроется умъ, и разумъ удалится въ свое хранилище.

Многіе будутъ искать его, но не найдутъ, и умножится на землѣ неправда и невоздержаніе.

Одна область будетъ спрашивать другую сосѣднюю: не проходила ли по тебѣ правда, дѣлающая праведнымъ? И та скажетъ: нѣтъ.

1914 г.

Оракулъ

географическое

Учителемъ моимъ географіи былъ знаменитый географъ Сергѣй Павловичъ Мечъ. Въ первый же урокъ въ первомъ классѣ объявилъ онъ намъ, что учебника никакого не надо, а будемъ учиться т а к ъ.

И правда, всѣ пять лѣтъ мы и въ глаза не видали учебника, всѣ пять лѣтъ слушали мы разсказы Сергѣя Павловича о его путешествіяхъ, — а куда только нога его ни захаживала, въ какія царства, въ какія государства! — и если не знали мы программныхъ подробностей о заливахъ и бухтахъ, за то на всю жизнь остались незабываемы увлекательныя исторіи. И я, въ путешествіяхъ моихъ по бѣлому свѣту не разъ вспомянулъ добромъ наши уроки географіи.

Конечно, разсказы о путешествіяхъ и сами путешествія научаютъ лучше всякаго учебника, за который охотно возьмешься, коли надобность случится поразобраться, куда путь лежитъ. А въ наше время — война: какихъ только городовъ и мѣстечекъ не узнали мы нынче, подъ бокомъ у насъ лежащихъ, а о которыхъ и слыхомъ не слыхивали, ну, война, что бѣда, всему научитъ, и географіи, и не тому еще, — дурака-то валять, видно, конецъ пришелъ!

* *
*

Передо мной рукописная „Сокращенная Географія“ 1780 года — Португалія, Испанія, Франція, Германія, Польша, Герцогство Курляндія, Пруссія, Данія, Швеція, Великобританія, Италія. Изложена географія вопросникомъ и изъ всѣхъ замѣчательныхъ свѣдѣній о границахъ, рѣкахъ, знатнѣйшихъ городахъ, климатѣ, правленіи, доходахъ, языкѣ, вѣрѣ и силѣ („Войско короля португальскаго, по извѣстіямъ, не составляетъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, и думаютъ, что онъ можетъ содержать только тридцать военныхъ кораблей“), самое замѣчательное о нравахъ: какіе нравы?

Приведу эти отвѣты, ровно откуда изъ Оракула взятые, — птичка вынула:

★

Португальцы суть медлительны въ своихъ дѣлахъ, задумчивы, суевѣрны въ законѣ, склонны къ лихоимству и обману.

Испанцы суть умѣренны и трезвы, выключая только простой народъ. Также постоянны, искренны, глубокомысленны, горды, тщеславны, лѣнивы и сребролюбивы.

Французы суть великодушны, учтивы, разумны, къ чужестраннымъ пріятны, видъ имѣютъ веселой, поступки свободные, добрые воины, упражняются въ наукахъ и художествахъ съ великимъ успѣхомъ.

Германцы суть искренны, трудолюбивы, сильны, храбры, искусны въ наукахъ, художествахъ и рукодѣліяхъ, сдѣлали многіе преизрядные изобрѣтенія и имѣютъ къ путешествованію склонность.

Поляки суть учтивы, храбры, ревнительны къ вольности, собою велики и крѣпки. Крестьяне польскіе очень бѣдны и грубы. Дворяне имѣютъ власть надъ жизнію и смертію крестьянъ своихъ и любятъ роскошь.

Шведы лицемъ бѣлы и пригожи, росту посредственнаго, сильны, храбры и обходительны.

Англичане суть храбры и проворны и имѣютъ разумъ высокой, острой и способной къ великимъ наукамъ, но суть печальнаго и невеселаго нрава. Шотландцы сильны и храбры на войнахъ, учтивы и простосердечны, выключая тѣхъ, кои живутъ на горахъ къ сѣверу, сіи почитаются грубыми. Ирландцы любятъ чрезмѣрно музыку и охоту, въ протчемъ они храбры, сильны, благосклонны и великодушны.

Итальянцы суть остроумные и искусные политики, они славны въ художествахъ, а особливо въ музыкѣ и въ театральныхъ сочиненіяхъ.

★

А училась этой чудеснѣйшей географіи троюродная пробабушка нашего Дмитрія Владимировича Философова и кавалера обезьяньяго знака профессора Евгенія Васильевича Аничкова, П а л а г е я А л е к с ѣ е в н а Б а р ы к о в а, въ замужествѣ Ф и л о с о ф о в а за инженеръ-капитаномъ Иларіономъ Никитичемъ Философовымъ, — „Сокращенная географія Д. Палагѣя Барыкова 1780 года.“

Палагѣя Алексѣевна, чьи чувствительныя письма всегда читались со слезами — живой портретъ Шарлоты Грандисона*) по словамъ ея братьевъ Степана и Василія

*) Романъ англійскаго писателя Ричардсона (1689—1761) „Чарльзъ Грандиссонъ“ (1754 г.)

Алексѣевичей, „Безподобная Полюшка", прожившая жизнь съ дѣтьми и родственниками*) въ философовскомъ новоладожскомъ Загвоздьѣ, помянула ли она, хоть когда-нибудь, свою географію, надъ которой глазки портила, или позабыла ее, какъ хронологію, тоже рукописную, отъ которой сохранился лишь заглавный листъ, ея собственной рукой разрисованный: въ рамкѣ съ голубыми цвѣточками тончайшее кружево — Cahier de Chronologie fait par P. Barikoff. L'annêe 1780.

Письмо присутствующаго въ Придворной Ея Императорскаго Величества Конюшенной Конторѣ подполковника Василія Алексѣевича Барыкова относится ко времени пріѣзда въ Петербургъ Суворова изъ взятой имъ Варшавы и помолвки великаго князя Константина Павловича съ герцогиней Саксенъ-Кобургской Анной. Упоминаемая Анна Никитишна Философова, въ замужествѣ Маклакова, сестра Иларіона Никитича Философова, жившая съ ними въ Загвоздьѣ; Степанъ Алексѣевичъ Барыковъ, братъ В. А., участникъ польскаго похода, Катерина Алексѣевна, въ замужествѣ Мельгунова, и Лизанька (Елизавета Алексѣевна) — сестры В. А., Елизаветъ (Елизавета Ѳедоровна) жена В. А., Афоничка и Пашенька — ихъ дѣти. „Кукушки" — Наталья и Катерина Иларіоновны Философовы, близнецы.

*) У Философовыхъ воспитывалась бабушка Аріадны Владиміровны Тырковой Татьяна Яковлевна Ивкова, въ замужествѣ Тыркова за Алексѣемъ Дмитріевичемъ Тырковымъ, дочь Александры Никитишны Ивковой, урожденной Философовой.

**Отъ 5 ноября
1795 года
изъ Петербурга.**

Любезныя мои и сердечныя друзья,
братъ и сестра!

Благодарю, мои милыя, за ваше письмо, а паче всего за подтвержденіе обѣщанія пріѣхать къ намъ, желаю отъ всего сердца видѣть событіе онаго въ непродолжительномъ времяни. Вы въ Петербургѣ, навѣрное, проведетѣ хорошо свое время, ибо въ предметѣ вашемъ инаго не будетъ, какъ сыскивать себѣ удовольствіе, будучи чужды отъ всѣхъ заботъ, съ должностію связанныхъ. Я такъ думаю, что человѣку съ свободными мыслями нетъ пріятнѣе мѣста, какъ здѣсь, а притомъ еще сочтите и то за что-нибудь, что намъ вы пріѣздомъ своимъ милость здѣлаете. Мнѣ, право, уже наскучило не знать своихъ родныхъ, я на васъ, (право), не имѣлъ времяни и наглядѣться, а какъ я, человѣкъ такой, (что) коего судьба не отъ собственнаго своего разположенія зависитъ, то легко статся можетъ, говоря штилемъ моей любезной Полюшки, что я буду скоро за тридевять земель въ десятомъ царствѣ. Деревенскія ваши препровожденіи времяни мнѣ очинь нравятся и, когда бы я нашолъ способъ навсегда имъ предатся, какъ бы я щастливъ былъ таперь, (это) когда я всего натерпѣлся и всего наглядѣлся, это составляетъ единственное мое желаніе. Дѣти мои здоровы, кромѣ что Афонички на головѣ сыпь сдѣлалась, однако жъ, онъ веселъ, у Лазанки моей къ обыкновеннымъ ея упражненіямъ, то есть, рисованью, клевикордамъ и пяльцамъ, прибавилось еще одно, то есть, верховая ѣзда, она ѣздитъ въ Придворной Манежѣ три раза въ не-

дѣлю и удивително смѣла. Мы двухъ принцесъ Саксенъ-Кобургскихъ съ матерью проводили (во свояси) домой, а третью, меншую и прекрасную, оставили здесь своему Константину Павловичу. Имъ подарили бриліантовъ на 200.000 руб., пенсію опредѣлено обеимъ, возвратившись домой, систрамъ каждой въ годъ до замужества по 25.000 руб., денегъ дано имъ на дорогу тоже не мало. Фелдмаршала Суворова ждутъ дней черезъ десять въ Питеръ, думаютъ, что ему не весма хорошій пріемъ будетъ, ибо узнали таперь или, лутче сказать, опомнилисъ, что онъ ребятишекъ пережаловалъ такъ, что по два и по три чина въ годъ иныя получили безо всякаго разсмотренія и достоинства ихъ, что варварство, (и) убивство и опустошеніе около Варшавы дѣлали безъ всякой нужды, отъ чего войска наши несколко месяцевъ великой голодъ терпѣли, денегъ казенныхъ знатная сумма издержена теми, у кого на рукахъ была, и протчее и протчее. Но, можетъ быть, здесь пособятъ ему оправдатся и всему другой видъ дать. Степанъ нашъ слава Богу здоровъ, онъ къ вамъ пишетъ въ писмѣ Катерины Алексѣевны, которое я ей отдалъ, называя мою Полюшку Шарлотой. Поистинне даетъ онъ весма сходное съ свойствами твоими наименованіе! Я теперь читаю Грандисона и вижу въ карактерѣ Шарлоты Грандисонъ живой портретъ нашей Полюшки. Простите, мои голубчики, (и вамъ низехонко) пишите къ намъ почаще и вертѣ, что я и въ прахѣ моемъ сохраню къ вамъ истинную преданность и душевную приверженность, а притомъ я есмъ

вашъ покорнѣйшій слуга
Василій Барыковъ

Милостивой Государынѣ моей, любезной Аннѣ Никитишнѣ свидѣтелствую усердное почтеніе и цѣлую ее ручки.

★

Милія друзья сестрица и братецъ!

Приятное ваше писмо мы получили, за которое приношу мою благодарность, радуюсь и съ нетерпеніемъ ожидаю сего приятного времени, когда вы къ намъ, любезныя друзья, приедѣтѣ. Здоровы ли ваши кокошки и я такъ скажу, какъ Стіопочка ихъ называетъ? Афоничка нашъ началъ ходить и доволно крѣпко, толко голова у ево разболѣлась въ затылки, не знаю, што и дѣлать, однака-жъ, я рада, што съ нево идетъ много мокротъ, ему ето харашо, потому што сыръ. Штацъ-дама моя А. В. уволненна отъ придворной службы, чему я очень рада и не знаю, гдѣ она теперь. Пашенька смѣетца и голову держитъ, только еще не прыгаетъ, консерты вокальныи въ полъголоса пускай продолжаютца, пока вы вздумаетѣ къ намъ ехать и, приехавши, послушаитѣ италъянцовъ во весь голосъ. Приежайте, любезныя друзья, поскорѣй, мы нетерпеливо васъ желаемъ видѣть. Поцелуйтѣ за меня любезново брата Ларіона Никитича и дѣточекъ. Прощайте, мои милія, желаю вамъ всѣхъ благъ и остаюсь ваша покорная

Елисаветъ Барыкова

★

Любезная Анна Никитишна!

Нельзя ли уволнить насъ, моя милая, отъ „Милостивыхъ Государей“ и писать къ намъ по дружески. Прошу, моя милая, причислить насъ къ своимъ друзьямъ, а мы будемъ старатца заслуживать вашу дружбу, дѣти мои целуютъ ваши ручки, я же пребуду навсегда ваша покорная слуга

Елисаветъ Барыкова

★

Я позабылъ было вамъ сказать, что трупа италіанская вновь пріѣхавшихъ актіоровъ чудесная, и говорятъ старожилы петербургскія, что такой прекрасной никогда не бывало здесь: они и певцы отличныя и актіоры безъподобныя. Съ техъ поръ, какъ я ихъ услышалъ, рускія мнѣ такъ огадились, что и смотреть не хочется при всей моей страстной охотѣ. Я знаю, что братъ Ларіонъ тою же болезнію хвораетъ, какъ и я, то есть, любитъ видѣть и слышать этихъ тварей, да и Пѣлагея мая на то же похожа. Вотъ вамъ еще малинкая приманка къ Петербургу.

1916 г.

Львовая печать

клейменое

I

Безмятежно живетъ въ посадѣ Большія Соли отецъ Андрей. И домикъ у него хорошій, и семья удалась. И достатокъ кое-какой есть, слава Богу. У самого протоіерея часы томпаковые, а отцу Андрею помѣщикъ Алымовъ, что живетъ въ усадьбѣ подъ самыми Солями, подарилъ настоящіе золотые изъ Женевы — Блондель-и-Мели, чтобы службу во-время отправлять. А то жаловался отецъ Андрей, что часовъ у него нѣтъ: по пѣтуху да по звѣздамъ время считаетъ.

Важно ходитъ по своему дому батюшка, посматривая поверхъ очковъ близорукими глазами. Розовѣетъ на солнцѣ плѣшь, серебрится борода, толстая красная губа виситъ изъ-подъ усовъ.

„Слава Богу, третій сынъ ужъ пристроился. Дочь замужъ выдана. Скоро можно на покой. Выдать только младшую Лизавету, да и съ Богомъ. А женихи будутъ!“

Легко и томительно на сердцѣ; щемитъ:

„Маленькую рюмочку настойки!“

— Сердцещемительно! — говоритъ отецъ Андрей, опрокинувъ рюмку.

Обойдя кругомъ свой письменный столъ съ ящикомъ для бумагъ и письменными принадлежностями, отецъ Андрей остановилъ глаза на своихъ печатяхъ.

Двѣ печати у отца Андрея.

Одна печать, какъ у всѣхъ духовныхъ: со святымъ престоломъ и пылающимъ сердцемъ, а на престолѣ крестъ и евангеліе и надпись кругомъ:

Кн. 1, Мак. гл. 12, ст. 18.

— И нынѣ добрѣ сотворите отвѣщевающе намъ на сія.

Печать просто на желѣзѣ вырѣзана.

А рядомъ на тоненькой сердоликовой ножкѣ стоитъ другая печать, и судьба ея другая.

Самая печать серебряная —

вверху ЛЕВЪ отдыхающій,
а подо львомъ двѣ готическія литеры:
А. Р.

И сіе нужно толковать вразумительно:

— Андрей отъ Льва произошелъ дьякона —

Вотъ почему вверху и левъ. А такъ какъ отецъ Андрей нисходящій, то и литеры не надъ львомъ, а подъ львомъ.

И вспоминается отцу Андрею, какъ случайно купилъ онъ у прасола сердоликовый столбикъ, какъ потомъ торговался въ Ярославлѣ съ серебряникомъ Хольстеніусомъ за серебро — и какъ осуществился наконецъ его замыселъ.

„Хорошая печатка, а послѣ моей смерти перейдетъ къ сыну Александру. Литеры подходятъ. Хитро задумано. А Левъ родоначальникъ и ему“.

Отецъ Андрей запахнулъ подрясникъ, прошелъ въ столовую.

Тамъ, къ кипящему самовару, собрались домочадцы: іерейша — свирѣпаго вида съ преждевременно увядшимъ лицомъ; сонная, зѣвающая, круглолицая дочь — розощекая поповна Лиза, заспавшаяся до полдня.

„Не будите ее, это будущая попадья!“ — говаривалъ отецъ Андрей снохѣ, женѣ старшаго сына Александра, Любови Ивановнѣ, когда та, вставая въ шесть, тормошила золовку.

II

Живетъ отецъ Андрей по старому завѣту: въ домѣ глава онъ и только онъ, всѣ же остальные, аки рыбы безгласныя. И чаю безъ него никому не пить.

И когда еще въ дѣвицахъ жила въ домѣ старшая дочь Лидія, такъ она, рано вставая и взявъ потихоньку чашку горячаго чаю, при возгласѣ: „Батюшка идетъ!“ — не разъ совала недопитую чашку въ карманъ ситцеваго платья: обжечься — ничего, только бы не узналъ отецъ о нарушеніи его воли.

— Да, благодушенъ отецъ іерей, не то, что благодушенъ, можно сказать, мягокъ, аки воскъ пчельный, но для враговъ онъ левъ рыкающій! — выразился какъ-то пономарь Гаврилычъ.

И точно, не даромъ левъ изображенъ на серебряной іерейской печати.

И какъ разсердится, бывало, на Гаврилыча за посошекъ — любилъ пономарь выпить и не одинъ, не три, а тридцать и три посошка на дорогу, ну, языкъ себѣ и отшибалъ! — воздвигнетъ отецъ Андрей свою пирамидальную главу, сверкнетъ румяной лысиной, тряхнетъ рыжими съ просѣдью волосами, — сущая львиная грива! — и пойдетъ и пойдетъ. И по писанію и безъ писанія — своими отеческими усты.

Въ семьѣ, тамъ дрожаніе и трепетъ.

Онъ одинъ — и голова, и гласъ.

Всѣ помнятъ, какъ согрубилъ ему старшій сынъ Александръ: наперекоръ свѣтлымъ мечтаніямъ отца Андрея о преуспѣяніи сына на духовной стезѣ отвѣтилъ отказомъ.

— Безумный! развѣ отецъ пожелаетъ худа сыну? Нѣтъ, вся жизнь отца въ дѣтяхъ, всѣ заботы.

Хорошо учился Александръ въ костромской семинаріи: первый первымъ студентомъ кончилъ курсъ. Впереди московская академія и казенный коштъ, дальше постриженіе и архимандритъ. А тамъ архіерей — голова кружится.

А онъ:

— Хочу въ университетъ.

„И на кой дьяволъ, прости Господи, рядомъ въ Ярославлѣ завели Демидовскій камеральный лицей!“

И воспрянулъ сѣдой іерей:

— Не послушаешь, будь же отъ меня проклятъ! Иди отъ меня прочь, ступай своей дорогой, которая приведетъ тебя къ дьяволу — отцу лжи!

Ушелъ, исчезъ Александръ, — гордость и радость.

Прилегли, примолкли два слѣдующіе сына — Михаилъ да Василій. Да эти ужъ совсѣмъ не то. А послѣдній, Валеріанъ, такъ и совсѣмъ незадачникъ.

Вначалѣ Валеріанъ было радовалъ сердце отца могучимъ видомъ и крѣпью.

„Ну, этотъ, хоть не учась, а протодіакономъ будетъ!“ — думалъ отецъ Андрей.

Да нашла коса на камень: у великана, лѣнтяя и бездѣльника оказался пискливый мышиный голосъ. Какъ судьба-то смѣется! Какой ужъ тамъ протодіаконъ!

И съ тоской смотрѣлъ отецъ Андрей, какъ безпутный Валерка босикомъ жарилъ по крапивѣ.

За великовозрастіе и полную неуспѣшность былъ уволенъ изъ третьяго класса духовнаго училища Василій, затѣмъ, изъ перваго класса семинаріи — Михаилъ, а Валеріанъ дальше инѳимы не пошелъ.

Старшій взбунтовался, а младшіе не удались.

III

Проклялъ отецъ Андрей старшаго сына, и съ проклятіемъ все пошло прахомъ. И ужъ львовая серебряная печать не приносила его душѣ умиреніе, не располагала и настойка, напротивъ, съ каждой рюмкой переполняла горечью сердце, и сердце, ожесточаясь, выкрикивало проклятія — никому — судьбѣ проклятой.

Стараніемъ отца Андрея пристроился Михаилъ въ казенной палатѣ регистраторомъ, а Василія взялъ къ себѣ архимандритъ Игнатій, настоятель Николо-Бабаевскаго монастыря.

Архимандритъ, потомъ епископъ Игнатій, былъ замѣчательной жизни: инженеръ при Николаѣ Павловичѣ, вдохновенный монахъ-аскетъ, уменъ, краснорѣчивъ и даровитъ.

Молодой Василій сразу очутился въ компаніи челяди, окружавшей уже дряхлаго архимандрита. Среди всей этой безполезной монастырской дворни была своя жизнь, свои интересы, чуждые монашескимъ побужденіямъ. Тутъ было и веселье, была и выпивка. Добродушный старецъ ничего этого не зналъ и даже представить себѣ не могъ, что творится въ монастырѣ.

Бойкій подростокъ, лѣнивый и мечтательный, надломленный съ дѣтства фантазеръ, любилъ красно говорить. И умѣлъ говорить. Фантазія его была неудержима. И доживая свои послѣдніе дни въ Петербургѣ — въ Петербургѣ послѣ монастыря служилъ онъ въ главномъ почтамтѣ — едва живой, съ чахоточнымъ хрипомъ разсказывалъ сыну Володѣ удивительныя сказки.

Безрадостна была его жизнь. Жена у корыта въ убогой комнатенкѣ въ Чекушахъ — Чекуши около Шкиперскаго протока у насъ на Васильевскомъ островѣ — самъ на дощатой кровати: лѣвый бокъ болитъ невыносимо, рука тянется къ рюмкѣ. А сказки вьются, и одна другой огненнѣй застилаютъ отъ глазъ сырые, клопиные обои.

Опять братъ Александръ прислалъ гнѣвное письмо: пишетъ, что не будетъ присылать денегъ, не желаетъ содержать пьяницъ.

IV

Жестокъ и тяжелъ Александръ.

Въ отца Андрея пошелъ, въ батюшку. Нѣтъ, хуже. Тотъ хоть семитравника выпьетъ, смягчится, а этотъ — гроза ходячая, какъ говаривалъ про него діаконъ Димитрій Горитскій, мужъ старшей сестры Лидіи.

А судьба Александра тоже не милостивая.

Вотъ она какая печать львовая!

Выгнанный отцомъ, маялся Александръ въ Демидовскомъ лицеѣ. Учился хорошо, но изъ страха съ голоду помереть, вышелъ, не кончивъ послѣдняго курса, и поступилъ въ Уголовную палату писцомъ. Усидчивость же, здоровье и плебейская гордость сломали все: черезъ три года онъ былъ назначенъ безъ всякой протекціи стряпчимъ за дѣловитость и честность въ костромской Солигаличъ. А изъ Солигалича переманили его въ акцизное вѣдомство, и пошелъ онъ по чиновной дорогѣ ровными и твердыми шагами.

Требовательный къ себѣ, Александръ Андреевичъ былъ жестокъ ко всѣмъ окружающимъ. Рука его жестоко давила подчиненныхъ. Жалости онъ не зналъ — никому никакого снисхожденія. Всѣхъ давилъ онъ одинаково, давилъ и единственнаго сына. Ласка и нѣжность были не сродны суровой и жестокой его душѣ. Единственно питалъ онъ слабость къ смѣлости, твердости и трудолюбію, а всѣ эти качества были несвойственны его подчиненнымъ.

Да и гдѣ они среди насъ, русскихъ, — ухарей, дрябылей и лѣнтяевъ — смѣлость, твердость и трудолюбіе?

Александръ Андреевичъ былъ петрова закала.

И блѣдный мечтательный сынъ его Иванъ, больной и молчаливый, пугался отца до обмороковъ и дѣлался при немъ вдругъ тупымъ и неповоротливымъ; а какъ бойко разсказывалъ онъ, охвативъ шею матери и глядя въ васильковые глаза ея, все — и про гимназію, про учителей и про чудесныя путешествія изъ прочитанныхъ книгъ.

Отецъ уходилъ, замкнутый и холодный, къ себѣ въ свой кабинетъ и усаживался на долгіе часы за свой большой столъ краснаго дерева. Тутъ онъ царилъ. Счеты, счета, сложнѣйшая техника бухгалтеріи — его миръ. Онъ находилъ ошибки въ петербургскихъ отчетахъ и не разъ возбуждалъ изъ костромской глуши переписку съ департаментами. Управляющіе гордились своимъ бухгалтеромъ. А изъ-за признанія его авторитета онъ сдѣлался придирчивымъ и брюзгливымъ: и если начальникъ не унижался передъ нимъ — это его уже оскорбляло. Онъ привыкъ, чтобы надъ нимъ не было никакого начальства, а онъ самъ былъ бы надъ всѣми начальникъ.

Для него оставалось въ жизни только одно это акцизное дѣло и больше ничего, все другое пропало.

Любящая жена? Но и Любовь Ивановна не вынесла его жестокости, глубоко замкнулась и молча отошла.

И если что еще было между ними, это борьба за сына.

Самолюбивый Александръ Андреевичъ не допустилъ этой борьбы и самъ оттолкнулъ сына.

Мать торжествовала: сынъ — ея нераздѣльно.

И влюбленная въ сына, повѣренная радости его и горя, всего житейскаго его пути, участница всѣхъ отроческихъ его мечтаній и надеждъ, съ мстительностью чисто женской, она внушала ему жесточайшую ненависть къ жестокому отцовскому роду и старалась развить другія — и опять же не наши — рыцарскія чувства.

Кромѣ дѣла все пропало для Александра Андреевича — и жена и сынъ. А если отнять дѣло, что тогда? Тогда смерть. Это и былъ послѣдній его путь и единственный.

V

Гнѣздо Большесольское пустѣло съ каждымъ отлетомъ птенцовъ.

Осталась одна только Лиза.

По стариннымъ обычаямъ іерейскимъ за ней надлежало оставить приходъ, и старикъ долженъ былъ лишиться своего пріюта.

Женихъ вскорѣ нагрянулъ: высокій, блѣдный семинаристъ, съ розовыми чахоточными пятнами на щекахъ — Петръ Степановичъ Троицкій.

Понравился женихъ будущему тестю, ну, а о согласіи невѣсты въ то время не спрашивали. Лиза нашла свою судьбу.

Отецъ Андрей продалъ въ церковь свой приходскій домъ и покинулъ родное гнѣздо. А хозяйничать стали молодые: попъ съ попадьей.

Накопленіе шло своимъ чередомъ.

А вдругъ опять грѣхъ.

Или ужъ такая эта львовая печать?

Какъ-то передъ Рождествомъ среди хлопотъ молодая попадья, засуетившись въ безтолковой вознѣ по хозяйству, забыла закрыть подвалъ въ столовой, а было темно. Нѣсколько невѣрныхъ шаговъ — и отецъ Петръ съ грохотомъ покатился въ подвалъ.

Начались вскрики и оханье, побѣжали въ поповскую богадѣльню за фельдшеромъ Кузьмичемъ.

Кузьмичъ и началъ лѣчить разбившагося попа. И выздоровѣлъ отецъ Петръ, но по веснѣ закашлялъ кровью. А послѣ Пасхи молодая вдова - попадья поѣхала въ Кострому къ старшей сестрѣ къ дьяконицѣ, у которой о ту пору доживалъ свои дни отецъ Андрей.

Съ каждымъ годомъ становился отецъ Андрей все сварливѣй и неуживчивѣй. Съ дьякономъ Горитскимъ окончательно разсорился изъ-за богородичныхъ праздниковъ и заклялся, что больше никогда не увидитъ дьякона.

Наняли отдѣльную квартиру, и отецъ Андрей поселился съ вдовой Лизой.

Старикъ осунулся, одряхлѣлъ — все-таки, какой никакой, а безъ дьякона скучно! — сталъ прихваривать. Слабость заставила его перейти въ Костромскую богадѣльню, а потомъ переѣхать опять на родину въ Большія Соли, но ужъ не въ свое гнѣздо насиженное, а въ поповскую богадѣльню. Ему, старожилу, предоставили всѣ удобства, и докторъ Курочкинъ вмѣстѣ съ фельдшеромъ Карасиковымъ усердно за нимъ ухаживали.

И вотъ ослѣпъ старикъ и не могъ ужъ двигаться безъ посторонней помощи.

Къ его смерти едва успѣлъ пріѣхать изъ Ярославля Александръ Андреевичъ, другихъ родныхъ никого не было.

Такъ и кончилъ отецъ Андрей дни свои, оставивъ двѣ печати: обыкновенную желѣзную и другую серебряную со львомъ отдыхающимъ, да еще пуховую подушку со смертнаго одра, все внуку своему Ивану Александровичу, князю обезьяньему.

И судьба его оказалась такая же не милостивая.

1918 г.

Писмовникъ

погодинское

I

Первымъ владѣльцемъ Писмовника былъ Антонъ Ефимовъ Матюшонковъ, отъ Матюшонкова перешелъ Писмовникъ калужскому купцу Павлу Ларіонову Золотореву, отъ Золотарева къ Василію Алексѣевичу Смирнову въ дорогобужскіе Качаны, а отъ Василія Алексѣевича къ женѣ его Аннѣ Осиповнѣ, отъ Анны же Осиповны къ Ивану Никитичу Соколову-Микитову въ сосѣднее Кислово, а Иванъ Никитичъ передалъ своему племяннику, сыну Сергѣя Никитича, Ивану Сергѣевичу Соколову-Микитову, Иванъ Сергѣевичъ принесъ мнѣ въ Обезьяную великую и вольную палату.

Принесъ мнѣ И. С. Соколовъ-Микитовъ Писмовникъ, да еще калужскаго тѣста — „Высшаго сорта калужское тѣсто М. М. Гавриловъ въ Калугѣ“ — четыре коробки: ананасное, лимонное, яблочное, шеколадное.

Очень я обрадовался Писмовнику, а калужскому тѣсту и того больше.

Въ дѣтствѣ привозили намъ съ нижегородской ярмарки калужское тѣсто и было оно тогда такое вкусное, думалъ я тогда, вотъ большимъ буду, будутъ у меня деньги, накуплю я себѣ этого тѣста — тысячу коробокъ и буду ѣсть его не по столечку, а сразу коробками. Выросъ и

деньги бывали, все покупалъ, только не тѣсто. А память сохранилъ на всю жизнь. Годами случалось не помянешь и вдругъ вспомнишь: достать бы калужскаго тѣста! А гдѣ достать? Въ Калугу ѣхать? И куда только не носилъ Богъ, а Калуга все мимо. И вдругъ на столѣ калужское тѣсто — четыре коробки: ананасное, лимонное, яблочное, шеколадное.

Повертѣлъ я Писмовникъ, поставилъ на полку, и за тѣсто. Ну, и вы догадываетесь, что произошло?

Калужскимъ тѣстомъ угощали мы всѣхъ гостей нашихъ, шеколадную коробку въ одинъ присѣстъ съѣлъ Слонъ Слоновичъ (Юрій Верховскій), лимонную послалъ я Гарольду Васильевичу Вильямсу на удивленіе — англичанинъ! Всѣ ѣли тѣсто, и помню, долго оно у насъ не переводилось, такъ въ началѣ слѣдующаго мѣсяца еще нѣсколько вечеровъ доѣдалъ остатки И. С. Соколовъ-Микитовъ.

А вѣдь какое оно было тогда вкусное! Сколько я мечталъ о немъ — мнѣ хотѣлось его гораздо больше, чѣмъ даже самаго калиноваго тѣста: наша старая московская кухарка Марья Тихоновна дѣлала такое тѣсто изъ калины, — вотъ какъ хотѣлось! И вѣрите ли, и столечко я не съѣлъ его, я только попробовалъ и сейчасъ же коробку прочь.

Я занялся Писмовникомъ.

„Книга Писмовникъ, а въ ней наука россійскаго языка съ семью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещесловій. Новое изданіе просмотрѣнное, поправленное и умноженное. Цѣна неодѣтой пятнадцать гривенъ. Въ градѣ святаго Петра. Въ книгопечатнѣ морскаго общества благородныхъ юношей. 1777 года“.

Переѣхали мы отъ Хрѣнова къ Аренду и Писмовникъ съ нами, потомъ съ Песочной на островъ къ Семенову-Тянь-Шанскому и Писмовникъ съ нами.

О калужскомъ тѣстѣ я больше не вспоминаю, а Писмовникъ всякій день передъ глазами. Придетъ любитель книжный, я ему этотъ Писмовникъ! Такіе на Руси есть и всегда будутъ и никакимъ указомъ и декретомъ не выведешь и уравненіемъ не изведешь, а если ужъ вотъ куда дойдетъ, поступятъ, какъ поступилъ московскій Д. В. Ульянинскій, книжникъ-библіофилъ: да, собственными руками сдѣлаютъ гробъ для своихъ сокровищъ, заколотятъ гробъ гвоздями, и прощайте, все равно, конецъ, подъ поѣздъ ли, въ прорубь, одинъ конецъ. Придетъ И. А. Рязановскій, А. М. Коноплянцевъ, Я. П. Гребенщиковъ, петербургскіе книгочіи, раскрою Писмовникъ.

Вотъ посмотрите, по листамъ протянулась подпись перваго владѣльца — написано крѣпко, рука, какъ кость:

„Сия — книга — Анто - на — Ефи - мова — сына— Матю - шон - кова — 1796 — года — іюля — 10 — дня“.

А вотъ на зеленоватой бумажной обложкѣ второй владѣлецъ оставилъ по себѣ память — щегольнулъ латыницей:

Sei pismovniq
Qalousqago Qoupca
Pavla Larionova
Zolotareva

сей писмовникъ калускаго купца Павла Ларіонова Золоторева

И дальше столбикомъ для вѣры и крѣпости стихъ голіардовъ:

Hic liber meus
Testis est Deus
Hoc nomen erit
Quisque nen querit
Paulus natus
Zolotarev vokatus

Сія книга моя. Свидѣтель Богъ. Имя сіе будетъ. Кто ни найдетъ. Рожденный Павелъ. По прозвищу Золоторевъ.

Ни Матюшонкова, ни Золоторева я не знаю и ничего о нихъ сказать не могу, и кто такой Иванъ Васильевичъ, имя котораго выведено сбоку на титульномъ листѣ рукой Золоторева — „Государь мой Іванъ Василичъ" я не знаю. А про В. А. Смирнова — третьяго владѣльца и о Соколовыхъ-Микитовыхъ могу.

II

Василій Алексѣевичъ Смирновъ — пьяница, да не простой человѣкъ. Василій Алексѣевичъ книгу любилъ. Дѣла дѣлами, дѣла — для жизни, а книга — для души, завѣтное, чѣмъ живъ человѣкъ.

У русскаго человѣка такъ: или полное небреженіе — случалось мнѣ и среди „образованныхъ" людей, сколько ни шарь, не сыщешь въ домѣ и завалящей книжки, или ужъ книжное почитаніе — страсть, и тамъ, гдѣ не думаешь и не ждешь.

Послѣ смерти Василія Алексѣевича книгъ осталось полный закромъ — такъ въ закромѣ и лежали. Нынче въ смуту порастащили.

На столѣ у Василія Алексѣевича панорама стояла со стекломъ: виды всякіе городовъ иностранныхъ, Лондонъ. И большой томъ — „сто русскихъ литераторовъ". Василій Алексѣевичъ хотѣлъ все знать и особенно, какъ въ чужихъ краяхъ, что дѣлается и чѣмъ живутъ, русскіе же писатели были для него, какъ библія, — китъ и гордость и надежда.

Большой хлѣбосолъ, крѣпкословъ и прибаутчикъ, умѣлъ Василій Алексѣевичъ и подковырнуть и вывернуть. Качановскую барышню, любительницу писать письма, прозвалъ ящерицей:

— Ящерица, упоенная чернилами.

Подвыпивъ, Василій Алексѣевичъ обыкновенно приговаривалъ, выражая свое полное презрѣніе роду человѣческому, низменную природу котораго постигъ изъ дѣлъ и думъ, и по себѣ и по другимъ:

— Коза бѣла, коза сѣра, духъ одинъ.

Изворотливый въ дѣлахъ житейскихъ, — а какъ же иначе? — Василій Алексѣевичъ въ главномъ своемъ не зналъ никакой середки. Вернется изъ города, привезетъ Аннѣ Осиповнѣ подарковъ, не понравится ей.

— Ну, душечка, не надо! — пойдетъ на скотный, развалитъ добро и затопчетъ ногами.

Не робкій, кажется, ничѣмъ не запугаешь: ни звѣрь, ни разбойникъ Василію Алексѣевичу не страшенъ, — а вотъ, подите-жъ, до самой смерти цыганъ боялся.

Заслышитъ, что цыгане къ Качанамъ подбираются, и такое охватитъ его безпокойство, прицѣпитъ къ сапогу старую французскую бренчатую шпору, да со шпорой, какъ куръ, на дворъ.

— Касьянъ, — кричитъ, — заряди пушку: цыгане идутъ.

Касьянъ, онъ у него и лѣсникъ, и сторожъ, первый человѣкъ — приказчикъ.

— Пули нѣтъ, — скажетъ, бывало, Касьянъ: знаетъ, все равно, этотъ народъ ничѣмъ, и громомъ, не отпугнешь.

— Ну, заряди картошкой!

И качановская старая пушка, память Отечественной войны, заряжалась картошкой и начинала палить ко всеобщему удовольствію, а Василій Алексѣевичъ понемногу успокаивался.

Василій Алексѣевичъ померъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Качаны и вся казна книжная и вещевая остались на рукахъ Анны Осиповны.

Анна Осиповна женщина замѣчательная: одарилъ ее Богъ умомъ хозяйственнымъ, не лишилъ и благодати —

еще при жизни, видѣла она жизнь то-свѣтную, ходила по мытарствамъ, такой сонъ ей приснился.

У Анны Осиповны сынъ мальчикъ умеръ — сахаромъ подавился. Осталась дочь Марья Васильевна.

Анна Осиповна жила въ Качанахъ, а Марья Васильевна по сосѣдству въ Храмцахъ ельнинскихъ. Марья Васильевна по первому мужу Орлова. Во второй разъ вышла за доктора, лечившаго ея покойнаго мужа, за Ивана Григорьевича Щеголева.

Много надѣлалъ Иванъ Григорьевичъ бѣды, погубилъ Храмцы, подбирался и къ Качанамъ — и Писмовнику грозила большая опасность, да Богъ сохранилъ.

Иванъ Григорьевичъ — великій плутъ: носилъ при себѣ два кошелька — въ одномъ у него деньги, а въ другомъ ничего не было, пустой. Попроситъ кто въ займы, онъ тебѣ этотъ пустой:

— Съ удовольствіемъ бы, да сами видите.

Великій плутъ — старуху Анну Осиповну надувалъ. Прикинется тихоней:

— Мамаша, мамаша! — ручку цѣлуетъ.

И ужъ если сама Анна Осиповна попадалась плуту на удочку, что и говорить про Марью Васильевну. Марья Васильевна женщина кроткая, болѣзненная, за всю свою жизнь ни разу по желѣзной дорогѣ не ѣздившая, домосѣдка, а тому это и на руку. Заложилъ онъ Храмцы, перезаложилъ, все шито-крыто, никому и въ голову не приходило. А померла Марья Васильевна и оказалось — нѣтъ Храмцовъ.

Жаловался Иванъ Григорьевичъ, будто какая-то кишка у него болѣла. И нарисуетъ, бывало, кишку эту съ отросткомъ древовиднымъ, а тутъ, какъ и кишки никакой ни бывало, ни отростка, — насмѣялся и въ не былъ: ищи-свищи!

Иванъ Никитичъ Соколовъ-Микитовъ въ большой былъ дружбѣ съ Марьей Васильевной. Марья Васильевна двоюродная сестра ему. И со старухой теткой Анной Осиповной.

Анна Осиповна сестра матери Ивана Никитича. И чего ни дѣлалъ Иванъ Никитичъ, а спасти Храмцы не могъ, — ни за что пропали.

По смерти Анны Осиповны достался Писмовникъ Ивану Никитичу, — изъ Смирновскихъ Качановъ попалъ въ Кислово соколовское или, какъ говоритъ народъ, въ микитовское.

III

Въ началѣ бѣ дьячекъ.

Какъ и что, никто не помнитъ, помнятъ, одно, пахотникъ въ лаптяхъ, — Иванъ Егорычъ.

Отъ Дьячка пошелъ дьяконъ Никита — щекинской церкви дьяконъ Никита! — а по Никитѣ и все потомство его: Митрофанъ, Иванъ съ сестрой близнецы, Сергѣй и Петръ — все микитовы, а Иванъ, внукъ дьякона, сынъ Сергѣя Никитича, — микитенокъ.

Рѣшительный былъ дьяконъ и безповоротный, голова — къ дьякону Никитѣ въ Щекино всякіе купцы пріѣзжали: дьяконъ Никита все могъ разсказать. Дьяконъ семерыхъ поповъ изъ прихода выжилъ: позоветъ понамаря, а прошеніе составлено, подписывай!

Память о дьяконѣ Никитѣ до сей поры жива.

У дьякона пріятель понамарь Понамаревъ. Идетъ какъ-то по плотинѣ понамарь съ мужикомъ, пьяный, показываетъ мужику на Сергѣя Никитича:

— Дьяконъ былъ хитеръ, а этотъ еще хитрѣй!

И точно, большой хитрецъ былъ дьяконъ Никита.

Дьяконъ Никита верхомъ на щукѣ ѣздилъ!

По веснѣ, какъ всякій знаетъ, щуки ходятъ — около берега трутся. Пошелъ дьяконъ въ баню, вымылся, выпарился, да съ полка на бережекъ окатиться, глядь, щука — съ роду не видалъ такой: пуда три! Дьяконъ домой за ружьемъ, да назадъ къ берегу — бацъ! Да самъ на щуку, зажабрилъ, а щука его въ воду. Съ версту прота-

щила подъ водой — да отъ дьякона никакъ не уйти! — вынесла на берегъ и покорилась.

Старшій сынъ дьякона Митрофанъ въ священники вышелъ въ Сырокоренскія Липки. Дьяконица померла. Иванъ, Сергѣй да Петръ остались маленькими. Петръ былъ любимый сынъ, а Иванъ да Сергѣй такъ. Ласки не видѣли, буками росли.

Скотникъ Иванъ сказки разсказывалъ — на-вѣкъ не забыть Ивановы сказки. Приходила слѣпая старуха Дуняша.

— Подойди, Сережа! — покличетъ слѣпая.

Подойдетъ — она ему какъ мать родная — погладитъ его старуха.

— Подросъ, подросъ! — скажетъ, погладитъ.

На-вѣкъ не забыть старуху. И до сей поры Ивану Дуняшину Сергѣй Никитичъ лугъ отводитъ. Старая хлѣбъ-соль не забывается.

Учился Сергѣй Никитичъ въ Дорогобужскомъ городскомъ училищѣ. Славился рисованіемъ, нарисовалъ Луку евангелиста и вышелъ въ учителя. Назначили его въ село за 25 руб. въ мѣсяцъ: 15 руб. казенныхъ, 10 руб. отъ помѣщика. А было по сосѣдству училище — два учителя. Познакомился съ ними Сергѣй Никитичъ и раздумался.

„Какой же, — думаетъ, — я учитель? Вотъ эти — учителя!“ — и рѣшилъ въ солдаты...

Служилъ онъ въ Измайловскомъ полку въ Петербургѣ. Заболѣлъ на службѣ, отпустили домой. Поступилъ къ Коншину, сначала въ Щекинѣ, потомъ перевелся въ Асики калужскія, а изъ Асиковъ отъ Коншина въ Кислово переѣхалъ хозяйствовать. Больше всего Сергѣй Никитичъ лѣсъ любитъ, и въ бѣду нашу смутную ему снится его любимый разоренный лѣсъ: ходитъ онъ по лѣсу, пѣсни поетъ.

Женился Сергѣй Никитичъ на Марьѣ Ивановн.ѣ Марья Ивановна — калужская.

Отецъ Марьи Ивановны изъ финновъ, со стороны отцовской, мать русская. При крѣпостномъ правѣ вымѣняли его — былъ онъ первый собашникъ у барина. Въ ихъ избѣ всегда полно псарей. И когда время было родить, мать уходила въ теплый собашникъ — въ собачій хлѣвъ. Отецъ варилъ конину для собакъ. Первая память: собачій дворъ — конскія кости.

Няньчилъ Марью Ивановну псарь Антипъ, — навѣкъ не забыть Антиповы пѣсни. Да еще въ поминаньѣ записана старушка Александра: любила ее Марья Ивановна — отца и матери не надо. До сихъ поръ хранится у Марьи Ивановны полотенце — память отъ старухи, въ сундукѣ спрятано — никому не вынимаетъ.

Баринъ полюбилъ отца за его честность и сдѣлалъ его изъ псарей старостой. Отецъ называлъ барина бояринъ. Умирая, баринъ хотѣлъ ему отказать все свое состояніе — бездѣтный былъ, холостой, а случилось, пріѣхалъ въ сосѣднее Бабынино попъ новый, пошелъ Иванъ Васильевичъ въ церковь. Баринъ посылаетъ за нимъ, а ему надо попа послушать. И прослушалъ — потерялъ Матюково: кто-то изъ родственниковъ подвернулся, и подписалъ умирающій завѣщаніе на другого.

Каждый псарь былъ надъ матерью хозяинъ, она должна была готовить на двадцать псарей. Ушатами носили кормъ собакамъ. И дѣтей было много: одинъ ребенокъ на рукахъ, другой за руку держится, третій за подолъ. Жизнь тяжелая. Какъ-то попеняла она въ досадѣ Богу:

— У другихъ умираютъ, а у меня ихъ вотъ сколько!

И Богъ наказалъ: въ одну недѣлю четверо умерло.

Марья Ивановна дѣвочкой ходила въ зипунѣ и холщевой рубахѣ, а сарафанъ холщевый стала надѣвать, когда уже подросла.

Изъ Хвалова переѣхала Марья Ивановна въ Асики, а изъ Асиковъ въ Кислово, тутъ и остались вѣкъ вѣковать съ Сергѣемъ Никитичемъ. А съ ними и Иванъ Никитичъ.

IV

Иванъ Никитичъ мальчикомъ поступилъ къ генеральшѣ Бологовской на 8 руб. жалованья въ контору. Служба его была въ двухъ имѣніяхъ въ Гнѣздиловѣ и въ Арнишицахъ.

Сынъ Михаила Петровича Погодина Иванъ Михайловичъ женатъ былъ на княжнѣ Оболенской, внучкѣ Бологовской. Послѣдніе годы своей жизни — начало семидесятыхъ годовъ — Михаилъ Петровичъ проводилъ въ Гнѣздиловѣ.

Какъ пріѣдетъ, бывало, Михаилъ Петровичъ въ Гнѣздилово, сейчасъ же къ Ивану Никитичу.

— Братъ ты мой, я къ тебѣ въ гости пріѣхалъ, дичинкой угости.

Иванъ Никитичъ въ ту пору много охотился.

Гулялъ Михаилъ Петровичъ рано по утрамъ — нахрамывалъ: лошади его когда-то растрепали. Ходилъ съ костылемъ толстымъ.

Какъ-то бѣжитъ отъ лѣсу, запыхался.

— Братъ ты мой, волка встрѣтилъ!

А Иванъ Никитичъ смѣется: эка, невидаль, волка!

— Ты привыкъ тутъ со звѣрями жить, тебѣ не страшно! — и не можетъ никакъ духъ перевести: очень напугался.

Въ церковь любилъ ходить Михаилъ Петровичъ. Становился въ сторонѣ около выхода. Загуторятъ бабы, онъ по головѣ костылемъ:

— Молчи.

Примолкнешь, даже и нужно что, не скажешь.

А разъ сунулся попъ ему впередъ крестъ дать.

— Не мнѣ давай, ихъ учи! — и не захотѣлъ приложиться, пока чередъ не дошелъ.

Суровый былъ, щетинистый, что бровь. Побаивались старики, и родной его сынъ не отставалъ отъ другихъ.

Гуляетъ разъ Михаилъ Петровичъ въ саду по аллеѣ. Навстрѣчу Иванъ Никитичъ, ну и сейчасъ же въ сторону, боялся, не помѣшать бы, а Михаилъ Петровичъ замѣтилъ и тоже — дорогу загораживаетъ. И столкнулись.

— Вотъ ты сталъ и я сталъ, а дѣло кто будетъ дѣлать? — и пошелъ, только костыль стучитъ.

Нерѣдко при встрѣчахъ вдругъ остановитъ:

— Что же, у тебя карандашъ есть?

Мысль, вѣрно, въ голову приходила, записать хотѣлъ, а карандашъ забывалъ.

На слово скупой, на людяхъ Михаилъ Петровичъ пустого слова не вымолвитъ, молчитъ, а потомъ такое скажетъ, ошпаритъ всѣхъ. Любилъ музыку слушать и очень былъ доволенъ, когда въ Гнѣздилово пріѣзжалъ скрипачъ Лесли Николай Павловичъ, на скрипкѣ игралъ. Но чѣмъ можно было навсегда расположить Михаила Петровича, это стариной. Иванъ Никитичъ нашелъ въ Гнѣздиловской библіотекѣ рукопись, да не простую рукопись, на пергаментѣ, и, конечно, Михаилу Петровичу. И ужъ радъ это былъ старикъ, не зналъ, какъ и благодарить, и подарилъ за этотъ даръ книгу свою: „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“ съ собственноручной надписью.

Въ Гнѣздиловѣ писалъ Михаилъ Петровичъ исторію Петра Великаго. Иванъ Никитичъ въ окно видѣлъ: завалится въ большое кресло и все рукой ото лба по головѣ волосы ершитъ. Работалъ цѣлый день, только прогуляться выйдетъ. Исторію эту такъ ему и не пришлось окончить.

Когда въ духѣ, спроситъ, бывало, Ивана Никитича:

— Какъ, братъ, тебя медвѣди турнули, разскажи!

И въ который разъ начиналъ Иванъ Никитичъ свою медвѣжью повѣсть, а старикъ всегда слушаетъ, и такъ, будто впервые.

— Говорю какъ-то солдату Константину, — разсказывалъ Иванъ Никитичъ, — пойдемъ, медвѣди въ Бас-

каковѣ на овсы выходятъ, все поле изъелозили! — Поѣхали. Прихватили мужика Андрея, да еще Степана. Константинъ сталъ въ ельничкѣ и Степанъ съ нимъ. А я съ Андреемъ на полѣ — камень да елочка. Андрей говоритъ: „Къ чорту ружье, я топоромъ!" Ладно, думаю, топоромъ, такъ топоромъ. А посидѣли часъ, другой, стало померкать. „Что стоитъ медвѣдь?" спрашиваетъ Андрей. „А три рубля!" шучу. „Ну, говоритъ, не стоитъ и караулить." А самъ — какой ужъ тамъ топоръ! Совсѣмъ смерклось. Слышу въ лѣсу трещитъ. Андрей шепчетъ: „Идетъ!" „Тише, говорю, молчи!" Медвѣди близко. Слышно, какъ сморгаютъ овесъ зубами. Андрей какъ заколотился — у него въ глоткѣ: ка-ка-ка! — брешетъ въ глоткѣ. Я его къ землѣ: „Накройся!" Гляжу черезъ елочку: стоитъ махина — саженный. Приподнялся: а тамъ еще три — вмѣсто одного четыре. Тутъ и я присѣлъ: съ такимъ товарищемъ плохо. „Андрей, шепчу, давай отойдемъ!" Стали отходить. А медвѣди зачуяли и прямо на Константина. А Степанъ подъ елкой хрáпитъ! Медвѣди и услыхали. Тутъ Константинъ изъ своего ружья какъ хряпнетъ, — и медвѣди врозь и самъ кверхъ ногами. Такое ружье у него было французское: стволъ отсюда и досюда, а пороху пудъ. Спросишь, бывало, Андрея: „Пойдемъ, Андрей, медвѣдей караулить!" „Да будь они, скажетъ, прокляты, и дѣтямъ закажу и внукамъ."

Кромѣ этой медвѣжьей повѣсти любилъ еще Михаилъ Петровичъ разсказъ о Егорычѣ.

Въ Гнѣздилово къ Бологовской наѣзжалъ погостить старый кавалерійскій офицеръ Василій Егорычъ Булычевъ, большой бѣднякъ.

— Что-жъ, братецъ, — подмигнетъ Ивану Никитичу, — овсеца-то лошадямъ. Никому не говори.

Умора смотрѣть: плѣшь большая и кокъ закрученъ. И когда подвивалъ, весь, бывало, сажей выпачкается.

Какъ-то играли въ карты. А онъ — деньжонокъ не было — не игралъ, около семенитъ, засматриваетъ. Богачъ Барышниковъ Александръ Ивановичъ говоритъ:

— Играй!

— Денегъ нѣтъ.

Дали Егорычу денегъ.

Наигралъ Егорычъ цѣлую кучу, да потихоньку за дверь, да къ кучеру:

— Запрягай.

Хватился Барышниковъ:

— Догнать с. с-а!

Догнали. Привезли.

— Ты, что-жъ, чортъ старый, уѣзжать!

Разсердился Барышниковъ, посадилъ бѣднягу въ баню, велѣлъ баню соломой обложить.

— Зажигай!

Такого натерпѣлся Егорычъ, и съ той поры хоть золотомъ осыпь, не засадишь за карты.

Попалъ какъ-то Иванъ Никитичъ въ Москву къ Михаилу Петровичу на Дѣвичье поле. Показывалъ ему Михаилъ Петровичъ древлехранилище свое, сюртукъ Пушкина — сюртукъ висѣлъ въ тумбочкѣ, а на тумбочкѣ стоялъ бюстъ Пушкина. Жилетку Гоголя показывалъ — крапинками замусленная.

Не хотѣлъ Михаилъ Петровичъ отпускать гостя, самъ и кофеемъ поилъ.

— Поживи у насъ! — оставлялъ старикъ Ивана Никитича: Сокольники хотѣлъ показать, 1-ое мая, гулянье московское.

Послѣ смерти Михаила Петровича все пошло прахомъ, въ конюшнѣ — шесть стойлъ завалены были книгами — куда все дѣвалось? Дворники продали за десятку и сюртукъ Пушкина и жилетку Гоголя. Все растащили.

V

Иванъ Никитичъ († 1919) на всю жизнь сохранилъ память о Погодинѣ. Ни щетинистаго старика, ни его древлехранилища нельзя было забыть. Глазами Погодина смотрѣлъ Иванъ Никитичъ на к н и г у. И старый Писмовникъ не могъ не попасть въ его руки.

Иванъ Никитичъ передалъ Писмовникъ племяннику своему Ивану Сергѣевичу — писателю Соколову-Микитову. И не прогадалъ: любитъ Иванъ Сергѣевичъ и книгу, и слово, и самому ему далъ Богъ талантъ своего слова — дремучихъ дорогобужскихъ лѣсовъ князь обезьяній.

У меня же Писмовникъ въ моей книжницѣ на верхней полкѣ всегда передъ глазами, а караулитъ его заяцъ.

1918 г.

Календарь

узорочное

I

Нечай — предокъ съ материнской стороны Ивана Александровича Рязановскаго.

Иванъ Александровичъ Рязановскій — костромскихъ деберей забѣглый князь обезьяній, блудоборецъ комаровскій, телѣжный и золотоношскій, старецъ электрическій.

Нечаи ведутъ родъ свой съ незапамятныхъ временъ, — такъ говоритъ старая грамота черниговскаго маршала дворянства Степана Ширая. А нынѣшній родъ Нечаевъ начался съ Василія да Никанора, благородство коихъ было удостовѣрено семью родоначальниками дворянскихъ фамилій Черниговской губ.

По отзыву этихъ знатныхъ свидѣтелей Василій Нечай былъ знатный полку стародубскаго значковый товарищъ, а Никаноръ — бунчуковый товарищъ. И оба Нечая вели жизнь благородную.

Василій постригся и былъ чернымъ попомъ, но и въ черныхъ попахъ велъ жизнь благородную.

Никаноръ умеръ бездѣтнымъ, а сынъ Василія Марко былъ уже не въ Стародубѣ, а въ Мглинѣ подсудкомъ Повѣтоваго суда.

Когда переселились Нечаи въ Мглинъ — неизвѣстно, но тутъ они осѣли и перероднились съ другими дворян-

скими фамиліями, особенно же съ Бончъ-Бруевичами. Родственныя связи между Нечаями и Бруевичами были такъ часты и многочисленны, что мѣстный архіерей грозилъ запретить имъ жениться другъ на другѣ. По этой причинѣ, какъ идетъ молва, возникъ несчастный романъ между представителями этихъ перепутанныхъ родствомъ фамилій, а именно: между Лукой Ѳомичемъ Нечаемъ и Матреной Марковной Бончъ-Бруевичъ. И было даже сочинено кѣмъ-то изъ доморощенныхъ піитъ стихотвореніе:

за что такъ жестоко казните вы взоромъ Луку Ѳомича?
за то ли, что съѣлъ у васъ банку съ груздями...

Стихотвореніе длинное, — увы! всѣми забытое, — пространно повѣствовавшее о несчастномъ и прожорливомъ любовникѣ.

II

Отъ подсудка Марка родилось трое сыновей. Старшій Иванъ достигъ изряднаго обученія и для усовершенствованія въ наукахъ былъ опредѣленъ коштомъ подсудка въ Московскій университетъ.

Такъ первый представитель малороссійскаго земельнаго рода попалъ въ чуждую ему обстановку русскаго сѣвера, и это отразилось не только на внутреннемъ существѣ современника Боротынскаго и Языкова, но и на его внѣшности: изъ ярко-рыжаго сталъ на Москвѣ мглинскій Иванъ чернымъ, какъ цыганъ.

Не узналъ старый Марко любимаго сына:

— Ивась, гдѣ же твоя красота! — всплеснулъ старикъ руками и не хотѣлъ вѣрить, что все это было натурально.

Три года московской жизни превратили Ивана Марковича въ тогдашняго интеллигента и романтизмъ расцвѣлъ въ его дѣтски-чистой меланхолической душѣ. Байронъ

былъ для него откровеніемъ. Религіозный, не потерялъ онъ вѣру, но его отеческая вѣра потускнѣла передъ страстной вѣрой-любовью и поклоненіемъ женщинѣ — „вѣнцу и перлу творенія". Рыцарское обожаніе незамѣтно перешло въ горячую безмолвную и безнадежную любовь къ „прекрасной Клавдіи". Кто она была, неизвѣстно, — безтѣлесная? Да и зачѣмъ было романтическому поклоннику души тѣло прекрасной героини? Онъ любилъ только очи, сердце и духъ. Онъ воспѣвалъ ея пышныя кудри въ сіяніи волшебной луны. Неопытныя, но страстныя строфы и теперь живы на синихъ страницахъ тетради, куда онъ вписывалъ свои черновики.

По окончаніи университета Иванъ Марковичъ былъ назначенъ учителемъ въ Ярославль, въ мѣстную гимназію и Екатерининскій дворянскій пансіонъ. На одномъ изъ баловъ въ этомъ пансіонѣ ему блеснули въ глаза черныя очи Ларисcы Андреевны Нефедьевой, и онъ увидалъ въ ней сходство съ своимъ идеаломъ — съ воздушной Клавдіей, о которой мечталъ всю жизнь.

Нефедьева — живая брюнетка, скорѣе миніатюрная, дочь Андрея Артамоновича, отставного полковника временъ Отечественной войны, была изъ разорившагося дворянскаго рода Ростовскаго уѣзда. Нефедьевы поддерживались своими богатыми родственниками Дансами. Дансы и вывезли на достопамятный балъ Ларису Андреевну — „прекрасную Ларисcъ".

Прекрасная Ларисcъ! — я встрѣтилъ ее черезъ полвѣка сморщенной старушенкой съ длинною до-пола трубкой. Помню суровый взглядъ ея поблекшихъ глазъ, кольца дыма и потрескиваніе угольковъ въ трубкѣ.

III

Жестоко, цѣною всей своей жизни заплатилъ Иванъ Марковичъ за сходство Ларисcы Андреевны съ лунною Клавдіей. Душа его больше не знала покою: онъ, лю-

бившій спокойное мечтаніе и прогулки при лунѣ, долженъ былъ таскаться по пикникамъ, на балы и вечеринки среди пошляковъ, круглыхъ невѣждъ и взяточниковъ.

Гдѣ были мечты его юности? Гдѣ блестящія побѣдныя имена — гдѣ Грановскій или благословившій его Боротынскій? Это только снилось и пробужденіе было ужасно.

Ларисса ничего не понимала, голова ея была набита жадностью разорившейся мѣщанки, завистью и пошлостью; Ларисса была едва грамотна.

Вотъ если бы Иванъ Марковичъ бралъ взятки, тогда бы онъ былъ радѣтельный мужъ и отецъ: у нихъ были дѣти!

Прежній бракъ былъ нерасторжимъ и оставалось либо петля, либо безпробудное пьянство. Иванъ Марковичъ выбралъ второе. Его мозгъ, отуманенный алкоголемъ, могъ еще мечтать среди грубыхъ оскорбляющихъ буденъ, ссоръ дворни, крика дѣтей и визга Ларисса.

Какое отвращеніе!

Старое забывалось. Тускнѣла первая любовь, сливаясь съ туманной мечтой. Опоры не было. И какъ разорвать? Нѣтъ, никуда не уйдешь.

И онъ пилъ.

Въ свои отчаянные часы этотъ кроткій нѣжный человѣкъ дѣлался неузнаваемъ. Не было возможности подступиться. И одна только младшая его дочь Любочка вбѣгала къ нему и, повиснувъ на шеѣ отца, останавливала его безумные порывы. Она не боялась, она одна чуяла тягчайшій его крестъ, скрытый для другихъ, и сочувствовала ему.

Отчужденная, нелюбимая, кромѣ отца, росла она.

Забившись куда-нибудь въ уголъ, цѣлыми днями просиживала она, глядя на всѣхъ издали, незамѣтная, темно-васильковыми глазами. И что тамъ творилось, въ спугнутой душѣ ея васильковой? Кого жалѣла? Кого проклинала?

А выросши въ полную красавицу дѣвушку съ густыми черными косами, она сохранила въ себѣ душу тургеневскихъ героинь: молчаливая, внѣшне спокойная, твердый и роковой характеръ. Она жадно ловила каждое слово отца, который разсказывалъ ей о людяхъ непохожихъ на ярославцевъ, о герояхъ добра и славныхъ мученикахъ. Изъ нея вышелъ человѣкъ исключительной честности и простоты.

Ея узкія тонкія руки казались такими одухотворенными, и въ отчаянные часы безумія, укрощаясь, отецъ цѣловалъ ихъ, какъ мощи святой.

IV

Смерть Ивана Марковича была медленнымъ угасаніемъ: онъ истаялъ, какъ свѣча, сопровождаемый и въ послѣднія минуты свои ворчаньемъ Ларисcы Андреевны, ея перекорами съ Настенькой, старшей дочерью, и посвистываніемъ легкомысленнаго Александра Ивановича, который курилъ очистительный ѳиміамъ папиросы надъ лицомъ умирающаго отца.

Если бы въ эти минуты какой-нибудь лапландскій волшебникъ показалъ Александру Ивановичу одинокую его смерть въ избѣ въ селѣ Курбѣ, гдѣ, исходя кровью, всѣми брошенный — дочери его гуляли на посидѣнкахъ! — безъ всякой помощи умиралъ онъ, если бы нашелся такой волшебникъ, тогда бы и Александръ Ивановичъ съ ужасомъ выронилъ свою папироску, вырвалъ бы изъ сердца призракъ ненавистной цыганки и заглянулъ бы единственный и послѣдній разъ въ глаза отца.

Иванъ Марковичъ умиралъ отчаянно, какъ отчаянной прошла его жизнь. Въ потухшихъ глазахъ загорался огонекъ — чахлая рука звала какое-то видѣніе. Или прекрасная Клавдія являлась ему, провожая въ дорогу своего несчастнаго рыцаря?

Послѣ смерти Ивана Марковича его послѣднія работы, его атласъ, его рукописи учебниковъ Ларисса Андреевна продала на толкучку. И тщетно, пріѣхавшій въ Ярославль московскій профессоръ Павловскій искалъ этихъ рукописей по всему городу. Рукописи были ужъ куплены и припрятаны хитрымъ учителемъ географіи Пылининымъ, его бывшимъ товарищемъ. Такъ погибло все, чѣмъ еще жилъ человѣкъ и собирался оставить послѣ себя. Все истребила безжалостная рука Лариссы Андреевны, будто на́ зло вырвавшая съ корнемъ всякую папамять о мужѣ.

V

Смерть отца застала Александра Ивановича уже взрослымъ. Онъ успѣлъ побывать въ Московскомъ университетѣ, гдѣ за легкомысліемъ своимъ курса не кончилъ.

Въ Москвѣ проводилъ онъ время или въ билліардной, или въ цыганскомъ таборѣ за заставой, откуда сразу же и перешелъ въ другой таборъ подъ Ярославлемъ. Тутъ онъ ухлопалъ не одну тысячу на красавицу Стешу, чѣмъ вызвалъ чуть ли не параличъ у жадной матери: разгульный кутежъ сына не ужасалъ Лариссу Андреевну — это было слишкомъ обычно среди мелкихъ помѣщиковъ — а вотъ истраченныя тысячи, это другое дѣло.

Пришлось продать домъ около Спасскаго монастыря, хорошій домъ, двухъэтажный, каменный, который очень бы пригодился въ приданое за Настенькой, о Любочкѣ както забывалось. И домъ былъ проданъ, а за домомъ и послѣдніе обрѣзки ростовскаго имѣнія, попавшаго-таки въ руки купца Родіонова, который на неудобной землѣ выстроилъ саговый заводъ, выдѣлывая сагу изъ великолѣпнаго картофеля ростовской сырой почвы.

Не прослуживъ и году въ Гражданской Палатѣ, Александръ Ивановичъ поступилъ юнкеромъ въ Ростовскій полкъ, произведенъ въ прапорщики и назначенъ въ пѣхотный полкъ въ Смоленскъ, а изъ Смоленска черезъ

годъ попалъ опять въ Ярославль въ стрѣлковый полкъ, и съ медалью на Владимирской лентѣ вскорѣ вышелъ въ отставку.

Судьба забросила его въ Новгородъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто управляющаго винокуреннымъ заводомъ.

Все новыя и новыя связи захлестывали его. Не страстная любовь, не въ отца онъ пошелъ, непостоянство — вотъ его страсть и постоянное желаніе новаго. Пользуясь всякой свободной минутой, онъ ускользалъ изъ скучнаго мертваго Новгорода въ веселый живой Петербургъ.

Привязанности и карты — въ этомъ вся утѣха и послѣдній смыслъ.

Какъ-то не повезло, и тридцать тысячъ хозяйскихъ были спущены въ одинъ вечеръ. Взять было не у кого, — Лариса Андреевна, не разъ выручавшая сына, жила гдѣ-то за печкой у Николы Мокраго подъ горой.

А денегъ надо было достать!

Александръ Ивановичъ женился на богатой новгородской купеческой дочкѣ Шіяновой. Красавица жена, совершенно необразованная, принесла большой капиталъ. Дѣла поправились. Но тутъ опять случилось несчастье: сгорѣлъ Микулинскій винокуренный заводъ.

Долго не находилось мѣста. Совсѣмъ заскучалъ Александръ Ивановичъ. Наконецъ-то, тесть устроилъ его въ Петербургѣ на Николаевскую дорогу.

И опять пошло раздолье.

Концессіи слѣдовали за концессіями, деньги сыпались грудой неизвѣстно откуда, все перемѣшалось — свое и чужое.

Безшабашный Александръ Ивановичъ окончательно запутался. Безудержные кутежи закрутили его шальнымъ потокомъ. Жену и двухъ дочерей забросилъ.

Помѣшанная отъ ревности Катерина Ивановна съ утра до поздняго вечера сидѣла, согнувшись у стола, рисуя на бумагѣ изъ-подъ табачныхъ картузовъ сторублевки и раскладывая ихъ кучками.

Дѣти оставались безъ всякаго призора.

И опять случилось несчастье: провалился мостъ.

Мостъ-то, Богъ съ нимъ, другой выстроить можно, да въ кессонѣ залило водой что-то до двадцати рабочихъ. Пошелъ всполохъ: что и какъ? И тутъ власти усмотрѣли нѣчто удивительное: строился мостъ не инженеромъ, а Александромъ Ивановичемъ за его собственной отвѣтственностью, „чего быть никоимъ образомъ не должно." Юристы рѣшили, что Александръ Ивановичъ не можетъ и отвѣчать за смерть рабочихъ по закону, а потому и наказанія ему никакого не вышло, только отъ должности отставили.

Извернулся Александръ Ивановичъ: съ помощью другого Александра Ивановича, земляка и родственника, Кондратьева сдѣлался частнымъ повѣреннымъ и дѣла опять пошли въ ходъ.

И это былъ послѣдній успѣхъ.

При введеніи новыхъ судовъ адвокаты плодились, какъ лѣтнимъ вечеромъ костромская мошкора на болотѣ. Съ этой тьмой темъ соперничать оказалось не въ мочь, и Александръ Ивановичъ вынужденъ былъ переѣхать на родину.

И вотъ, какъ когда-то, въ незапамятныя времена табора и красавицы Стеши, опять замелькали въ глазахъ кирпичныя стѣны Толчковской церкви и бѣлыя купеческія дома.

Порѣдѣли, засеребрились черныя кудри. Усталость и скука тѣнью пала на лицо. Измаяли душу. Или ужъ все перегорѣло? Жизнь пошла въ тягость. А дѣла все хуже и хуже.

Адвокатская орда завладѣла и Ярославлемъ. Народъ пошелъ дотошный, кляуза развилась до старо-московскихъ столбцовъ. Никакъ не поспѣть да и не возможно.

Появились и такіе штукари, которые обмозговывали самые невиданные фокусы вплоть до переряживанія, и

ничѣмъ не стѣснялись. А Александръ Ивановичъ какъ-ни-какъ дворянскій сынъ, и онъ совсѣмъ отстранился.

Подросли дочери, здоровыя и веселыя хохотуньи, похожія и съ лица и складомъ на несчастную мать, доживавшую свой безумный вѣкъ въ Новгородѣ въ сумасшедшемъ домѣ.

Безвыходность заставила Александра Ивановича изъ ходатаевъ спуститься до волостного писаря: нашлось такое мѣсто въ маленькомъ селѣ Курбѣ, родовой вотчины знаменитыхъ князей Курбскихъ въ Ярославскомъ уѣздѣ.

Жизнь въ грязной избѣ Волостного Правленія, вынужденное пьянство окончательно разбили пошатнувшееся здоровье.

И это было послѣднее мѣсто.

Незадолго до смерти ему отказали и ужъ итти было некуда.

Въ Васильевъ вечеръ пришелъ конецъ.

И никакіе воздушные призраки не витали передъ нимъ въ послѣднія тяжкія минуты, одна сидѣла у изголовья горькая забота.

Безъ вѣры и упованія, переживъ свои привязанности и свою ненависть, страждя, безпомощно, кругомъ одинъ, померъ онъ, никакъ не понимая, зачѣмъ все это, зачѣмъ такая боль и зачѣмъ было все то, что называется жизнью.

★

Послѣ Александра Ивановича, какъ память, остался бирюзовый перстень — подарилъ онъ его сестрѣ Любови Ивановнѣ въ день ея свадьбы, да нѣсколько рисунковъ — копія съ портрета отца, нарисованнаго учителемъ гимназіи Харитоновымъ, да еще мелкія акварели и календарь.

VI

Три руки писали календарь: Александръ Ивановичъ, Любовь Ивановна и Фанни Шишкина, дочь ярославскаго помѣщика.

Пожелтѣли листы да на кофейномъ переплетѣ по корешку поблекло золото, а то все сохранно, какъ и въ рукахъ не было. А писано, что вышито.

Три рисунка — три рамочки: двѣ красками — „1854 Календарь А. Нечай" и „1857," а одна корандашемъ — „А. Н."

Два города: Ярославль и Смоленскъ.

Въ началѣ, какъ полагается въ календаряхъ, святцы, а конецъ -- присловье о кузнецѣ.

Святцы по четыре столбика на страницу: два съ крестными именами, а рядомъ столбикъ памяти. Въ память вписаны рожденье, именины, свадьбы, перемѣна въ службѣ и кончина родстенниковъ и знакомыхъ (1817-1869).

10/21 января 1817 г. рожденіе Лариссъ Андреевны Нечай (урожд. Нефедьева).

7/18 января 1834 г. свадьба Ивана Марковича Нечай.

7/18 декабря 1834 г. рожденіе А. Нечай.

12/23 октября 1857 г. Открытіе Америки въ 1492 г., получилъ на память отъ Фанни Шишкиной браслетъ.

9/20 марта 1858 г. смерть учителя исторіи Яр. гимназіи Николая Ильича Петропавловскаго.

14 августа 1858 г. первый разъ видѣлъ Государя Императора Александра Николаевича и Императрицу Марію Өеодоровну.

17 сентября 1858 г. была блистательно видна ниже большой Медвѣдицы комета.

7/18 августа 1869 г. рожденіе Ивана Алекс. Рязановскаго.

30/11 ноября — именины Андрей Артемоновича Нефедьева.

Скажу о Андреѣ Артамоновичѣ Нефедьевѣ, дядюшкѣ Александра Ивановича, помяну чудака.

Сгорбленный въ халатѣ, сѣренькій, точь-въ-точь воробушекъ, ласковый къ роднѣ и грозный къ дворнѣ. Когда дочери Ларисcы Андреевны и другія племянницы — Болдыревы и Дансы пріѣзжали въ усадьбу, старикъ, порхая воробушкомъ, вводилъ ихъ въ домъ и начиналось угощеніе.

А угощалъ онъ всѣми деревенскими кушаньями, на которыя была тароватa старина, но главное, не обходилось безъ любимой каши съ горохомъ. Эта каша полагалась на загладку, и хочешь-не-хочешь, а съѣсть тарелку долженъ.

Не смѣя отказаться, давясь, кто со смѣхомъ, а кто и со слезами, ѣли эту самую кашу.

А старикъ закрывалъ лицо рукой и, глядя сквозь пальцы, довольный порхалъ вокругъ стола воробушкомъ.

— Племянницы, племянницы! кашки съ горошкомъ! кашки съ горошкомъ!

И за этой же самой кашей, такъ вотъ порхая и трясясь отъ хохота, вдругъ присѣлъ и, выкрикнувъ не своимъ голосомъ „кашки съ горошкомъ!“ испустилъ духъ.

За Святцами „Горе отъ ума“, потомъ стихи рукою Фанни Шишкиной:

„Ночное раздумье — Туманной пеленой закрыта даль . . . “ (Красова, Клюшникова, Бернета или Грекова, не знаю) „1857 г. 13 X II ч.“ Съ многоточіями и подчеркнутыми строчками —

за мигъ одинъ горячаго участья,
я бъ отдалъ эту жизнь сто разъ.

„На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“ (Пушкина) съ подчеркнутымъ концомъ —

и сердце вновь горитъ, и любитъ отъ того,
что не любить оно не можетъ . . .

За стихами рецептъ изъ Поваренной книги. И до того живо написано, возьмешься читать и ужъ будто за столомъ сидишь и все тутъ передъ тобой на столѣ и такое горячее да вкусное и, не отвѣдавъ, благодаришь хозяйку.

Супъ изъ раковъ.
Супъ изъ раковъ, приготовленный иначе.
Супъ изъ рису на молокѣ.
Супъ С-Жульенъ.

И опять стихи, ужъ вписанные Любовью Ивановной, мельчайшія буковки:

„Я помню робкое дыханье“ (Огарева), „3/12 октября 1860.“

И „Ночь. — Рукой невидимой Бога“ — доморощенные стихи, самъ Александръ Ивановичъ вписывалъ, съ концомъ оправдательнымъ:

Онъ сказалъ: тотъ, кто любитъ здѣсь много,
много, много простится ему.

И опять мельчайшія буковки: „Значеніе цвѣтовъ“ — „1859 года января 10 числа.“

Розы розовыя,
Розы бѣлыя.
Розы алыя,
Розы дикія . . .

Или гдѣ-то въ старой усадьбѣ въ столовой букетъ на столѣ.

И вижу въ сумеркахъ плечи, глаза и улыбку и — слезы —

Оканчивается календарь „таблицей несчастныхъ дней Тихобрагова.“

Приведу эти дни Тихобраговы (Тихо де Браге), а рядомъ Эразмовы (преподобнаго Эразма черноризца печерскаго)

	Тихо де Браге	Эразмъ
январь	1, 2, 4, 6, 11, 12, 20	2, 13
февраль	11, 17, 18	3, 11
мартъ	1, 4, 14, 24	4, 25
апрѣль	3, 17, 18	3, 20
май	7, 8	7, 8
іюнь	17	3, 6
іюль	17, 21	3, 19, 20
августъ	20, 21	8, 14, 16
сентябрь	10, 18	3, 24
октябрь	6	3, 21
ноябрь	6, 8	5, 11
декабрь	6, 11, 18	3, 24

Въ книгѣ З. Рагозиной, Исторія Халдеи, прочиталъ я тоже о несчастныхъ дняхъ:

„У шумиро-аккадіянъ послѣдній день каждой четверти луны считался „тяжелымъ" днемъ — проклятымъ. Такимъ образомъ 7, 14, 21, 28 и еще, почему-то, 19 день каждаго мѣсяца были у нихъ несчастными. Дни эти назывались — саббатувъ".

*

Святцы, память, Горе отъ ума, стихи, кулинарія, цвѣты, и дни, а на послѣднемъ листкѣ — „7-ой классъ въ 1853 г." — тридцать восемь фамилій выпускныхъ гимназистовъ и противъ каждой фамиліи служебная судьба — „уланъ, въ Оругѣ, въ сенатѣ, чиновн. особ. порученій," и среди нихъ Нечай Алекс. Иван. и противъ меленькими буковками —

у м е р ъ

1918 г.

Святцы

сошное

I

Дьяконъ Василій Яковлевичъ былъ родоначальникъ фамиліи Звѣздкиныхъ — до него міръ не существовалъ.

Дьяконъ былъ настоящій кондовый русакъ.

Отслуживъ службу и надѣвъ зипунъ, съ топоромъ въ одной рукѣ и съ ружьемъ въ другой, уходилъ дьяконъ въ глухія лѣсныя дебри и болота, окружающія село Пахтаново, ставилъ силки, охотился за мелкой дичью и, подобно Ісаву, обременный добычей, возвращался съ лова.

Малъ былъ доходъ дьякона отъ поповки, но дьяконъ былъ мужъ доблій и дѣятельный. Кромѣ домоустроенія, дьяконъ создалъ своими руками, съ помощью топора и ножа, самодѣльные стѣнные часы съ гирями и такимъ звѣрскимъ боемъ, что какъ бывало забьетъ полночь, всѣ собаки по селу встрепенутся и лай подымутъ ужасный, какъ на самаго страшнаго звѣря.

Пахтановскіе воры и разбойники на эти самые часы сколько зарились, да подступиться къ дьякону не было никакой возможности.

Накрѣпко заказалъ дьяконъ своимъ потомкамъ: и пяди не отходить отъ дому безъ топора, о чемъ мнѣ самому довелось слышать отъ сына его Петра Васильевича, протопопа села Середы Упиной.

Съ отцомъ Петромъ породнился знаменитый блудоборецъ и князь обезьяній Иванъ Александровичъ Рязановскій, появшій дщерь его, внучку стараго дьякона, Александру Петровну Звѣздкину, и нынѣ цвѣтущую здравіемъ и благодушіемъ.

Разбирая послѣ покойнаго протопопа бумаги вмѣстѣ со свойкомъ Рязановскаго Димитріемъ Ивановичемъ Лебедевымъ, который безжалостно металъ въ пещь вещи нужныя и ненужныя, и, замѣтивъ, что ввергаетъ попъ въ огонь нѣкую малую осьмушку, я удержалъ его волосатую длань.

И воздѣйствіе мое было не напрасно.

Крупно грубо исписанная книжка, желтоватая, какъ самъ тульскій пряникъ, съ орденскимъ чернымъ крестомъ въ двухъ кругахъ и съ красной сургучной печатью.

сии свяцы и молитвы принадлежатъ
села Пахтанова старому Діакону
Василью Яковлеву Звѣскину
1850 года Сеньтября 1 дня.
Аминь.

II

Пряникъ стараго дьякона увѣсистый.

Въ немъ все: и для души, и для ума, и для дома.

Основа — святцы.

Святцы 1812 года на всѣ дни: съ сентября — начало новаго лѣта — по сентябрь — ключъ и конецъ.

Койма — молитвы: истинныя — каноническія и ложныя — отреченныя.

Дьяконъ начинаетъ по-правильному, слово въ слово выписывая молитвы изъ канонника:

Ангелъ предстатель съ небеси посланъ —
О, пресладкій и всещедрый Іисусе —

Ангеловъ Творче, и Господи силъ —
Святый Ангеле, предстояй окаянной моей души —
Ангелъ Христовъ святый, къ тебѣ припадая, молюся —
О, пресвятая Госпоже, Владычице Богородице —
Моленіе мое прими убогое и плача моего не презри —
Судіи сѣдящу, и ангеломъ стоящымъ —
Малъ бехъ въ братіи моей —
Преблаги Господи —
Благодаримъ Тебѣ, Создателю —
Паки занятъ быхъ окаянный умомъ —

Къ этимъ молитвамъ присоединяетъ дьяконъ и нѣкую науку и уставъ для памяти:

— Годъ имѣетъ двенадцать мѣсецовъ. Дней въ году простомъ триста шездесятъ пять, въ четверьтомъ же году, которой называется высокосъ, прибавляется еще день.

— Временъ въ году четыре: весна, лето, осень, зима.

— Человѣкъ имѣетъ пять чустъ: зрение, слухъ, обоняние, въкусъ, осязание.

— Дела милости, телу принадлежашія: алъчушаго напитать, жаждушаго напоить, нагаго одеть, страждушаго въ домъ въвести, немошнаго посетить, ходить въ темъницу, искупать пленыхъ, умерьшаго погребать, согрешаюшаго исправить, неумеюшаго наставить, сомнящему добросоветовать о спасеніи Господа молить, печальнаго утешить, сносить несправедливость съ теръпениемъ, долги прошать.

— Смертныя грехи: гордость, сребролюбие, гневъ, невоздержание, зависть, уныние, клевета.

— Грехи противъ Бога: излишнее упованіе на милость Божию бесъ творения добрыхъ делъ, отъчаяние милости Божией, сопротивление явное. Помни 4 последнія: смерть, судъ, адъ, царствие небесное.

Но дьякону мало обычныхъ молитвъ, установленныхъ и освященныхъ, сошная душа его испытываетъ милосердіе и другими молитвами, не входящими ни въ какіе каноны:

Кресте чесны —
хранитель души и телу!
буди ми образомъ своимъ:
бесы низлагая,
враги отъгоняя,
страсти упраздняя.
благословение даруй ми,
жизнь и силу
содействиемъ Святаго Духа
и честными Пречистыя мольбами.

Такъ стихомъ умиленнымъ молится дьяконъ кресту.

И еще есть молитва — стихъ подорожный — не окончилъ его дьяконъ:

Боже, Боже нашъ,
истинъ и живы путъ путешестваы
со слугою своимъ Иосифомъ,
спутешествуй Самъ, Владыко,
и рабу Твоему Василию!
всякаго вреда обуреваніе
и наветы вражия,
миръ, благомошие,
всякия правды устрой,
промыслъ творяша по заповедемъ
Твоимъ.

И на отдѣльной запискѣ, — въ святцы вложена, — крупно записана сошной рукой „вторая молитва“ — стихъ покаянный:

!

яже Петрово приемы рыдание,
пріими мое, Христе, покаяніе,
и даруй ми согрешені прощеніе.
Аминь.

И еще есть у дьякона особенная молитва — заговоръ на воду отъ внутренней болѣзни — молитва къ матери сырой землѣ, къ батюшкамъ вѣтрамъ.

Стоитъ дьяконъ надъ шайкой, долгіе волосы на лбу смоклись, — мѣсяцъ молодой справа ему свѣтитъ —

Троице единосущная и нераздельная!
Благослови меня, Господи,
сии ключи тецши, насъ обращающихся,
в едину реку —
стекайтесь ключи
чистъ и непорочен-а раба Божия,
спасите!

чиста и непорочна
ходатаиницею со аньхеломъ своимъ
сия вода — матушка,
и мать сыра-земля,
прости мя грешнаго,
раба Божія Василія,
что я на тебя поступилъ
безъ Божия благословения
и безъ родителя батюшка!
и сии ветры,
простите мя грешнаго

матушка сыра-земля
и батюшки сии ветры,
отпустите мя
отъ внутренней болезни!
я, рабъ Божій, обещаюсь
вечерню и утреню зарю
Исусову молитву на каждый день
отъ внутренней болезни.
Аминь.

III

О здравіи душевномъ и тѣлесномъ непрестанно проситъ дьяконъ у Бога, у Матери Божьей, у Ангела хранителя — у матушки-воды, у матери сырой-земли, у батюшекъ-вѣтровъ.

А есть у него и другая забота: пчела.

Но пчелиной молитвы въ молитвенникѣ нигдѣ не найдешь, такой нѣтъ и быть не можетъ, пчелиной! И вотъ вписываетъ дьяконъ въ свои завѣтные святцы з а г о в о р ъ н а п ч е л у.

Сталъ дьяконъ по утренней зарѣ на своемъ пчельникѣ — рубинскомъ рубищѣ, чуть слышно перебираетъ губами, шепчетъ — слушайте! — его слова, какъ цвѣтъ, и душисты, какъ полевой цвѣтокъ, и крылья лебединыя и сила лебединая —

Господи, благослови на сей день Господень
отъ Духа Святаго,
и печать Христова —
Спасова рука,
Пречистой замокъ.

Анъгелъ мой хранитель,
сохрани мою душу
и скрепи мое сердце!
Врахъ-сатана
— худыя дела —
отъшатись отъ меня,
отъ моего пчельника.

есть у меня крестъ Господень,
а на томъ кресте написано:
четыре евангелиста —
Лука, Маръко, Иоанъ Богословъ, Матъѳей,
Зосима и Саватей,

и Никита, Христова мученикъ,
за Христа мучился,
за наши труды спасеные.

выду я, рабъ Божий,
из дверей во двери,
из воротъ въ ворота
под утренюю зорю
и под вечеръную зорю
Встану я лицомъ
на рубинъскомъ рубище
и подъ луной Госпóдень месецъ.
и какъ ты, светлый месецъ
светишь солънышку,
и такъ посвети въ своемъ пчельнике
своей —
моей пчелой,
пчелиной матъкой!
и та пчела-пчелица,
Божия царица,
даетъ тебе Господь
лебединыя крылья
и лебединую силу
полетишь ты, пчела,
во чистыя поля,
во зеленыя луга,
где не гуляй — не летай,
ко мне на пчельникъ прилетай!
и какъ царь царитъ на царъстве,
и такъ мне царить на-тобой,
надо пчелой.
и ты, пчела-пчелица,
полетишь на полетъ
добра и весела.
сама на чужую не летай,
а чужую на себя не пущай.

отыкаю сей пчельникъ
божественъным молитвами
и стихами херувимъскими,
запираю сей пчельникъ
замъкомъ и ключами.
те ключи положимъ Господу
на престолъ и на предъставительство
когда соидуца Зосима и Савати,
соловецъки чудотворъцы,
оне молятъ и просятъ
у Царя Небеснова Бога
о своей пчеле и пчелиной матъке.
я васъ утверъждаю
молитвою
отъ глаза и от уроку
и отъ нечистаго духа.
молю я Михаила Аръхистратига
Божия,
помози мне, рабу Божию,
за всею пчелою поводиться
во векъ века
Аминь.

Пчела готова — будетъ медъ. Хорошо съ медомъ чаю попить! Испечетъ дьяконица къ празднику медовыя оладьи. Господи, и до чего это хорошо медомъ пахнетъ!

Съ пчелой готово, надо о рыбѣ подумать — безъ рыбы въ постъ никакъ не проживешь.

Но и рыбьей молитвы, какъ и пчелиной, нѣтъ такихъ молитвъ. И записываетъ дьяконъ въ святцы заговоръ на рыбу.

Вышелъ дьяконъ подъ вечеръ на рѣчку, сталъ на бережку, наклонился на правый бокъ и забурчалъ — какъ струя, бѣгутъ слова:

лягу я, рабъ Божи, помолясь,
въстану, перекрестясь
умоюся водою,
утруся полою.
пойду я, рабъ Божи,
изъ дверей во двери
изъ воротъ въ ворота
во чистое поле,
во зеленые луга,
на свежия воды
жерълички постановить
рыбъ плаваюшихъ половить.
рыбѣ половленіе,
а врагамъ на прогоненіе,
а мнѣ, рабу Божию, на прокормленіе

IV

Для души — молитва, для дому — своя молитва.

А есть такая молитва — такое слово, что и о душѣ и о домѣ. Есть такое слово — оберегъ всей жизни: всю твою жизнь стѣной огородитъ и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

И такимъ словомъ, ограждающимъ отъ бѣдъ и напастей, былъ для русскаго человѣка —

Сонъ Пресвятой Богородицы.

Не вѣкъ, не два, при великихъ еще государяхъ, царяхъ и великихъ князьяхъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцахъ, пошло по Руси это слово, и не было дома, гдѣ бы не хранили, какъ святыню, чтя этотъ Сонъ Богородицы, какъ Николу, и вѣря, какъ въ свѣчу четверговую.

Дьяконъ, имѣя въ умѣ всѣ молитвы моленныя и заговорныя, и неослабно памятуя, что въ году триста и шестьдесять пять дней, временъ же года четыре, а чувствъ у человѣка пять, и что надо сносить несправедли-

вость съ терпѣніемъ, вѣруя и ожидая отъ Креста послѣдняго себѣ спасенія со всей родиной своей дремучей, Русью крестной, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вписалъ въ свои святцы —

Сонъ Владычицы нашея Богородицы,
присно девы Маріи

Егда почивала Пресвятая Богородица во святомъ Граде Вифлееме иудеистемъ въ марьте месеце въ четверьтомъ часу дни и прииде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ истины и единородны Сынъ Божи. И рече ей, Матери Своей:

„Спиши ли, Мати Моя, или не спиши и что во сне видеши? Востани и повешъ ми!"

И возбудися отъ сна своего Мати Божия и рече Сыну своему Іисусу Христу:

„Видела я про Тебя, Господа моего Іисуса Христа Сына Божия, сонъ страшенъ и вельми грозенъ зело. За семъ дней воскресения твоего во градѣ Вифлееме іудеистемъ воскресилъ праведнаго друга Божия Лазаря, а за шесть дней воскресения Твоего ехалъ Ты, Сынъ Божи, на жеребяти осли со ученики Своими во гратъ Іерусалимъ и дети евреиския стретаху Тебя, Сына Божия, ветви деръжаху въ руцехъ своихъ и подъстилаху ризы своя по пути и вопияше Тебе, Сыну Божию: Осана вышнихъ благословенъ гряды во имя Господне, Царь Израилевъ! А за три дни воскресения Твоего, вливая воду во умывальницу и нача ученикомъ, ноги умывати и ленътиемъ утирати, и по семъ единъ отъ ученикъ Твоихъ, имененемъ Іюда Іскариотьски продаде Тебя, Сына Божия, окаяннымъ жидамъ на тридесяти сребреницъ. И они, жидове, советъ сотво-

риша, какъ бы Тебя, Сына, поимати и распяти. И поидоша къ Тебе, Сыну Божию, на потокъ кедръски со оружіемъ и дреколиемъ, аки на разбоиника, мужей петихъ турокъ. Іудее взяша Тебя, Сына Божия, и связаша Тебя, Сына Божия, и связаша ужема железными и облекоша въ багряную ризу и теръновъ венецъ соплетоша Тебе, Сыну Божию, и на главу Твою святую возложенъ бысть, и по святому лицу Твоему биша и плеваша и заушиша. И приступи къ Тебѣ, Сыну Божию иудеи и удари по святому лицу Твоему и рече: Радуйся Царь Иудейски! И поведоша Тя на дворъ Капяфофъ и биша тамо, и къ столъпу привязаша Тя и биша вскимъ оружиемъ и дреколиемъ. И повеле Пилатъ вести Тебя, Сына Божия, на пропятие на гору Голъгофу. И на трехъ древахъ — на кипарисное и на певке распяша Тебя, Сына Божия, руце и нозе гвозми пригвоздиша. И съ Тобою распяша два разбойника. И повеле Тебе, Сыну Божию, на запатъ лицемъ зрети. И единъ отъ воинъ, именемъ Логинъ, копиемъ ребра Твои прободоша и авие изъ ребръ Твоихъ, аки речная струя, течетъ на землю. Отъ крови Твоея обагришися земля. Тогда Никодимъ старецъ, Иоанъ Богословъ пречистое тело Твое со креста съняша и благообразны Иосифъ, плащаницею чистою объвифъ, и во гробѣ нове положивъ, и погребоша тело Твое святое. И на гробъ привалиша камень великъ и страшенъ и стражие поставиша римлянъ, иудеевъ до тысеши человекъ. А по утру рано приидоша ко гробу жены мироносицы помазати тело, узреша аньгела на камени седяша и ужасошася. Глагола къ нимъ аньгелъ: „Что ишете живаго съ мерьтъвыми, что плачите нетленаго во тли, шедше проповедите ученікомъ, Его, яко воскре Христосъ, яко естъ Сынъ Божи избавитель всего мира! А крестъ делалъ Тебѣ, Сыну Божию, Симонъ Киринеиски. А по воскресени Своемъ Сынъ Божи Фому уверивъ. А в четыредесятны день вознесения на небеса, а въ пятьдесяты день посла на землю Духъ Свой Святы на святыя своя ученики и апостолы, отого часа бысть разделение языкомъ

многимъ странамъ. И виделъ есть неки старецъ Пафнути, всегда размышляше страданія Христово, того ради горьце рыдаше, явися ему Іисусъ Христосъ и сказа ему страдания Своя вся отъ Святаго Духа отъ великаго четьверътька даже и до погребения, самъ въ воздыхани серьдечномъ бысть. Испусти ранъ Іисусъ сто, 509 разъ смерьтны ударени принялъ, девяносто ударовъ въ колени принялъ, семъ тысечъ семьсотъ пять ударовъ въ ноги принялъ, 12 расъ истече крови каплей изъ Христа, три тысечи капли по главе, тысеча расъ возложенъ бысть венецъ терьновы на главу Твою святую, и за власы влачимъ по земли и ко кресту пригвожденъ бысть, плевотинъ въ лице принялъ 83, падалъ на землю много разъ. Тогда сонъце померькше, луна въ кровь превратися, ибо и земля потресеся и церьковная завеса раздрася на двое, и мерьтвыя изъ гробовъ восташа, и тогда тма бысть по всей земли отъ шестаго часа до девятаго“.

И реклъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истины, единородны Сынъ Божи, Спаситель въсего мира:

„О, мати моя возлюбленая Пресвятая Богородица, воистину не ложенъ сонъ твой праведенъ, но все сие сбылоса. Аще которы человекъ въ чистоте носитъ, тому человеку на всякомъ месте милосерьдие Божие и путь ему никто и отворитъ и гад его на землу не уязъвитъ, но и отъ убиения на лесу и отъ заблуждения, отъ злаго человека и отъ напрасныя смерьти и вскори тишину, въ торьгахъ и промыслахъ прибыль, на моряхъ тихое пристанище, въ беседе честъ, на суде превознесется. Аще которы человекъ сонъ Пресвятыя Богородицы въ дому своемъ дерьжитъ, хотя мужески, женьски полъ, хотя и неграмотной, къ тому дому ни огнь, ни тать, ни разъбоиникъ и никое зло не прикоснеца и нечистой духъ не приближица и отъ грому и бури наносимыя и отъ лукаваго человека, рабомъ и рабынямъ здравие будетъ, скоту приплодъ и въ дому женамъ беременымъ лехкое рождение и избавитъ ея Господь Бохъ отъ всякия скоръби и бо-

лезни, сказавши тебе слова: „Іисусе, укрепи мя и сохрани мя отъ всякаго зла во дни и въ нощи и въ каждую годину!“ Аще которы человекъ сонъ Пресвятой Богородицы при смерьти своей помянетъ или заставитъ кого прочитать, тотъ человекъ милость мою будетъ иметь при смеръти своей. И азъ самъ сойду и мати моя возлюбленая Пресвятая Богородица, и аньгели хранители возмутъ душу его, и избавлю отъ огня негасимаго и отъ червя неусыпаемаго и тарьтарара преисподняго и отъ кромешныя тмы. И приидутъ анъгели Божи и возмутъ душу его и донесутъ до царъствия небеснаго и ододутъ Аврааму въ рай — всегда, ныне и присно и во веки вековъ“

Аминь.

★

Тутъ и всѣ святцы.

Сорокъ и семь лѣтъ трудился надъ ними старый дьяконъ, храня ихъ у кіота, съ крѣпкой вѣрой въ силу молитвы и слова, безъ разсужденій.

И какъ перевалило за седьмой десятокъ — всѣ молитвы давно ужъ на память затвердилъ дьяконъ, — повезъ онъ завѣтные святцы изъ своего галицкаго Пахтанова въ нерехотскую Середу Упину и собственноручно передалъ ихъ на соблюденіе сыну-протопопу.

На последнемъ листѣ святцевъ положена рукою протопопа надпись:

привезенъ родителемъ моимъ
1859 года генваря 12-го дня
и оставленъ въ наслѣдство.

1914 г.

Печати

рѣзь всяческая

Я старый человѣкъ, я совсѣмъ отжившій человѣкъ, все прошло мимо меня. И отъ всей жизни только и осталось мнѣ сидѣть за старымъ письменнымъ столомъ съ изрѣзанной клеенкой и перекладывать съ мѣста на мѣсто перо, сургучъ, перечинный ножикъ.

А въ моей жизни все было, какъ водится, и любовь и предательство, и все свилось туманнымъ клубкомъ и исчезло.

Сейчасъ я вспомнилъ себя молодымъ ученымъ. Я прохожу мимо шумящей толпы голубыхъ воротниковъ и слышу за спиной шопотъ:

— Наша будущая знаменитость!

Но изъ меня настоящій ученый не вышелъ, все пошло прахомъ и никакая я не знаменитость.

И вотъ другія воспоминанія заслоняютъ аудиторію, книги, голубое: балконъ большого деревяннаго дома въ Грузинахъ, воркующій звонъ гитары и старинный цыганскій романсъ —

и вижу я темныя косы, и слова мнѣ звучатъ изъ темени сердца —

Въ темныя осеннія ночи, когда шумитъ за окномъ и дождикъ бьетъ по стеклу, я коротаю часы за своимъ ста-

рымъ столомъ. И когда мысли отъ повтореній свиваются въ безмысленную нить, я отодвигаю ящикъ стола, беру коробку съ печатями.

Еще съ дѣтства пошла у меня привычка отстригать сургучныя печати у писемъ. Писемъ я никогда не хранилъ, ни дорогихъ, ни безразличныхъ. А печати берегъ.

★

Печать моего отца — на блѣдномъ сердаликѣ вырѣзанъ воинъ съ копьемъ передъ жертвенникомъ, сжигающимъ маки, а по бокамъ буквы.

Я хорошо помню эту печать: она стояла около чернильницы и я подходилъ и любовался ея золоченой ручкой, — рѣзьба неясная, русская.

Гнѣвный взглядъ отца и эта печать — нераздѣльны.

★

Печать предводителя дворянства съ фамильнымъ гербомъ: держатели — рыцарь и левъ; на нашлемникѣ рука съ мечомъ. Это нашъ дальній родственникъ, двоюродный дядя — гордый и важный.

Фамильная печать вдавила сургучъ на поздравительномъ письмѣ по случаю полученія мною кафедры. Вѣроятно, потомъ стыдился своего неудачливаго племянника.

★

Печать со снопомъ внизу, а сверху:

— с е л а н а т а л ь и н а к о н т о р ы —

Это печать родовая, — многимъ мои дѣды владѣли! Кто теперь хапнулъ, не знаю.

★

Печать братства: крестъ и вѣнокъ.

Печать на письмѣ дьякона, просившаго о помощи.

★

Самая красивая печать: всадникъ на бѣшеноскачущемъ конѣ съ мечомъ — литовская погонь.

Помню, змѣиная шея коня меня пугала.

Эта печать знатнаго моего предка: онъ принялъ ее въ воспоминаніе своего ратнаго дѣла — однажды верхомъ, во всемъ вооруженіи, съ обнаженнымъ мечомъ онъ влетѣлъ на пылающій мостъ крѣпости.

★

Печать безымянная, а говоритъ она мнѣ больше всѣхъ.

Въ треугольникѣ крестъ, пылающее сердце и якорь.

— в с ѣ х ъ мое б л а ж е н с т в о —

Это отпечатокъ нѣжной женской руки и души жестокой, ей я обязанъ всѣмъ моей жизни.

★

Печать — А-П-З — печать моего учителя.

Она такъ же бездарна, съ своими славянскими буквами, какъ и ея владѣлецъ.

★

Портретъ генерала безъ подписи: всѣ, должны знать знаменимость.

★

Нескромная: орлиная сядь дождитъ на опрокинутую корону — это князь Асланбековъ.

★

Большая печать: голый, сидящій среди степи, изъ устъ его — матъ. Это князь Вяземскій, а какой, не знаю.

★

И послѣдняя — больше не буду — печать блудоборца и князя обезьяньяго Ивана Александровича Рязановскаго: на дымчатомъ топазѣ гусь съ мѣшкомъ денегъ на лугу —

— mon oye fait tous —

Этой печатью запечаталъ письмо послѣдній и единственный пріятель, съ вѣжливымъ предложеніемъ прекратить знакомство.

1917 г.

Обрывышъ

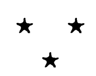
милицейское

Хорошо благоухаетъ жаркимъ лѣтомъ отъ скошенной травы, только что скошенной подъ жаркимъ солнцемъ.

Хорошо среди свѣжаго сѣна въ тѣни на ступенькахъ сарая, когда все, что можно глазомъ окинуть, залито золотящимъ солнцемъ, и легкій вѣтерокъ наноситъ запахи калуфера, мяты, чебыря и дикаго шиповника.

Въ одинъ изъ такихъ дней, я, бездомный, присѣлъ вотъ такъ на спускъ у бревенчатаго сарая, въ который только что входили хозяйственные мужички, обобравшіе до-чиста владѣльца. На бревенчатомъ скатѣ я и увидѣлъ эти вотъ обрывки бумаги и цѣльный голубой листъ.

Почеркомъ начала прошлаго вѣка крупно: „Аттестатъ“, а дальше — Ковырневъ.



Данъ сей находящемуся во 2-й колонне костромской подвижной милиціи штабсъ-капитану Ковырневу въ томъ, что онъ находился въ службе сначала съформированія третьяго отделенія подвижной милиціи 2-го баталіона рот-

нымъ начальникомъ, потомъ въ походе со второю колонною до города Вереи, командуя ротою, а изъ онаго до Могилева пятисотеннымъ командиромъ, изъ сего изъ последняго отъправленъ мною былъ съ препорученною ему командою ратниковъ въ города Смоленскъ и Оршу, гдѣ здалъ техъ ратниковъ во всей исправности, и во все время продолженія служенія его должность, на его возложенную, исправлялъ со всею исправностію и деятельностію, велъ себя, какъ прилично хорошему и радителному офицеру, въ штрафахъ и подозреніяхъ никогда низа что не бывалъ, во свидетельство чего сей аттестатъ ему, господину Ковырневу, за подписаніемъ моимъ и данъ.

Сентября 9 дня 1808 г.
Надворный совѣтникъ и кавалеръ Н. Нелидовъ.

*

Ковырневъ? Что-то знакомое. Но это, конечно, не онъ. И не сынъ и не внукъ, а правнукъ человѣка изъ аттестата: узкогрудый прапорщикъ.

И вспомнился мнѣ Саша Ковырневъ: застѣнчивый, неловкій и на лицѣ, какъ тѣнь, обреченность. На войнѣ, дѣйствуя керенскимъ убѣжденіемъ, онъ былъ истоптанъ солдатскими сапогами.

Ковырневъ? Безцѣльно погибшая жизнь.

1918 г.

Цыфры

символическое

Прельстительная слагаемость цыфръ, тайность знаковъ —

6 — земная жизнь.
7 — царство ангеловъ.
3 — небесное знаніе.
666 — страшное число человѣческое.

Какое богатѣйшее поле для самыхъ головоломныхъ задачъ и невѣроятнѣйшихъ открытій, а сколько страсти въ исчисленіяхъ.

Я зналъ одного числителя, который пропадалъ надъ цыфрами, и счастливѣе человѣка я не видѣлъ.

Въ числахъ и цыфрахъ есть волшебная притягательность.

Помню въ Казани на пыльной толкучкѣ, перебирая съ Ивановымъ-Разумникомъ книжное старье, я изъ разрозненныхъ листковъ старыхъ бумагъ вытащилъ листъ — я помню свое чувство и какъ ревниво спряталъ я этотъ порозовѣвшій отъ прели листъ и какъ ждалъ ночи, чтобы тихонько одному разобрать таинственныя цыфры — листъ былъ весь цыфровой.

* *
*

Нѣчто о рожденіи и о жизни и о царствованіи и о кончинѣ

Императора Александра Павловича

Во-первыхъ, слова изъ Апокалипсиса:

— и посла мирови Ангела кротости —

Извѣстно, что всякая буква по церковному счисленію означаетъ число. И такъ всѣ числа, буквамъ словъ Апокалипсиса соотвѣтствующія, будучи сложены вмѣстѣ означаютъ годъ, въ которомъ родился Императоръ, а имянно:

8-80-70-200-30-1 40-10-100-70-2-8
и-п-о-с-л-а м-і-р-о-в-и
1-50-3-5-30-1 20-100-70-300-70-200-300-8
а-н-г-е-л-а к-р-о-т-о-с-т-и
= 1777 годъ рожденія.

Во-вторыхъ, Императоръ родился 1777-го года въ двенатцатомъ мѣсяцѣ года, т. е., въ декабрѣ 12-го дня, воцарился 1801 года въ третьемъ мѣсяцѣ года, т. е. въ мартѣ 12-го дня, скончался 1825-го года въ одиннацатомъ мѣсяцѣ, т. е., въ ноябрѣ 19-го числа. Напишитѣ цыфры, одни только годы означающія, одну подъ другой такъ, чтобы онѣ занимали мѣсто единицъ и сложите, выйдетъ лѣта жизни Императора, а имянно:

1+1+1+1+1+8+0+1+1+8+2+5= 48 лѣтъ,
столько Императоръ жилъ.

Въ третьихъ, напишитѣ цыфры, мѣсяцы означающія, одну подъ другой на мѣстѣ единицъ; а подъ ними напишитѣ цыфры, дни означающія, такъ же одну подъ другой на мѣстѣ единицъ, и сложите всѣ вмѣстѣ, выйдетъ время царствованія Императора, а имянно:

Родился	въ девенатцатомъ мѣсяцѣ	1 + 2
	въ двенатцатый день	1 + 2
Воцарился	въ третьемъ мѣсяцѣ	3
	въ двенатцатый день	1 + 2
Скончался	въ одиннатцатомъ мѣсяцѣ	1 + 1
	въ девятнатцатый день	1 + 9

24 года царствовалъ

Въ четвертыхъ, число 12 примѣчательно: Императоръ родился 12-го мѣсяца и 12-го числа; шведы осадили Кронштатъ 1789 года, тогда Императоръ имѣлъ 12 лѣтъ от роду; Императоръ воцарился 12 марта, имѣлъ 24 года от роду, что составляетъ дважды 12; при изъгнаніи французовъ изъ Россіи въ 1812 году Императоръ имѣлъ от роду 36 лѣтъ, что составляетъ трижды 12; Императоръ скончался, имѣя 48 лѣтъ, что составляетъ четырежды 12; Императоръ царствовалъ 24 года, что составляетъ дважды 12; на послѣдокъ Императоръ былъ боленъ 12 дней.

Въ пятыхъ, наканунѣ кончины Императора 18-го ноября на петербурскомъ театре представлена была піеса

— послѣдній щастливой день —

а 19-го ноября назначена и объявлена от того же театра піеса

— Ужасная ночь —

1918 г.

Кляуза

дьячье

Потемнѣвшій столбецъ безъ начала. Не строчки на немъ — писано въ перекрестъ — узоры затменные, хитроумье великое. А выводила эти узоры дьячья рука.

Записалъ дьякъ для памяти, какъ все пишется. Для дѣла все писалъ, справку сдѣлалъ — и другому въ науку и себѣ въ память — чтобы доложить ближнему боярину;

— Я, молъ, ту челобитную читалъ и по отвѣтчику читалъ, все я, дьякъ, знаю.

Развернувъ на лѣвой ладони свитокъ, станетъ дьякъ боярину вычитывать, раскрывая сокращенія и буквы цѣликомъ —

х. т. — выговоритъ полностью — холопъ твой,
с. п. — скажетъ — смилуйся, пожалуй,
о. — пойдетъ за отвѣтчика,
и. — за исца.

Затрясется дьячья бороденка, а бояринъ будетъ слушать, браду свою уставя.

Такъ крѣпло кляузное дѣло, юриспруденція по нашему, въ Столбцовой Руси и не одинъ затылокъ трещалъ отъ него.

Въ ничью сошли и челобитчикъ, помѣщикъ деревни Халуи, Самуйла и крѣпостной его крестьянинъ Павелко Семеновъ, и послухъ Павелки Якимко Семеновъ, и самъ

дьякъ новгородскій, и одинъ остался узорный свитокъ — на Вергежѣ хранится у Аріадны Владимировны Тырковой.

Да еще остался кошель съ серебряными мордовками и копейками — находятъ вездѣ ихъ, копая у тихихъ повалившихся избушекъ Новгорода. Много найдено серебра, разошлось по рукамъ, лежитъ по музеямъ, а много еще въ землѣ дремлетъ, дожидается своей очереди.

А имя этому серебру хабаръ — благодарствіе за кляузу дьяческую.

В нынѣшнемъ двѣсте четвертом году (1696) бил челом тебѣ, великому государю, на меня, холопа твоего, крестьянин Медвѣцкого погоста деревни Ушна Якимко Семеновъ о крестьянине о Павелке, по стачке назвав напрасно себѣ родственником. И по тому ево челобитью он, Павелко, взят был в Дворцовой Приказ и допрашиван. А в допросѣ сказал, бутто он зарубежской выходец, а жил де отецъ ево и онъ, Павелко, родился в Орѣховском уѣзде, и бутто имал в прошлых годѣх ваше великого государя жалованье і бутто крепостей никаких не давывал. И по моему, холопа твоего, челобитью он, Якимко, допрашиван. А в допросѣ сказал, бутто де онъ чисто ему, Якимку, родной брат і бутто жил за рубежем в Копорском уѣзде, а не в Орѣховском, по чести он, Павелко, ему, Якимку, бутто родной брат или родственник, на то свидетелей не поставил і никого в допросе своем не объявил и, знатно, что он, Якимко, бил челом об нем, Павелке, стаковся с ним, Павелком. А он, Павелко, в прошлых годѣх дал мнѣ, холопу твоему,

на себя крѣпость, а в крѣпости списался работным человѣком, а не зарубежским выходцом. Смилуйся, пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, против сего моего челобитья о том с ним, Якимком, дать свой, великого государя, суд, а я ево, Якимка, и стачна ево с ним, Павелком, уличю.

. . . .

1917 г.

Помѣщикъ

столичное

Милостивъ славный генералъ Петръ Петровичъ Чичеринъ.

Посмотрите, съ какими напыженными милующими губами, снисходящими до твари тротуарной ѣдетъ онъ неспѣшно по нарядному воскресному Невскому всякому въ глядь и въ дивь.

Ходилъ онъ и подъ поляка и подъ турку, вездѣ прославился, пожаловалъ его государь генералъ-лейтенантомъ и сердце его умилилось.

Сидитъ Петръ Петровичъ въ голубомъ атласномъ халатѣ, склонился надъ письменнымъ столомъ, бѣлая пухлая рука съ бриллiантомъ быстро бѣгаетъ по бумагѣ. Пишетъ Петръ Петровичъ приказъ подданнымъ своимъ — въ этомъ году первый.

Первый ясный день въ Петербургѣ.

И на душѣ ясно и нарядно.

Сверху надъ столомъ смотритъ прямо большой портретъ — грустные большiе глаза, сжатыя губы, на плечахъ мантилья.

А Петръ Петровичъ не замѣчаетъ, пишетъ и пишетъ.

Изрѣдка отклонится, сдѣлаетъ пушку въ янтарномъ мундштукѣ, затянется и опять писать.

* *
*

№ 1 Генваря 6 дня 1843 года, С. Петербургъ.

Приказъ
Бурмистру Тиханову со Старостами.

Съ новымъ годомъ поздравляю васъ, равно въ вотчинныхъ селеніяхъ всѣхъ и всякаго, желаю съ дѣтками всякаго благополучія, новаго счастія и здаровья.

Къ Богу вѣра, къ Царю благоговеніе, усердіе и любовь собственнымъ своимъ Господамъ, вотъ путь къ счастію и благосостоянію вашему, слѣдуйте ему и Всевышній васъ не оставитъ своею милостію.

Получилъ я твои три донесенія, на которыя не отвѣчалъ по причинѣ моей болѣзни, нынѣ по милости Божіей чувствую себя лутче и занимаюсь дѣлами.

Благодарю за здѣланное молѣбствіе въ день ангела дочери моей Екатерины Петровны, вы исполнили долгъ добрыхъ и вѣрныхъ крестьянъ.

Во 2-мъ донесеніи увѣдомляете меня на щетъ старосты Эссакова: сіе донесеніе было писано не обдумавши. 1-ое, Эссаковъ служитъ подъ моими глазами, попѣченіемъ его о крестьянахъ, находящихся подъ его вѣденіемъ, я совершенно доволенъ: его стараніе неусыпно, онъ не упущаетъ хлопотать о выгодахъ и интересѣ крестьянъ, здѣсь находящихся, и доводитъ до моего сведенія всякой случай, которой бы былъ не въ пользу крестьянъ, по работамъ чрезъ меня по подрядамъ никакихъ платъ у нихъ ни задерживаютъ, — а по сему я не вижу причинъ, по коимъ онъ бы заслуживалъ быть удаленъ отъ должности. Естли онъ писалъ къ тебѣ, что желаетъ увольненія, то собственно отъ того мыслилъ, что ты со старостами его дѣйствіями былъ не доволенъ. Сіе грѣшно, ибо онъ усердно печется, какъ о крестьянахъ, такъ равно и о Господскомъ интересѣ, а по сему я ни нахожу справедливымъ удалять его отъ должности и оставляю на своемъ мѣстѣ.

Буде же что здѣсь дѣлается несправедливо и отъ меня скрыто, а дошло до вашего свѣденія, то въ такомъ случаѣ донести мнѣ въ подробностяхъ, тогда справедливости будутъ изъслѣдованы.

Во второмъ отношеніи пишешь на щетъ реэстровъ, онымъ заблаговременно присылка необходима, дабы не терять слѣдующихъ сроковъ ко взно́су оброковъ и суммы въ банкъ, сія статья довольно важная. А по сему по прибытіи моемъ въ вотчину въ нынешнемъ году непременно я со всѣми лично переговорю и употреблю возможное къ общей пользѣ и облегченію, будьте только исправны выплачиваніемъ недоимки и не заводите вновь оныхъ, то все конечьно я вамъ здѣлаю всякое добро.

Третье донесеніе пишишь о посылкѣ 2000 р. 50, получено, такъ и позравленіе на новый годъ, за которое благодарю съ дѣтками всю вотчину, начиная съ тебя.

Теперь я предлагаю тебѣ мое желаніе, исполненіе котораго здѣлаетъ мнѣ переворотъ, а въ послѣдствіи вамъ пользу. Буде усердіемъ можете выполнить, мнѣ нужно съ февраля мѣсяца 2250 руб. экстренно. Естли ты можешь перевернутся, то я изъ числа недоимочьныхъ вамъ часть прощу, ибо мнѣ сія сумма очень нужна, въ послѣдствіи я вамъ и самъ здѣлаю помощь. Буде возможно, постарайтесь самимъ слюбится, во всякомъ случаѣ тотъ часъ донести, буде возможно сію плату здѣлать или нѣтъ, дабы я могъ взять свои мѣры.

Прощайте, до свиданія, будьте здоровы и счастливы, я съ дочерьми вамъ кланяюсь.

Доброжелательно П. Чичеринъ.

1917 г.

Дружескія письма Астафьева и одно Козлово

усадебное

Отваженъ и гремячъ шишинскій помѣщикъ Василій Воиновичъ Замуровскій, усы у него аршинные.

Боялись его всѣ крѣпостные. Да что крѣпостные, бѣднякъ сосѣдъ Астафьевъ трясся не хуже Филипыча, какъ остановитъ на немъ суровый взоръ свой усатый Василій Воиновичъ.

Часу не знаешь, бывало, когда что придетъ. Дружба дружбой, а вдругъ да Василія Воиновича не умилостивитъ Анна Николаевна, жена его богоданная, и сгонитъ онъ со своихъ свѣтлыхъ очей Алексѣя Прокофьевича, друга перваго и покорнаго слугу своего.

Покорно слался всю жизнь кудрявой лозой у барскихъ ногъ кавказскій прапорщикъ покорный слуга Алексѣй Астафьевъ. И кормили и грѣли его усы замуровскіе. И было ему гдѣ преклонить голову его побѣдную.

Старый лакей Лука Терентьевъ бранилъ Алексѣя Прокофьевича прямо въ глаза.

— Объѣдаешь ты своего благодѣтеля. Брюхо у тебя двухъовчинное! (Говорятъ, случается, и о семиовчинномъ!) Пропасти на тебя, прорвы нѣтъ.

Невѣгласъ и охальникъ Лука! — какъ будто бы Алексѣй Прокофьевичъ не чтилъ своихъ благодѣтелей! А эти чувствительнѣйшія письма къ Василію Воиновичу!

Самъ Василій Воиновичъ въ своей вологодской усадьбѣ въ Шишинѣ переплелъ эти письма въ альбомъ на память о дружбѣ своей, да прибавилъ еще и письмо другого прихлебателя — Николая Козлова потѣшнаго, что въ застольные праздники скворцомъ пѣлъ на потѣху всей честной компаніи.

Хитеръ, пройдошливъ Николай Степановичъ, промоталъ онъ имѣніе двухъ женъ, третью прогналъ, а писалъ онъ письмо не безхитростно, кудрявымъ словомъ выговаривалъ:

„Слава ваша не умолкаетъ, гремящій, о источнике Вашего великодушія!“

Гдѣ ужъ равняться съ такимъ Алексѣю Астафьеву, весь онъ изъ преданности и покорности нелицемѣрный, слуга Василія Воиновича и матушки Анны Николаевны.

И всѣ-то они подъ крестами-голбцами упокоились: и Василій Воиновичъ — аршинные усы, и матушка Анна Николаевна, и Алексѣй Прокофьевичъ, и Николай Степановичъ, и Филипычъ, и Лука охальникъ, — сгнили давно ихъ косточки въ сырой землѣ, и лишь осталась память писанная, переплетенная въ пеструю папку съ красной, золотомъ тисненной, наклейкой:

„Дружескія письма Астафьева и одно Козлова“

Да еще другая память — нарисованная: маленькій человѣчекъ Василій Воиновичъ, а рядомъ верзила Алексѣй Прокофьевичъ съ подписью изъ устъ:

— Нутко, нутко, какъ сего дни поспали?

— Помиюй Богъ, какъ хойосо!

Да еще поговорка осталась, тутъ же надъ рисункомъ, Алексѣя Прокофьевича:

— Надо допросить: по чемъ рыбка продается, по чемъ сижокъ, снятокъ и рожъ на болотѣ?

* *
*

1

Въсемилостивишему моему Государу батушку Василью Воiнычу за все его милости и неоставление мою бедность миня призираите, а миня не оставляите своемъ милостямъ —

Вашъ покорны слуга
Алексей

★

2

Достопочтенейшая маминька Анна Николаевна, за все ваши милости и покровительство наiчуствительшую мою благодарнность, за все ваши милости докладыву Вамъ, не будетъ ли Вашева расположения i но бедность прошу сънабдить. Вы изволите знать о моеемъ сертукѣ, что онъ ветхъ, то и прошу Вашева благодеяния. Я надеюся на все милости, что вы милостямъ своеiмъ не оставите. Я надеюся Вамъ въпреть заслужить. Ежели Вы для милости отпустите меня въ гости, то я постараюсь Вамъ болей заслужить —

навсегда Вашъ покорны слуга
Алексей Астафъевъ

★

3

Милостивый Государь мой Петръ Михайлычъ и Милостивая Государони Парасковия Андреевна, и Володымеръ Петровичъ, и Матрене Ивановне, всемъ вообще свидетельствую свое усердное почтение. Уведомляю васъ о сибе, где я нахожусъ, — въ селе Шишине у батушка Василья Воiныча и у матушки Анны Николаевны. Его

фамиль такая же милостивая. Уведомляю васъ, остави миня у себя для Великого поста поговеть и въмисте помолится.

— Но и прошу тебя, господинъ Астафъевъ, со мной и розоговетца!

По милосте батушкава Василья Воиныча три рубахи есть, н-одну прошу Васъ, Парасковия Андреевна прислать мне рубаху новую, по прибытию моему Васъ буду благодарит. После Паски Христовой приду побываю. У тутъ, какъ будетъ угодно имъ, батушкамъ, опять ли к нимъ уйду, какъ прикажутъ. Сему подателю подайте рубаху, а коропка у васъ будетъ стоять до лета, а по выплате моего долъгу рубля шестидесяти копеекъ вы сами знаите, что я вамъ плачусъ, чемъ миня одолъжите, такъ вы знаите, что у миня за учиниковъ не все денъги получены —

прапоршикъ
Алексей Астафъевъ

Еше уведомляю, что я просилъ долъжности. Онъ говоритъ:

— Нетъ тебе никакой у миня долъжности, живи у миня на шчотъ канпаний, ты у миня будешъ сытъ и доволенъ!

Чево же болей у Господа просить, только долъженъ Бога молить за ихъ денно и нношно.

★

4

Милостивому моему Государу батушку Василью Воiнычы и Милостивой Государонее матушке Анне Николаевне, а потомъ и пошолъ и пошолъ и дошолъ до высокихъ вашихъ ко мне благодеяниевъ. Дай вамъ Богъ, чтобъ вы были милостивы, какъ ко мне, и такъ и ко всемъ къ нещастнымъ, и зашищали бы невиныхъ въ прав-

де, и за оное да навозградитъ васъ Богъ. Но себя я примеръ положу: я долъженъ Бога молить рано и поздно, по утру въстававъ и вечеру ложасъ, долъженъ Бога молить въобше. Васъ, Василей Воиинычъ, и съ Анной Николаевной за все ваши милости оказанныя прошу, батушка, и въпредь не лишить своемъ милостямъ, о чемъ буду васъ беспокоить. Къ Святой недиле хутъ сертучонько, не будетъ ли вашихъ милостей, хошъ какова небуть объносочка надеть для Светлова воскрисения Христова. И я бы по вамъ буто для празника вышелъ, какъ и быть дворянинъ, по милосте батушка Василья Воиныча и матушки Анны Николаевны.

*

5

Чувствую ненасие, не надобно и каленъдаря, тогда я хожу купаца, тогда мне лехче бываетъ, только миня съ купания ознобъ беретъ, но мне лехче бываетъ, моему здоровию бываетъ. Я и всегда въ дорроге и тимъ избавляюсь, а зимной порой, хоша въ печи выпярусъ, а всо холодной водой умоюсъ. На ходбе я прогульвуюся, на месте просиживаюсъ, думаю себе здоровия получить і темъ себя изънуряю, свое нездоровие теряю. Отъ свое невоздержности і слабости луче опять ити противъ съдороу, темъ болей здоровия буду —

Вашъ покорны слуга навсегда
Алексей Астафъевъ

*

6

Батушка Василей Воінычъ, о чемъ я Васъ беспокоітъ буду, — подъ заклатъ моихъ бумахъ для свадбы. Про-

сили миня на свадбу севоднишнаго числа, то и объясняюся Вамъ, куда надобны будутъ денъги. Надобно въ девишникъ подаритъ такъ же по мое бедносте гривеничекъ, и будутъ припевать девушки, надобно ихъ подарить, хоша пятакъ серебра, опять же зовутъ на красныі столъ молодыя и опять молодыхъ подарить въ чемъ мое будутъ достани, такъ же бы надобно и девушокъ подарить. Въ прочемъ остаюсъ Всемилостивишаго моего Государя Василья Воиіныча —

Вашъ покорны слуга
Алексей Астафъевъ

★

7

Милостивоі мой Государъ батюшко Василей Воинычъ, прошу Васъ покорниши, увольте миня сиводнишной день, куды я воижировать намеренъ, то и прошу Васъ миня не останавляйте. Я зделалъ Вамъ честь зашолъ, благодарилъ за все Ваши милости, за угошение, за хлебъ, за соль. Милости Ваши будутъ, я назатъ пойду исъ Чухломы, то за великое почту, хошъ на часъ зайду одъдохнуть, захочется пуще недели, потому что я теперя не усталъ, тогда дорогъ и часъ одохнуть.

Вамъ, матушка Анна Николаевна, осмеливаюсъ доложить, не будете ли чего приказывать со мною сестрице своей Графире Николаевне, я зайду къ нимъ. А для миня очень дорого стоитъ, захочется усталому человеку одохнуть или поведать, что будетъ Ваше приказание къ сестрице Вашей, то и мне будетъ посмелей затти къ нимъ, — есть Ваша добрая воля.

Василей Воинычъ, Вы миня упусти севодни доброволъно, а не то ежели я крадучи уйду, конечно, мне не хорошо, что я сказалъ екое слово противъ Вашего дому несовобриязяй своей башкой. Но долъжно мне быть

чуствительному за все мои повиности и гупости, долъженъ я завсегда за нихъ Бога молить за то, что они миня прошаютъ въ моихъ повиностяхъ.

Остаюсъ навсегда Вашъ покорний слуга
Алексей Астафъевъ

1833 года
Месеца Апреля 19 числа.

*

8

Матушка моя, сердобольной моя, Василей Воинъчъ, прошу Тебя въ бедность мою въкладу дополнить за тримя зделать репетицую. По слову удвой — удвоиша, утрой — утроиша, и будетъ Астафъевъ, тако мой покровитель и благоделъ! Не о чемъ васъ не буду въпреть не бу..у и беспокоить.

Для Сергя Николаича паталонишокъ какихъ-нибуть?

Вашъ поккорной слуха
Алексей

Летошняго месеца
Прошлогодняго числа.

*

9

Хорошай мой, батушко мой, благодетель и поровитель и милостивецъ мой, долъго мне съ Вами не видатъся — до Светътлаго Воскрисения Христова! Разве пойду въ Чухлому, тогда вамъ, батушко и матушка Анна Николаевна, еще поблагодару за все ваши оказаныя ваши милости и благодеяния и покровительсттва, за неоставления вашихъ милостей. Но и впъреть не лишить своемъ милостямъ меднного человека своемъ милостямъ, не

остате своемъ благодеяниямъ и покровительсствомъ! За все милости ваши долженъ вамъ рабъ сий служить —

Вашъ покорниши слуга
Алексей Астафъевъ

★

10

Милостивый Государь
Василей Воиновичъ!

Слава Ваша не умолкаетъ, гремящій, о источнике Вашего великодушія. За неоставлѣніе Ваше ко мне милости и я надеюсь, что Вы оставите меня до Празніка, и также и матушка Анна Николаевна не оставитъ. И буду наивсегда всепокорнѣшимъ слугою —

Николай Козловъ

1917 г.

Азбука

букварное

I

Память дѣтская — память неизгладимая. И изъ всѣхъ началъ начало ученья — на всю жизнь. Первыя слезы — безпамятное принужденіе. Памятное принужденіе — азбука.

Показываютъ подвижную букву и говорятъ:

— Это Азъ.

— Азъ.

И этотъ Азъ мѣняетъ тебѣ лицо — глаза — взглядъ.

„Засадили, дружка, за книжку, вотъ оно что!"

До Аза и послѣ Аза — двѣ разныхъ карточки.

То была игра — принужденіе добровольное, а потому и нечувствительное, тутъ ученье — принужденіе постороннее, а потому и чувствительное. Набѣгается — устанетъ, это одно, а посидитъ за книжкой — устанетъ, это другое.

— Это Азъ.

— Азъ.

Для тѣхъ, кто войдя въ міръ, идетъ по проторенным путямъ, грамота легка — вѣдь, воспоминанія живучи и не требуютъ усилій, тàкъ, чуть затронуть, одинъ намекъ, и готово. Но тѣмъ, кто вступая въ жизнь, только начинаетъ путь, грамота — тяжесть неимовѣрная.

Само собой, не мало тутъ и отъ искусства наставника: можно это Азъ такъ показать или такъ произнести, что явись во-вторые Кириллъ и Меѳодій, и самимъ первоучителямъ не легко бы далась собственная ихъ же грамота.

— Это Азъ.

— Азъ.

Сколько слезъ, не тѣхъ безпамятныхъ, когда стукнулся — отдѣлился отъ вещи другой, нѣтъ, памятныхъ слезъ — изволь сложить изъ воздуха новую вещь.

Безъ принужденія никакъ не обойтись.

Мнѣ приходитъ на память картинка изъ Букваря Поликарпова: принужденіе на картинкѣ наглядно выражается лозою — „въ наученіе“.

И сколько долженъ ты былъ претерпѣть отъ этой спасительной лозы, дабы вкусить потомъ съ сѣдиной въ бородѣ сладкаго плода наученія — читать премудрости еллинскія и римскія и поученія святыхъ отецъ.

II

Былъ я какъ-то лѣтомъ въ Москвѣ — всякій годъ на старыя родныя могилы путь-дорога мнѣ, не минуешь. Зашелъ на старое пепелище, взялъ книгъ узелокъ. А тутъ какъ сталъ разбирать, все-то знакомыя, первыя: по однимъ моя мать училась, по другимъ мнѣ довелось. И все я вспомнилъ, тряхнулъ стариной.

Вотъ Букварь конца XVIII вѣка — узенькая продолговатая тетрадь. Отъ дѣтства помню ее, только тогда она потолще была. Четыре въ ней азбуки: русскія буквы, латинскія, греческія, нѣмецкія, а по середкѣ картинка. Подъ азами подпись:

Господи благослови

Послѣ письменныхъ буквъ десять заповѣдей. А первыми примѣрами для чтенія — Отче: по-гречески, полатыни, по-французски и по-нѣмецки.

Вотъ и другой Букварь съ картинками — книга объемистая. Ее помню очень хорошо, когда еще и читать не умѣлъ, и особенно первую картинку на первомъ листѣ:

Азъ есмь свѣтъ міру

★

Много буквъ въ Букварѣ: крупныя красныя, за ними поменьше съ картинками и ни на что не похожими подписями:

нарисованъ съ лукомъ китаецъ, — подпись: Іоркскій житель.
подъ буквою Ю — Юлія,
а подъ Ѳ-ою — Ѳедя.

Почему Іоркскій житель? почему Юлія? почему Ѳедя? — ни я, ни Василій Васильевичъ Розановъ, которому какъ-то попался на глаза этотъ Букварь мой, какъ ни ломали голову, а разгадать не могли. Да такъ и оставили — есть что-то въ несообразности завлекательное и, пожалуй, самое изумительное въ томъ, что называется „ни къ чему!“ — пускай же себѣ красуется и Іоркскій житель и Ѳедя съ Юліей.

За картинными буквами буквы бѣлыя, за бѣлыми обыкновенныя поменьше и совсѣмъ маленькія. И все въ Букварѣ, чего хочешь: буквы, склады, слова, нравоученія, молитвы, псаломъ, заповѣди, краткое христіанское ученіе, правила благонравія, священная исторія, грамматика, ариѳметика, басни, повѣсти, анекдоты и въ заключеніи діалогъ.

А вотъ Елка — Русская азбука „Августѣйшимъ дѣтямъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой княгини Цесаревны“ Анна Дараганъ.

Бутвы въ Елкѣ безъ картинокъ, а такъ картинокъ много. И нѣкоторыя до того памятны:

китаецъ несетъ ящикъ чаю, — маленькая.

рыбакъ, что у тебя въ кадкѣ? — большая.

Я смотрѣлъ на эти картинки, какъ изъ другого міра, и мнѣ чего-то всегда становилось грустно.

Полѣдняя картинка: елка. А елки у насъ въ домѣ никогда не бывало, я ее только и зналъ, что по этой картинкѣ.

А вотъ два Букваря нѣмецкихъ. Оба Das Illustrirte Goldne Kinderbuch.

*

1-ый — Die Kinderstube I. Unterweisungen einer Mutter durch Wort und Bild für brave Kinder, welche lesen lernen wollen. Herausgegeben von Lehrer Louis Thomas. Mit 200 Abbildungen. Leipzig. Verlag von Otto Spamer, 1852. 80 S.

2-ой — Die Kinderstube III. Erstes A-B-C, Lere-und Denkbuch für brave Kinder, die leicht lesen lernen wollen. Ein Führer für Mütter und Erzieher beim ersten Unterricht. Von Ernst Lausch, Lehrer an der ersten Bürgerschule zu Wittenberg. Zweite verbesserte Auflage. Mit über 300 Text-Abbildungen und zwei Buntbildern. Leipzig. Verlag von Otto Spamer. 1852. 100 S.

Я ихъ тоже хорошо помню. По нимъ училась моя мать. И въ нихъ, какъ въ русскихъ Букваряхъ всякая буква съ картинкой.

Вотъ какія картинки въ четырехъ букваряхъ по старшинству:

Ангелъ	Ангелъ	Auge	Affe
Бабочка	Бабочка	Brunnen	Brunnen
—	—	Cigarren	Citronen
Ваза	Вѣнокъ	Wiege	Wiege
Глобусъ	Глобусъ	Giesskanne	Giesskanne
Деревня	Дерево	Dampfwagen	Dampfwagen
Евангеліе	Егерскія снаряды	Eier	Ente
—	Жертвенникъ	—	—
Звѣзда	Змѣя	—	—
Исторія	Инструменты	—	—
Іисуса Христа моленіе о Чашѣ	Іоркскій житель	Jagdhorn	Jagdhorn
Корзина съ цвѣтами	Козелъ	Kirche	Kirche
Левъ	Лира	Löffel	Lampe
Меркурій	Медвѣдь	Mühle	Mühle
Нептунъ	Ноты	Nagel	Nagel
Оратай	Озеро	Ohr	Ohr
Пѣтухъ	Птица	Puppe	Puppe
—	—	Quelle	Quelle
Ракъ	Рогъ изобилія	Reiterstiefel	Rose
Стрѣлецъ	Соколъ	Steckenpferd	Steckenpferd
Треугольникъ	Трубачъ	Trommel	Trommel
Урна	Урна	Uhr	Uhr
Фортуна	Филинъ	Vogelbauer	Vogelbauer
Хозяинъ	Художество	Helm	Helm
Церковь	Цвѣты	Zuckerhut	Zucker
Чаша	Чалма	—	—
Шлемъ	Шишакъ	—	—
Щитъ	Щитъ	—	—
—	Ѣзда	—	—
Эхо	Эмблема	—	—
—	Юлія	—	—
Якорь	Якорь	—	—
—	Ѳедя	—	—

III

Букварь съ картинными буквами — первая грамота, а учили еще и по карточной подвижной азбукѣ съ картинками. Разныя были картинки. На Литейномъ въ витринахъ разъ увидѣлъ я старую географическую азбуку, а у меня осталось отъ книжной казны московской старая азбука зоологическая.

Въ первый годъ войны прiѣхалъ на побывку кавалеръ обезьяньяго знака Е. В. Аничковъ. Я его очень ждалъ, хотѣлось все разузнать по правдѣ, какъ на войнѣ. Зашелъ онъ къ намъ подъ вечеръ, присѣлъ къ столу. Сразу-то не знаю, чего и спросить, да и ему не знай, съ чего начинать, — такъ оба и сидимъ. А на столѣ у меня эти самыя картинки лежали зоологическiя. Взялъ онъ одну посмотрѣть, вижу, и другую беретъ. И стали мы вмѣстѣ картинки смотрѣть да подписи читать, про войну и забыли.

Живописныя картинки, а подписей такихъ не сочинишь.

Альбатросъ

Водная птица величиною болѣе лебедя, цвѣта темносѣраго, питается морскими животными, особливо рыбою; водится на водахъ южныхъ морей.

Бакланъ

Водится во всѣхъ климатахъ по берегамъ морей; величиною съ гуся и питается рыбою.

Гигкунъ или Гага

Живетъ на берегахъ ледовитаго моря; питается рыбою и раковинами; пухъ ея почитается лучшій.

Дикобразъ

Водится вездѣ, питается зеленью и плодами, покрытъ иглами; шерсть мягкая.

Енкуберъ или тату

О шести полосахъ; питается плодами и птицами, имѣетъ двѣ брони; рыло похоже на свиное.

Жербуазъ

Переднія лапы похожи на руки; питается травою; живетъ въ норахъ, какъ кроликъ.

Золотой фазанъ

Извѣстенъ красивыми разноцвѣтными перьями; водится въ Китаѣ.

Игла-рыба

Обѣ челюсти ея похожи на иглу, а потому весьма опасна для прочихъ рыбъ.

Іокко

Обезьяна ручная и весьма переимчивая.

Кошка тибетская

Водится въ восточной Индіи и Тибетѣ, живетъ всегда на вершинѣ деревъ, и весьма дика.

Леопардъ

Цвѣта темно-желтоватаго съ черными пятнами, лютъ, кровожаденъ; водится въ Африкѣ.

Мангусъ

Величиною съ кошку, спина цвѣта бураго, а брюхо бѣловатое.

Нилъ-готъ

Водится въ Азіи и Африкѣ; питается травою, и мясо его вкусно.

Оргали

Походитъ на овцу, но вмѣсто шерсти имѣетъ щетину.

Поломодея рогатая

Водится въ Америкѣ; на головѣ имѣетъ рогъ и два поменьше на крыльяхъ.

Рудомедъ или Вампиръ

Водится въ Африкѣ и Азіи; изъ числа летучихъ мышей; питается сокомъ деревъ и кровью животныхъ.

Соколъ

Живетъ въ Сѣверныхъ странахъ и извѣстенъ ловлею птицъ и малыхъ животныхъ.

Тапиръ

Водится въ Америкѣ; величною съ теленка, имѣетъ хоботъ, питается кореньями.

Ударяющій Угорь

Имѣетъ цвѣтъ изъ-красно-черный, и производитъ электрическій ударъ.

Хамелеонъ

Извѣстенъ мгновенно перемѣняющимся своимъ цвѣтомъ; питается мухами.

Цыбетъ

Питается животными и кореньями; даетъ извѣстное въ аптекахъ вещество цыбетъ.

Черной вари

Водится въ Восточной Индіи и крикъ его подобенъ реву львиному.

Штокфишъ

Рыба похожая на треску, и употребляется въ пищу вяленая.

Щуръ

Величною съ дрозда; носъ имѣетъ твердой, и толстой, гнезды вьетъ на вершинахъ деревъ.

Эдинъ

Маленькая обезьяна весьма проворная и забавная, крикъ ея иногда пріятенъ.

Ягуаръ

Лютъ, какъ тигръ, и имѣетъ темнобурую шерсть; водится въ Новомъ Свѣтѣ.

Юмаръ

Частію похожъ на коровъ, частію на лошадь.

Ѳассанъ

Похожъ на янота и питается большею частію зеленью и плодами.

IV

Старые мои Букварн, старыя азбучныя картинки, только чудомъ сохранившіяся — ничего вѣдь такъ не пропадаетъ и притомъ безъ всякаго слѣда, какъ первые учебники! — очень меня обрадовали, но и на грустныя

размышленія навели меня о бѣдности нашей азбуковной.

Вотъ Хрестоматія, по которой я учился сначала у нашего приходскаго дьякона Василія Егоровича Кудрявцева, а потомъ въ гимназіи. Хрестоматія составлена моимъ учителемъ Иваномъ Ивановичемъ Виноградовымъ и А. Андреевымъ для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній.

Надпись рукою моей матери: „Алексѣя Ремизова 18 Окт. 1883“. И хоть бы одна картинка! И не даромъ, должно быть, на внутреннемъ листѣ переплета я переводилъ цвѣтныя картинки, расчеркивался подъ учителя чистописанія А. Р. Артемьева, а въ концѣ нарисовалъ псозвѣря: морда песья, и переднія лапы песьи, а все остальное, какъ у рыбы.

По скучнымъ книгамъ учили насъ, позавидуешь старинѣ и богатой, и ясной.

Вотъ новая Азбука, но на старомъ пути, напечатанная въ Московской Старообрядческой Книгопечатнѣ, въ Москвѣ въ лѣто 7421 (1913):

„Начальное ученіе человѣкомъ хотящимъ учитися книгъ Божественнаго писанія.“

Посмотришь на чистые новые листы и сердце дрогнетъ отъ умиленія.

Начинается азбука „Во́ имя Отца и Сына и святаго Духа“, „Божіе в помощь мою воньми, и вразуми мя во ученіе сіе“ и обращеніе къ Козмѣ и Даміану „Святіи чудотворцы и безсребренницы Козмо и Даміане, молите Бога ей о мнѣ грѣшнемъ“, а ужъ затѣмъ идутъ буквы заглавныя, буквы строчныя, слози двоеписменніи, слози троеписменніи, число церковно и имена просодіямъ (слогоударение): оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титла, слово титла, апострофь, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, вмѣстительная. А заканчивается Азбука задостойникомъ: „О тебѣ радуется обрадованная всякая тварь“.

Еще скажу о старой грамотѣ, которую въ узелкѣ вывезъ я изъ Москвы съ пепелища. Прописи, по которымъ я учился писать, пропали, но буквы и до сихъ поръ вижу съ усиками, съ виноградами. Нѣтъ прописей моихъ, сохранились однѣ карточки съ раскрашенными картинками изъ священной исторіи. Любилъ я смотрѣть на эти картинки: тутъ и зеленое Грѣхопаденіе прародителей и золотая Царица Савская и крылатая Лѣстница Іакова и красная Тайная вечеря. Никогда не читалъ я подписей, только смотрѣлъ и на всю жизнь запомнилъ.

А недавно пришелъ ко мнѣ князь обезьяній И. А. Рязановскій, а я старину мою московскую и старую, и нестарую разложилъ на столѣ, вспомянуть захотѣлось. Среди книгъ лежали дѣтскія Гриммовы сказки въ русскомъ переводѣ, напечатанныя въ Лейпцигѣ, съ яркораскрашенными картинками.

Посмотрѣлъ князь обезьяній на книгу и прослезился.

— Господи, — говоритъ, — да я по этимъ сказкамъ учился. Онѣ мнѣ прямо вотъ какъ родныя. И Золушка съ лѣстницы сбѣгаетъ, красавица ненаглядная, и Бѣлоснѣжка передъ егеремъ плачетъ, проситъ не убивать — какъ я жалѣлъ ее! А вотъ она у карликовъ спитъ — измучилась. Вотъ добрыя и злыя феи надъ колыбелью, Красная шапочка съ сѣрымъ волкомъ разговариваетъ, Котъ въ сапогахъ — помню васъ, помню!

Смотрѣли мы Гриммовы сказки, любимыя картинки.

И я все вспомнилъ — по ёжику въ синихъ штанишкахъ ожила память. Сказокъ я никогда не читалъ, только смотрѣлъ на картинки и на всю жизнь запомнилъ.

1917 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ